

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БАЙКАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Б.О. Гомбоев

АГРАРНОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Ответственные редакторы
член-корреспондент РАН *А.К. Тулохонов*
доктор географических наук *Ю.П. Михайлов*

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СО РАН
2006

Рецензенты:

доктора географических наук *А.Б. Иметхенов, Б.Л. Раднаев,*
доктор экономических наук *П.Ж. Хандуев*

Гомбоев Б.О.

Г64 Аграрное землепользование Внутренней Азии /
Б.О. Гомбоев; отв. ред. А.К. Тулохонов, Ю.П. Михайлов;
Рос. акад. наук, Байкальский ин-т природопользования. –
Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 228 с.
ISBN 5-7692-0865-1.

В монографии приведен сравнительный анализ природных, культурных и административных условий во Внутренней Азии и их влияния на систему ведения животноводства, что открывает возможность оценки разнообразия реформ, происходящих в регионе на территории трех государств – России, КНР и Монголии. Анализ проведен с учетом эволюции аграрного землепользования в регионе.

На основании изучения природных особенностей и социально-экономической организации животноводческого хозяйства в регионе определены закономерности эволюции аграрного землепользования во Внутренней Азии и его формы, соответствующие естественному развитию степного комплекса при новом политическом статусе государственных образований.

Книга рассчитана на географов, историков, этнографов, экологов.

In the monograph the comparative analysis of natural cultural and administrative conditions in Inner Asia and their influences on the system of the conducting of cattle-breeding is carried out. The analysis predetermines the opportunity of estimation of reforms variety in region on the territory of three states – Russia, the People's of China and Mongolia.

The analysis carried out with due regard the evolution of pastoral land-use of the region. The pastoral land-use unites the basic natural, economic and social sides of development of traditional society. Regularities of evolution of pastoral land-use in Inner Asia and its forms most appropriate to natural development of steppe complex at the new political status of the state formations are determined on the basis of studying natural features and social-economic organization of cattle-breeding facilities in the region.

*Утверждено к печати Ученым советом
Байкальского института природопользования*

ISBN 5-7692-0865-1

© Б.О. Гомбоев, 2006
© Байкальский институт
природопользования СО РАН, 2006
© Оформление. Издательство
СО РАН, 2006

ВВЕДЕНИЕ

*Организатору, вдохновителю и руководителю
Международного проекта «Сохранение природной
и культурной среды в районах Внутренней Азии»
профессору Кэролайн Хамфрей посвящается*

Значительная часть территории Внутренней Азии используются как естественные кормовые угодья в течение нескольких тысячелетий. Эти угодья являются в определенном смысле продуктом долговременной практики кочевнического животноводства, т.е. экономической культуры и образа жизни людей, проживающих в данном регионе.)

Во Внутренней Азии с начала 1990-х гг. и до настоящего времени происходит существенная трансформация животноводческих экономических систем в соответствии с политикой государств, в чью территорию входит регион, – России, Монголии и Китая.

В связи с этим представляется актуальным осуществление сравнительного анализа природных, культурных и административных условий во Внутренней Азии и их влияния на систему ведения животноводства, что, в свою очередь, позволит оценить разнообразные реформы, происходящие в настоящее время на этом обширном степном пространстве, и прогнозировать их воздействие на общество и окружающую среду региона. Одним из целесообразных путей проведения такого анализа является изучение эволюции аграрного землепользования в регионе, поскольку оно объединяет основные природные, хозяйственные и социальные стороны развития здесь традиционного общества.

Актуальность данной темы усиливается еще и тем, что в современный период геополитические условия требуют более обоснованных подходов к формированию и реализации интересов России на ее восточных рубежах. Ю.П. Михайлов [20016] полагает, что геополитика – это наука не только о внешнеполитических отношениях. Она связана с изучением множества факторов, лежащих за пределами того или иного государства и тем не менее оказывающих очень сильное влияние на внутреннюю экономическую и политическую деятельность последнего. Вза-

имодействие этих факторов, по мнению ученого, можно рассматривать как взаимодействие политических и иных геополей. Принимая данную трактовку, мы считаем, что изучение традиционного хозяйства Внутренней Азии на новом этапе ее развития позволит руководителям отдельных государственных единиц региона принимать более обоснованные политические и экономические решения, в частности, касающиеся межгосударственных отношений на данной территории.

Пастбищные угодья Внутренней Азии представляют собой обширную природно-экономическую зону. Этот регион является одним из самых больших субконтинентов планеты, слабо измененных человеком. Однако и здесь антропогенное воздействие в ряде районов создает угрозу сохранению природных ландшафтов.

Государства, в границы которых входят части Внутренней Азии, представляют различные административные системы управления хозяйством, в том числе – животноводческим. В России и Монголии ранее существовавшие две формы коллективного животноводства преобразуются в настоящее время в формы, переходные к частной собственности. В Китае же животноводство почти полностью отдано в частную собственность, при этом кардинальное и быстрое развитие получают рыночные отношения. Вместе с тем накопленные традиционные знания и системы социальной организации продолжают играть важную роль в развитии животноводства многих стран.

Итогом их взаимодействия с современными административными формами социально-экономической организации жизни общества в регионе является сложившееся современное аграрное землепользование Внутренней Азии. Формирование его под воздействием различных социальных систем в пастбищной зоне предоставляет уникальную возможность изучения влияния методов управления сельским хозяйством на характер землепользования и, соответственно, воздействия последнего на окружающую среду.

Данная работа посвящена тому, чтобы на основании анализа природных особенностей и социально-экономической организации животноводческого хозяйства в регионе определить закономерности эволюции аграрного землепользования во Внутренней Азии и его формы, наиболее соответствующие естественному развитию степного комплекса при новом политическом статусе государственных образований на территории комплекса. В соответствии с этим рассмотрены следующие вопросы:

- обоснование теоретических подходов и приемов географического изучения аграрного землепользования Внутренней Азии;
- определение методических основ исследования аграрного землепользования и хозяйства на территории Внутренней Азии;
- оценка естественно-географических условий районов Внутренней Азии для ведения nomадного животноводства;
- определение региональных особенностей развития сельскохозяйственного производства и использования земельного фонда;
- характеристика и оценка территориальных уровней аграрного землепользования в районах Внутренней Азии с детальной его оценкой на низовом административно-территориальном уровне на 11 ключевых участках;
- разработка концептуальных основ сбалансированного развития nomадного животноводства во Внутренней Азии.

Под Внутренней Азией мы подразумеваем глубинные районы обширнейшего субконтинента Центральной Азии, объединяющие внутриконтинентальные территории и составляющие ядро Азии (рис. 1). Именно в таком контексте использовал этот термин В.А. Обручев [1951]. Существует и другое представление о Внутренней Азии: как о пространстве от Центральной Якутии на севере до плоскогорья Ордос на юге и от Алтая на западе до Большого Хингана на востоке [Равский, 1972]. Помимо природных характеристик, объединяющих регион, мы включаем в понятие Внутренней Азии и геокультурные параметры, составляющие вместе с природными межцивилизационный континуум (по определению В.Л. Цимбурского [2000]). Наряду с различными типами этих континуумов – неоднородным кавказским, диверсифицированным восточноевропейским [Замятин, 2001] – существует и центральноазиатский, ядро которого составляет Внутренняя Азия. Этот тип более простой и очевидный, соответствующий геокультурной динамике и ландшафтной характеристике региона. Его основу составляет пастбищное животноводство, развивающееся здесь тысячелетиями.

Исходя из этого, мы определяем Внутреннюю Азию как регион, включающий три субъекта Российской Федерации – Республику Бурятию, Республику Тыву и Читинскую область, всю Монголию и два субъекта КНР – автономный район Внутренняя Монголия и Синьцзянь-Уйгурский автономный район. Природная среда различных частей обширной территории Внутренней Азии, экономика и культура народов, их населяющих,

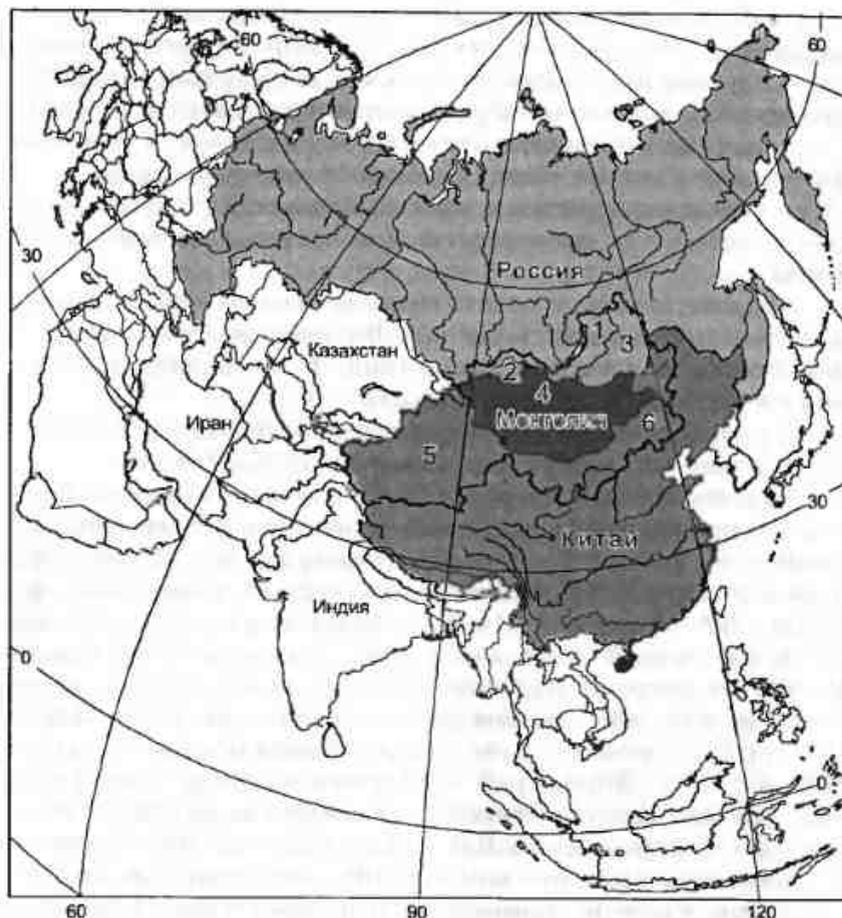

Рис. 1. Географическое положение субконтинента Внутренняя Азия. Российская Федерация: 1 – Республика Бурятия, 2 – Республика Тыва, 3 – Читинская область; 4 – Монголия; Китайская Народная Республика: 5 – Синцзянь-Уйгурский автономный район, 6 – Автономный район Внутренняя Монголия.

имеют много общего. Вместе с тем формы хозяйствования, а также и социальная структура общества здесь существенно различаются.

Предметом рассмотрения в данной монографии являются эволюция аграрного землепользования в изменяющихся политических и социально-экономических условиях в районах Внут-

ренней Азии; трансформация естественных кормовых угодий региона; формы территориальной организации животноводства, соответствующие сохранению и сбалансированному развитию природно-хозяйственного комплекса территории.

Первичный материал собран во время экспедиционных работ на ключевых участках во всех внутрирегиональных единицах Внутренней Азии и в административных центрах; широко использованы данные статистической отчетности и сведения, полученные в результате обширных социологических исследований коренного населения региона. Комплексное использование различных методов позволило применить системный подход к изучению эволюции аграрного землепользования в регионе.

В предлагаемом исследовании впервые для столь крупного и единого во многих отношениях региона, как Внутренняя Азия, осуществлен экономико-географический анализ происходящих в нем процессов трансформации территориальной организации традиционного хозяйства под воздействием различных типов хозяйственной деятельности и природопользования в целом, социального устройства государственных образований в различных районах в новых политических и социально-экономических условиях.

Данная работа является продолжением и развитием исследований, проводившихся в рамках Международного проекта «Сохранение природной и культурной среды в районах Внутренней Азии», где автор являлся одним из ответственных исполнителей. Проект проводился под эгидой Центра изучения Монголии и Внутренней Азии Кембриджского университета под руководством профессора Кэролайн Хамфрей. В работе использованы материалы коллективной монографии «Хозяйство, культура и окружающая среда в районах Внутренней Азии» (Новосибирск, 2001), в которой обобщены основные результаты указанного проекта.

Глава I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ И МЕТОДЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

1.1. ТЕРРИТОРИАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ (ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ)

Объективной основой стабильной и рациональной организации аграрного землепользования является такое сочетание его животноводческой и растениеводческой отраслей, которое обусловливается своеобразием географической среды и структурами управления, призванными обеспечить целесообразное, бережное использование, охрану и воспроизводство ресурсов среды.

Взаимодействие природы и общества в процессе общественной жизни может осуществляться лишь в рамках определенной организации. В любой из них выявляются: 1) элементы множества; 2) различные группировки этих элементов с внутренними и внешними взаимосвязями, или структура; 3) цель развития совокупности элементов в целом; 4) основной механизм функционирования и управления [Алаев, 1983].

В общем смысле понятия «организация» и «структура» подразумевают совокупность связей между частями системы, которые обеспечивают ее целостность, определяют наиболее характерные свойства. При этом развитие структурной и функциональной сторон системы не происходит одновременно, а осуществляется с некоторыми противоречиями [Моисеев, 1984]. В качестве важного элемента адаптации любого общества к внешним условиям выступает согласование его организационных форм с производственной деятельностью [Там же]. Это отчетливо проявляется в аграрном землепользовании, в том числе – в пастбищном животноводстве.

Системы и формы организации общества в целом, с одной стороны, и системы и формы природопользования, включая аграрное землепользование, – с другой, имеют аналогичные элементы, сгруппированные в структуры двух типов – вертикальные (отраслевые) и горизонтальные (территориальные).

Аграрное землепользование, как и территориальная организация природопользования в целом, выражается в виде иерар-

хически соподчиненных административно-территориальных образований, а в качестве механизма функционирования структур и систем аграрного землепользования выступают отношения, возникающие в ходе хозяйственного процесса и определяющие формы упорядочения функционирования общественного производства, в том числе – в территориальном аспекте.

В общей сложности, территориальная организация природопользования – это совокупность всех видов прямого и косвенного пользования всеми видами природных ресурсов (земле-, лесо-, водопользование и т.д.), а территориальная организация аграрного землепользования – это, прежде всего, растениеводческая и животноводческая отрасли, которые объединяются географическим пространством и структурами управления.

В настоящей работе анализируются внутривнутрирегиональные закономерности, особенности и формы территориальной организации аграрного землепользования Внутренней Азии, а также процессы, от которых зависит эта организация. Суть нашего подхода заключается в установлении принципов формирования рациональной структуры аграрного землепользования в регионе на основе выявления функциональных особенностей отдельных его частей и сложившегося управления территориальной организацией.

Методология принятого нами подхода, обусловленная категорией пространства, диктует особенности логики проведенных исследований. Главная методологическая проблема, которая разрешается в ходе изменений по данной теме, заключается в выборе средств познания изучаемых объектов и процессов их развития как системы сложных связей, функционирующих на различных территориях, в среде жизни определенных этносов.

Пространственная организация производительных сил как категория, отражающая распределение последних по территории в соответствии с природными, социальными и экономическими условиями отдельных районов, обуславливает и территориальную организацию природопользования, в том числе – аграрного землепользования.

Аграрное землепользование формируется соответствующей структурой сельскохозяйственной организации, которая регулируется посредством административно-хозяйственного механизма.

Понятие «структура» в общем виде отражает как отношения между элементами, составляющими определенное сочетание, так и сами эти элементы. Она является одной из фунда-

ментальных характеристик всякой системы. Взаимообусловленность внутренней организации последней, взаимодействие составляющих ее элементов проявляются в распределении и перераспределении функций между ними в рамках сложившейся структуры. Сама же структура кристаллизуется в результате связей между элементами системы [Блауберг, Юдин, 1973; Садовский, 1974; Трофимов, Хузеев, 1988; Котляков и др., 1999].

Выделяются два смысловых оттенка понятия «структура», для различия которых предлагается использовать термины «общая структура» и «частная структура» [Хузеев, 1989; Котляков и др., 1999]. Любой объект определенного уровня организации можно рассматривать и в качестве структуры взаимодействия элементов более низкого уровня организации, и как элемент в структуре взаимодействия объектов одного с ним уровня, т.е. структуре более высокого порядка [Тютюнник, 1990]. При этом подчеркивается, что отличительной чертой общей структуры является не набор частных структур, обуславливающих ее облик, а специфика их взаимодействия [Котляков и др., 1999].

Под территориальными структурами понимаются отношения между отдельными территориальными частями целого [Василевский, Полян, 1978; Хузеев, 1989; Рубцов, 1993; Осипов, 1996; Котляков и др., 1999]. В соответствии с целью и задачами данного исследования мы придерживаемся определения, согласно которому территориальная структура включает совокупность таких связей между элементами, где непременно присутствует процесс преодоления пространства, а один из резервов оптимизации этих связей кроется в сокращении материальных и энергетических затрат на него [Алаев, 1983]. Применительно к нашей работе это заключается в выделении в регионе пространственно четко выраженных элементов среды, каждый из которых выполняет определенную функцию или набор таковых, и эта функция (функции) связана с географическим положением конкретного элемента на исследуемой территории.

Формирование структуры аграрного землепользования, отвечающей требованиям рационального использования земельных ресурсов, охраны и воспроизводства природной среды, предполагает действие соответствующего хозяйственного механизма, посредством которого осуществляется управление аграрным землепользованием путем создания, регулирования и контроля определенных условий и требований.

Следовательно, необходима совокупность административных и экономических рычагов и стимулов воздействия на процесс аграрного землепользования, на основе которых обеспечивается согласование объемов производства и потребления различных сельскохозяйственных продуктов, с одной стороны, и решение задач охраны и воспроизводства природной среды – с другой.

Аграрное землепользование как процесс, протекающий в пределах конкретных территорий, оказывает прямое влияние на их ландшафтную структуру, на все их составляющие, в том числе – на вовлеченную различным образом в жизнь общества географическую среду, включая хозяйство и население. Последние структурно организованы и состоят из элементов, пространственно-временное развитие и взаимодействие которых на различных территориях соответствующим образом дифференцировано в зависимости от природных и социально-экономических условий.

Таким образом, территориально-структурная дифференциация природопользования вообще и аграрного землепользования в частности определяется географическим пространством и особенностями сложившихся структур управления и выражается различными функциональными сочетаниями территориальных элементов.

Изучение землепользования на любом территориальном уровне подразумевает определение таких категорий, как земля и земельные ресурсы. В своем исследовании мы опирались на марксистское понимание земли как материи и земли как капитала [Маркс. Соч., т. 4]. Земля-материя существует вне зависимости от воли и сознания людей, представляя собой более или менее вечную категорию. Земля же в качестве капитала – категория историческая. Она может изменять свое содержание и выполнять различные функции в зависимости от потребностей общества.

Поскольку в работе исследуется аграрное землепользование Внутренней Азии, куда входят различные пользователи земли, то следует установить отношение к земле с их стороны. И здесь вновь обращаемся к К. Марксу, который определяет землю как всеобщий предмет и всеобщее средство труда.

«Земля (с экономической точки зрения к ней относятся и вода), первоначально обеспечивающая человека пищей, готовыми жизненными средствами, существует без всякого содей-

ствия с его стороны, как всеобщий предмет человеческого труда. Все предметы, которые труду остается лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда» [Маркс, т. 23 с. 189].

Помимо конкретных средств труда, используемых обществом для воздействия на предмет труда и являющихся проводниками его деятельности, К. Маркс относит к средствам процесса труда в более широком смысле все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы этот процесс мог совершаться. Они не являются его непосредственными участниками, но без них материальная деятельность или совсем невозможна, или может происходить лишь в несовершенном виде. «Такого рода всеобщим средством труда является опять-таки сама земля» [Там же, с. 191].

Важное значение в нашем исследовании имеет соотношение рассмотренных категорий с понятиями «природные условия» и «природные ресурсы». Наиболее широким является понятие «природа». Оно обобщает природные факторы жизни общества и включает в себя понятия «природные условия» и «природные ресурсы» как части целого.

В отечественной ресурсоведческой литературе в качестве природных условий принято рассматривать тела и силы природы, которые на данном уровне развития производительных сил существенны для жизни и деятельности человеческого общества, но не участвуют непосредственно в материальной деятельности людей [Миц, 1973].

Понятие «природные ресурсы» имеет не совсем однозначную трактовку у различных авторов. Общим является то, что все они подразумевают непосредственное участие природных ресурсов в производственной деятельности общества. Одни исследователи понимают под термином «ресурсы» любые виды вещества, энергии и информации – по отдельности или в сочетании, в настоящее время или потенциально пригодные для использования в любой сфере жизни общества [Системные исследования..., 1980]. Идентичной является и трактовка природных ресурсов как элементов природы, используемых в качестве источников средств существования людей [Ефремов, 1965]. Но она не привязывает понятие «ресурс» ко времени и пространству. Ресурс же – категория историческая, и то, что сегодня им служить не может, завтра будет выступать в качестве такового, и наоборот. Нам представляется наиболее приемлемым следую-

щее определение: естественные (природные) ресурсы – это тела и силы природы, которые на данном уровне развития производительных сил и изученности могут быть использованы для удовлетворения потребностей человеческого общества в форме непосредственного участия в материальной деятельности [Миц, 1973].

При соотношении понятий «природные условия» и «природные ресурсы» с понятиями «земля-материя», «земля-капитал», «природа» и «земельные ресурсы» можно констатировать, что самыми общими, заключающими в себя другие, являются понятия «земля-материя» и «природа». По существу, они адекватны друг другу, поскольку, по К. Марксу, под землей «с экономической точки зрения следует понимать все предметы труда, доставляемые природой без содействия человека» [Маркс, т. 23, с. 623]. Понятие «природные условия» можно соотнести с той частью «земли-материи», которая не участвует непосредственно в материальной деятельности общества и не является объектом изъятия из природной среды.

К материальным объектам, которые определяются понятиями «земля-капитал» и «земельные ресурсы», прилагается или возможно приложение человеческого труда. Они реально задействованы или потенциально могут быть использованы в общественном производстве. При этом «земля-капитал» непосредственно участвует в процессе общественного производства, тогда как земельные ресурсы – лишь частично; значительная их часть представляет собой потенциальную сферу приложения труда на данном уровне развития производительных сил. Понятие «земля-капитал» входит в понятие «земельные ресурсы», как, в свою очередь, понятие «земельные ресурсы» является составной частью понятия «природные ресурсы».

В последние десятилетия усиливается антропогенезация природы, и географической науке приходится все большее внимание уделять изучению экологии современных природно-хозяйственных систем. Термины «экология» и «экологический» используются нами в самом широком смысле. Под ними подразумеваются те признаки и показатели качества природной среды, которые рассматриваются в соотношении с требованиями, предъявляемыми обществом к природным условиям и ресурсам, необходимым для обеспечения его жизни и хозяйственной деятельности [Антипова, 2001].

В связи с этим можно признать, что понятие «природные ресурсы» расширяется до понятия «эколого-ресурсный потен-

циал», который означает определенный набор параметров (показателей), условий и благ природной среды, обеспечивающих существование человека и являющихся доступными для хозяйственного освоения в соответствии с переживаемым обществом периодом социально-экономического развития. Эколого-ресурсный потенциал включает как природные условия, так и ресурсную часть природы – т.е. совокупность тех природных благ, которые используются в различных видах человеческой деятельности для удовлетворения потребностей общества.

Для развития любого общества и на любой территории все большее значение приобретают «экологически значимые природные свойства» – средо- и ресурсовоспроизводящие свойства и процессы, которые присущи природным системам и имеют важное экологическое значение (как благоприятное, так и неблагоприятное) для трех главнейших сторон жизнеобеспечения человека: а) непосредственного поддержания жизни и здоровья; б) ресурсного обеспечения хозяйства; в) сохранения естественного разнообразия биосферы и географической оболочки Земли [Там же].

На основе вынесенных на рассмотрение понятий и определений проводится характеристика аграрного землепользования Внутренней Азии как долговременной практики использования скотоводческим обществом природной среды в целях удовлетворения своих материальных и культурных потребностей в специфических природных и социально-экономических условиях региона на разных уровнях хозяйствования – от локального до регионального.

1.2. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПАСТБИЩНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА В АРИДНЫХ ЛАНДШАФТАХ

Достаточно очевидно, что структура территориальной системы «природа – хозяйство – население» и взаимодействие ее элементов проявляется и в пастбищном животноводстве. Наиболее отчетливо это видно в местах традиционного кочевничества, распространенного во многих природных зонах и использующего, прежде всего, наибольшие площади пастбищ в полупустынях, пустынях и сухих саваннах, т.е. в районах, недостаточно обеспеченных влагой для земледелия. Особое место среди них занимает Внутренняя Азия, для которой характерно значительное разнообразие природных комплексов, задейство-

ванных в пастбищном животноводстве, – от пустынь до лесостепей. Наряду с природными факторами, главным из которых является довольно скудная увлажненность почв, решающую роль в распространении и формировании отличительных особенностей скотоводства на данной территории играли социально-экономические факторы развития региона, тесно переплетенные с многовековыми традициями использования естественных пастбищных земель.

Пастбищное скотоводство является наиболее экстенсивным видом освоения территории и крупнейшим пользователем земельных ресурсов. Оно занимает около 28,5 млн км² [Куракова, 1983]. Этот важнейший вид сельскохозяйственного использования земель имеет огромное значение для многих государств и народов, особенно расположенных в сухих (аридных и семиаридных) районах субтропиков и умеренного пояса. Несмотря на значительные структурные сдвиги в мировом хозяйстве, в том числе и в сельском, на данный вид деятельности приходится до 70–75 % производства мяса, шерсти и шкур [Тайшин и др., 1999]. Особое место в пастбищном животноводстве занимает его своеобразная форма – оленеводство.

География пастбищного животноводства находится в сильной зависимости от природных условий и ресурсов, оно приурочено к полупустынным и горным местностям, а также развито в многоземельных районах, в которых ощущается недостаток материальных и трудовых ресурсов для интенсивного животноводческого хозяйства [Современная география..., 1977].

В Азии кочевничество развито в Монголии и северных частях Китая, а также в странах Ближнего и Среднего Востока (Афганистан, Иран, Турция, арабские государства). Также оно играет важную роль в пустынных, полупустынных районах Африки и части саванны – странах Сахеля. Крупным районом экстенсивного животноводства является Латинская Америка, где значительная часть товарного скота и кормовых угодий находятся в собственности владельцев латифундий – частных лиц и крупных компаний. Мировым районом пастбищного хозяйства является и Австралия, где развито высокотоварное, экстенсивное и вместе с тем высокотехнологизированное животноводство – шерстное и мясо-шерстное овцеводство и разведение крупного рогатого скота мясного направления.

Организация пастбищного животноводства в традиционных кочевых обществах определяется особенностями их культуры,

связанными с адаптацией хозяйства к природной среде. Результатом этого многовекового процесса является система природопользования, основанная на эксплуатации рассредоточенных по территории и во времени ресурсов. При этом на современное состояние пастбищно-кочевого хозяйства большое влияние оказывает совокупность внешних воздействий, изменяющих социально-экономическую среду, в которой оно функционирует. Это влечет за собой существенные изменения в самом укладе жизни кочевых народов, своеобразии которого в значительной мере обуславливается приспособлением к природной среде.

В настоящее время установлено, что отгонно-пастбищное и кочевое животноводство давно стало важнейшей составляющей механизма воспроизводства используемых при выпасе скота экосистем. А. Джакобс показал, что регулярная пастба скота является обязательным условием поддержания оптимальной для кормовых ресурсов структуры травяного покрова [Jacobs, 1972]. Х.Ю. Шварц установил в ходе полевых исследований, что длительная недогрузка пастбищ может привести почти к такому же сокращению их кормовых ресурсов, как и длительная их перегрузка [Schwartz, 1980].

Однако это не означает экологической оправданности традиционного пастбищного животноводства, а лишь подтверждает, что в целом оно необходимо для сохранения используемых экосистем. Для реализации этого принципа необходима правильная организация выпаса, соблюдение сроков пастбы и норм интенсивности использования пастбищ. Вместе с тем практически все исследователи среди главных причин деградации пастбищных угодий называют перевыпас. Отчасти это объясняется тем, что внимание прежде всего обращается на негативные последствия эксплуатации пастбищных ресурсов, а не на их недоиспользование, поскольку социально-экономические результаты этого несоизмеримы с деградацией пастбищ.

Организация пастбищного животноводства находится в сильной зависимости от природных условий и от имеющихся доступных ресурсов кормов – пастбищных угодий и источников воды. Они должны находиться в сбалансированном соотношении, когда потребление одних ресурсов подкреплено наличием других. В противном случае возникают серьезные противоречия между количеством кормовых ресурсов и их потреблением, приводящие в пастбищном хозяйстве к значительным негативным последствиям. Подтверждение этому мы находим в пере-

населенности и перевыпасе, наблюдающимся на некоторых территориях традиционного скотоводства в зоне Сахеля в Африке и во Внутренней Азии. Анализ типов организации территории в ряде стран, расположенных в семиаридных условиях в Африке, свидетельствует, что нарушение баланса между наличием растительных кормов и водных ресурсов в годы, предшествующие сахельской засухе, существенно усугубило ее катастрофические последствия. Так, А. Саль, исследовавший ситуацию в Сенегале, указывает, что перенаселенность и перевыпас наблюдались не повсеместно, а у постоянных источников воды, прежде всего – вокруг сравнительно новых скважин, которые рассматривались местной администрацией как своеобразные «полюса развития» [Saal, 1978]. Однако возникло резкое несоответствие между возросшими объемами доступной воды и ограниченными пастбищными ресурсами на территориях, обслуживаемых новыми скважинами. Концентрация населения и стад вокруг скважин нарушила традиционные методы землепользования, подорвала сложившуюся практику отгонного скотоводства.

Значение источников воды для номадного скотоводства в условиях Внутренней Азии в историческом прошлом подчеркивалось Г.Е. Грумм-Гржимайло [1933], который писал, что если эти источники иссякнут, скотоводы должны либо умереть, либо покинуть эти пастбища, поскольку переход на искусственное орошение в то время был технически неосуществим. Путешественниками отмечалось, что монгольская степь населена предельно густо [Гумилев, 1974]. Это следует понимать в том смысле, что наличие пресной воды является, среди прочих, одним из основных лимитирующих факторов развития скотоводства: скота на пастбищах столько, сколько можно напоить из имеющихся источников. Поэтому концентрация населения и животных у воды создает впечатление густозаселенной территории.

Таким образом, традиционные формы и механизмы освоения скотоводами природной среды находятся в тесной связи и во взаимозависимости с экологическими условиями, и любая значительная деформация последних приводит к подрыву природной основы животноводческого хозяйства и потере навыков его ведения.

Сильное влияние на пастбищное животноводство, как на самую землеемкую отрасль сельскохозяйственного производства, оказывает его взаимодействие с земледелием. История насыщена примерами крупных перемещений скотоводческих племен и

их глубоких проникновений в зоны расселения земледельческих народов [Блохин, 1992].

В настоящее время пастбищное животноводство практически во всех крупных районах его распространения как бы заполняет экологическую нишу, по разным причинам недоступную для использования и незадействованную земледельческим хозяйством. Однако емкость этой ниши весьма изменчива во времени, а ее границы в различных скотоводческих зонах под воздействием природных и общественных факторов, прежде всего, социально-экономических, имеют тенденцию к сокращению – главным образом за счет освоения пастбищных угодий земледелием.

В новейшей истории имеется достаточно много примеров уменьшения территории, используемой пастбищным животноводством, вследствие экспансии земледелия. Р. Франки и Б. Чейсин на примере Нигера показали, что нарушение многовековых взаимоотношений между скотоводческим хозяйством засушливых северных районов и земледельческим – более влажных южных районов страны привело к повышению концентрации населения и скота на пастбищных угодьях, результатом чего явился перевыпас на значительных площадях [Frankie, Chasin, 1981]. Территориальное разграничение обеих форм землепользования, существовавшее в колониальное и последующие периоды, было нарушено за счет расширения посевов арахиса, на который делался упор как на основу товарного сектора экономики страны. К. Однер отмечает, что в Кении сокращение доступных пастбищ произошло из-за политики поощрения земледелия в наиболее плодородных частях зоны расселения масаев [Odner, 1978]. В северных частях Китая, являющихся южной окраиной Внутренней Азии, до середины 1990-х гг. происходила широкая трансформация естественных кормовых угодий в пахотные земли. На севере Внутренней Азии, относящемуся к территории России, начиная с 1950-х гг. также происходила крупномасштабная распашка естественных кормовых угодий, прежде всего – пастбищ. В эти же годы в СССР в соответствии с государственной политикой развития сельского хозяйства осуществлялась распашка земель, известная как «освоение целины».

Оценка процессов замещения скотоводческого хозяйства земледельческим не может быть однозначной. Развитие землепользования в этих формах хозяйствования должно основываться на целесообразном соотношении эксплуатации земли скотоводством и в земледелии, при котором главным регулятором сей-

час выступает рынок и экологические требования к вовлеченным в хозяйственный оборот землям.

Пастбищное животноводство – как наиболее экстенсивный вид использования земельных ресурсов – вызывает специфические изменения в растительном покрове ландшафтов. Влияние выпаса на растительность кормовых угодий сказывается прежде всего на обилии и видовом составе растительных сообществ. Степные ландшафты в первую очередь лишаются высокорослых растений, более влаго- и тенелюбивых – разнотравья и бобовых. В качестве причины их исчезновения выступает не только поедание их скотом, но и иссушение почвы в результате ее уплотнения животными и разрежение травостоя при стравливании. При этом появляется большое количество низкорослых однолетних растений, более приспособленных к уплотненному и иссушенному поверхностному горизонту [Миланова, Рябчиков, 1979]. Для выпаса животных в меру выбитые пастбища предпочтительнее недовыпасенных или совсем не выпасавшихся угодий: они достаточно продуктивны и их травостой лучше по качеству – он менее разнотравен [Куракова, 1983].

При длительном или чрезмерном выпасе пастбища переходят в сбой – их поверхность оголяется и на них поселяются малопродуктивные растения и сорняки. Возрастающая по мере уплотнения капиллярность почвы и оголение ее поверхности усиливают процессы испарения почвенных и грунтовых вод, что в сухих ландшафтах ведет к засолению пастбищ. Последнее – типичное явление в континентальных частях умеренного и субтропического поясов [Миланова, Рябчиков, 1979]. С течением времени зона наибольшего уплотнения перемещается в глубину почвы, а верхний слой подвергается распылению и дефляции. Особенно интенсивно развивается дефляция на песчаных и супесчаных почвах – вплоть до образования дюн и барханов [Куракова, 1983].

Характерной особенностью аридных и семиаридных районов пастбищного животноводства является использование земель выше их природных возможностей. Причины этого кроются как в неустойчивости природных условий в ареалах распространения отгонного скотоводства, проявляющейся в периодических засухах (а во Внутренней Азии – и в суровых зимних условиях), так и в сокращении площади пастбищ вследствие освоения их земледелием. При этом на состоянии природных комплексов сказываются имущественное положение и культур-

ные ценности кочевников, для которых большое количество скота – символ богатства и высокого общественного статуса. Важное значение при регулировании нагрузки на пастбища имеет традиционный механизм регулирования численности разводимого скота в пределах экологически допустимых норм. Исследователи отмечают, что скотоводы социально и технически способны поддерживать используемые земли в нормальном состоянии [Dresch, 1980], т.е. признают высокий уровень социального механизма адаптации, культурных традиций и профессиональных навыков кочевых и полукочевых народов.

Сохранение природной среды в районах пастбищного животноводства, таким образом, зависит от комплекса условий, главными среди которых являются учет природных особенностей районов ведения скотоводческого хозяйства, оптимальное соотношение поголовья скота и используемой территории, развитие общей и специфической экологической культуры скотоводов.

1.3. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Методическое обеспечение работы основывается на методах, традиционно применяемых в географии, – сравнительно-географическом, картографическом, оценочном, статистическом, историческом, анкетирования и др.

Для изучения территориальной организации аграрного землепользования на высшей государственной ее ступени основное значение имеет историко-аналитико-статистический метод исследования, на средних ступенях – статистико-картографический, на низшей – метод анкетирования и крупномасштабного картографирования отдельных изучаемых объектов и явлений.

Исследование территориальной специфики аграрного землепользования Внутренней Азии производилось нами в ходе специальных экспедиционных обследований на территории региона, анализа литературных источников, статистических, планово-картографических, фондовых, архивных и проектных материалов.

Исходя из представления о землепользовании как одной из составляющих территориальной организации взаимодействия природы и общества, мы стремились показать ее в серии специальных карт.

1.3.1. Метод комплексного обследования ключевых участков на основе специально разработанных вопросников

Изучение эволюции аграрного землепользования такой обширной территории, как Внутренняя Азия, потребовало наряду с исследованием всего региона и его крупных частей также и детального рассмотрения состояния природной среды и развития пастбищного животноводства на ключевых участках в России (Республика Бурятия, Республика Тыва, Читинская область), Монголии и Китайской Народной Республике (автономный район Внутренняя Монголия, Синьцзянь-Уйгурский автономный район) на уровне низовых административно-территориальных образований.

Схема сбора необходимых материалов представлена на рис. 2. Он начинается с проведения социолого-этнографического обследования местного населения ключевых участков с целью выявления отношения коренных сообществ к трансформации социально-экономической ситуации в регионе и изменению природной среды в местах их проживания. Обследование проводилось в соответствии со специально разработанной анкетой. Она содержала одинаковые вопросы для всех ключевых участков, в каждом из них с ее использованием обследовались 18 домохозяйств. Такое количество респондентов обусловлено тем, что оно включает около 20 % населения каждого ключевого участка и охватывает все его социальные, профессиональные и возрастные группы (см. рис. 2). Половина респондентов представлена скотоводами, которые разделены на три имущественные группы – богатые, среднего достатка и бедные.

Вопросы анкеты стратифицированы на четыре соподчиненные части, предназначенные для различных групп местного населения. Первая часть относится ко всем 18 домохозяйствам; вторая – к 9 домохозяйствам, которые занимаются пастбищным скотоводством; третья часть содержит более подробные вопросы к 6 домохозяйствам из всех социальных групп ключевого участка; и четвертая посвящена более детальному опросу членов 3 домохозяйств скотоводов, представляющих разные имущественные группы.

На основе информации, собранной в соответствии с указанной анкетой, выявлено имущественное состояние респондентов, размеры их собственности (поголовье скота, наличие и обустроенность жилых помещений, подсобных и хозяйственных

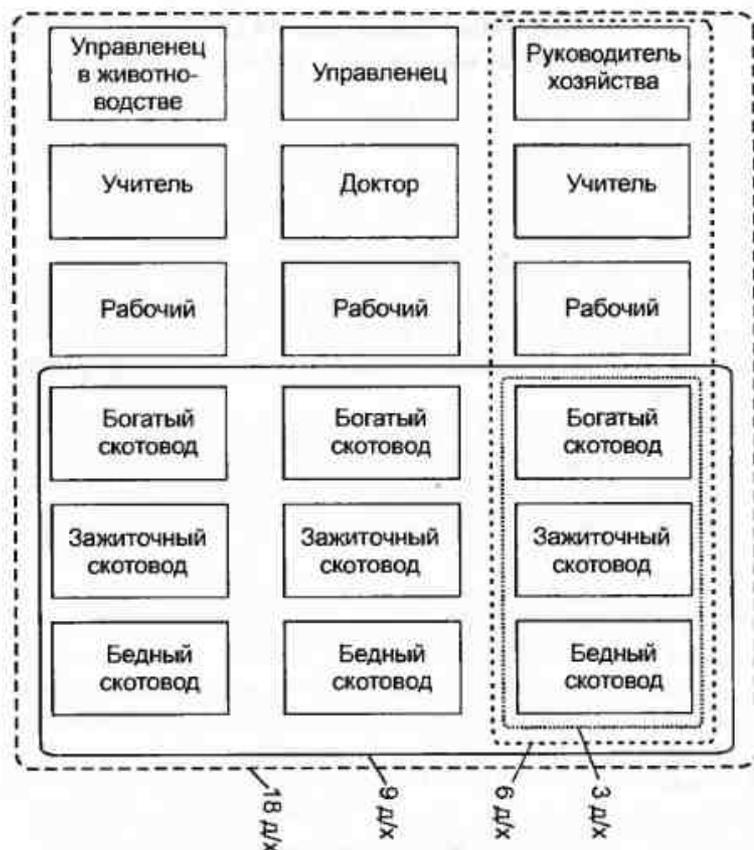

Рис. 2. Структура опроса домохозяйств в ключевых участках Внутренней Азии.

строений), организация сезонного и повседневного труда, использование природных ресурсов и технических средств, привлеченного и наемного труда, а также объем и качество корма, заготавливаемого для скота, число пастбищ, их размеры и качество, количество кочевков, их время и интенсивность. Местных жителей, охваченных опросом, просили высказать свое мнение о происходящих социально-экономических переменах, затрагивающих прежде всего пастбищное животноводство, дать им оценку и сравнить ее с личным опытом восприятия действительности в коллективный и доколлективный периоды. Особое место занимали вопросы, касающиеся отношения к окружающей сре-

де, оценки ее состояния и объяснения причин ухудшения. Респонденты оценивали продуктивность и прибыльность скотоводства в своих хозяйствах – коллективных и частных, различные факторы, влияющие на это, а также предоставляли сведения о своем бюджете: расходы и доходы их деятельности, прежде всего – скотоводческой. В анкетах также был специальный раздел, посвященный каждодневной и сезонной диете респондентов, который показал сильную ее зависимость от сезонной продукции животноводства.

Сбор полевых материалов, включая данные национальной, региональной и районной статистики, осуществлялся в рамках более общей работы (проект сохранения природной и культурной среды в районах Внутренней Азии) участниками проекта, в том числе и автором настоящей монографии.

Таким образом, полевые материалы, собранные в соответствии с представленной анкетой, а также статистическая информация о различных административно-территориальных уровнях региона составили фактическую основу выполненного исследования и повысили объективность его выводов о процессах эволюции аграрного землепользования в районах Внутренней Азии.

1.3.2. Картографический метод

Базовую роль в проведенных исследованиях эволюции аграрного землепользования играют картографические методы, включающие как методы отражения изучаемой действительности, так и методы использования карт для познания отраженных на них явлений, определяемые как картографический метод исследования [Берлянт, 1986].

На роль карт как важнейшего средства установления закономерностей в размещении и взаимосвязи географических явлений, как метода познания неоднократно указывали Н.Н. Баранский [1956], Ю.Г. Саушкин [1973], К.Н. Салищев [1984], А.М. Берлянт [1986], А.А. Лютый [2002] и др.

В нашем исследовании этот метод был ведущим при изучении аграрного землепользования в районах Внутренней Азии, имеющего характер непрерывного пространственного распространения. Отображение результатов работы и их анализ проводились с использованием традиционных и новых картографических методов. Результаты работы воплощаются в серии карт

различного масштаба, сопровождаемых текстовыми комментариями и выводами.

Картографическое обеспечение исследований эволюции аграрного землепользования на территории Внутренней Азии, как и сходных с ней по ряду условий других животноводческих регионов (пастбищных угодий Восточной Африки и Южной Америки), требует использования достаточно дробных показателей, которые должны отражать территориальную дифференциацию типов и состояния аграрного землепользования внутри этого обширного региона. Данный принцип и был реализован в нашей работе. В качестве базовой единицы картирования выступают административно-территориальные образования уровня сельского административного района.

Масштаб картографической основы – 1 : 5 000 000. Первоначально на основе более крупного масштаба (1 : 1 000 000) была нанесена информация с карт административно-территориального деления государственных образований, входящих в территорию Внутренней Азии, с топографическими элементами. Затем полученная основа фотомеханическим способом была уменьшена до масштаба 1 : 5 000 000 и в таком размере использовалась для составления тематических карт.

Практически все выполненные карты относятся, согласно классификации [Михайлов, 1984], к ресурсным географическим картам, причем их большая часть – оценочные карты (рис. 3). Вместе с тем на последних представлены элементы адресных и инвентаризационных карт, что позволяет получить более полное представление о закономерностях распределения показателей на рассматриваемой территории.

Аграрное землепользование во Внутренней Азии неразрывно связано с учетом специфических черт природы различных частей региона и территориальными особенностями формирования и функционирования пастбищного животноводства. В связи с этим оригинальные карты, составленные в ходе выполнения исследования, являются неотъемлемой частью работы и в то же время имеют вполне самостоятельное значение как источники важной вторичной информации.

1.3.3. Исторический метод

Исторический метод является одним из традиционных методов, применяемых в географии. Вынесение его в отдельный

Рис. 3. Схема составления ресурсных географических карт (по: [Михайлов, 1984]).

параграф обусловлено тем, что в нашей работе ему отводится одно из центральных мест, поскольку в районах Внутренней Азии аграрное землепользование, основанное на кочевом скотоводстве, весьма консервативно и в ряде мест сохранило свои основные черты, унаследованные от предыдущих исторических эпох.

Так, в Монголии, в зоне устойчивого антициклона, в районе лесистых хребтов Хангая и Хэнтея было целесообразно круглогодичное кочевание на подножном корму, сохранившееся до

настоящего времени, а в Джунгарии и Тарбагатае, куда зимние циклоны приносят обильные осадки, создающие глубокий снежный покров, еще в III–VI вв. была необходима заготовка сена, и кочевки совершались по вертикали: из степи – на альпийские луга (*джей-ляу*) [Гумилев, 1974]. Таким образом, различные условия существования заставили скотоводов избирать разные формы адаптации к природной среде, что, в свою очередь, предопределило самобытность скотоводческих сообществ.

Историко-географический подход в изучении территории, ее ландшафтов, хозяйства и населения включает выявление элементов предыдущих эпох и их воздействие на современную «ткань» территории. При этом особенно важен анализ старых, современных и нарождающихся элементов в хозяйстве и заселении территории, обуславливающих ее свособразие.

Выделяются два вида историко-географического подхода [Машбиц, 1998]. Первый предполагает исследование временно-го среза развития конкретной территории. На конец определенных исторических периодов изучается характер и формы природопользования, хозяйственное развитие и способы производства, изменения занятий, состава, размещения и расселения населения. Другой вид историко-географического подхода состоит в исследовании особенностей становления и смены различных типов хозяйства. Это уже не временной разрез какой-то территории, а характеристика смены ее основных функций.

В работе мы использовали преимущественно второй подход, позволяющий проследить смену систем ведения хозяйства и их типов, тесно связанную с изменениями в территориальной организации землепользования в различных частях Внутренней Азии. При этом оказалось достаточно эффективным сочетание данного подхода с новой информацией. Так, сравнение административно-территориального деления Монголии в начале XX в. с дифференциацией современных климатических данных помогло объяснить связь конфигурации границ низовых административных единиц и организации аграрного землепользования кочевого скотоводства.

Исторический метод тесно связан с изучением культуры социумов, продолжающей играть важную роль в скотоводческом хозяйстве региона. Во все исторические эпохи, и особенно в наши дни, важнейшей составляющей культуры была система взаимоотношений общества и природы, т.е. то, что можно назвать экологической культурой. Экологическая культура – по-

нятие историческое, поскольку исторически обусловлен сам процесс взаимосвязи природы и человека, природы и общества [Дмитревский, 2000]. Развитие экологической культуры и ее трансформация в разных частях Внутренней Азии происходили неодинаково. В преимущественно животноводческое хозяйство региона на протяжении прошлого столетия происходило внедрение других видов и типов хозяйствования, которые впоследствии в некоторых частях региона сменили традиционное хозяйство. Особенно интенсивно этот процесс происходил на севере и юге Внутренней Азии.

Совмещение пространственных и временных представлений об объекте облегчает анализ связей и отношений в аграрном землепользовании региона, который должен быть поставлен, по выражению Ю.Г. Саушкина [1980], «на историческую почву». Таким образом, применение исторического метода дает представление о процессе развития хозяйства и его элементов и позволяет определить направления его совершенствования.

сложный расчлененный рельеф с наличием крупнейших горных массивов по окраинной части региона, наличие почти замкнутых межгорных котловин, крупных лесных, степных, пустынных и переходных природных комплексов) определяют неустойчивость ее экосистем, их уязвимость к антропогенному воздействию и существенным образом влияют на пространственное распределение и режим пастбищного животноводства.

Практически вся Внутренняя Азия расположена в южной части умеренного географического пояса. Для региона характерны: низкая численность и, соответственно, плотность населения, главным образом – сельского (рис. 5); сохранение на большей части территории традиционного хозяйственного уклада: экстенсивный тип природопользования и, следовательно, аграрного землепользования, которое в решающей степени обусловлено природной средой и ресурсами. Поэтому изучение зависимости организации аграрного землепользования региона от структуры его природных комплексов имеет большое значение для понимания особенностей пастбищного животноводства Внутренней Азии.

Все эти уникальные черты природы Внутренней Азии достаточно подробно описаны в трудах совместной российско-монгольской комплексной биологической экспедиции [Гунин и др., 1998], поэтому мы ограничимся тем, что отметим лишь наиболее важные из них, влияние которых особенно сильно.

Контрастность природных процессов как во времени (суточном, сезонном, межгодовом ходе), так и по территории, характерная для суперконтинентальной Внутренней Азии, предопределила ярко выраженную высотно-поясную, экспозиционную и зональную дифференциацию естественно-географической среды региона.

Господствующие на территории региона экосистемы изменены сравнительно слабо и нередко функционируют в режиме, близком к естественному. Некоторые из очень сильно преобразованных человеком биомов земной суши – например, степи, почти повсюду уничтоженные распашкой, – лучше всего сохранились именно в Монголии.

Вместе с тем антропогенные нагрузки на природные комплексы быстро возрастают и здесь, в интенсивное хозяйственное использование вовлекаются все новые территории и все более широкий круг экосистем. При повышенной уязвимости последних, что вообще характерно для аридных и семиаридных облас-

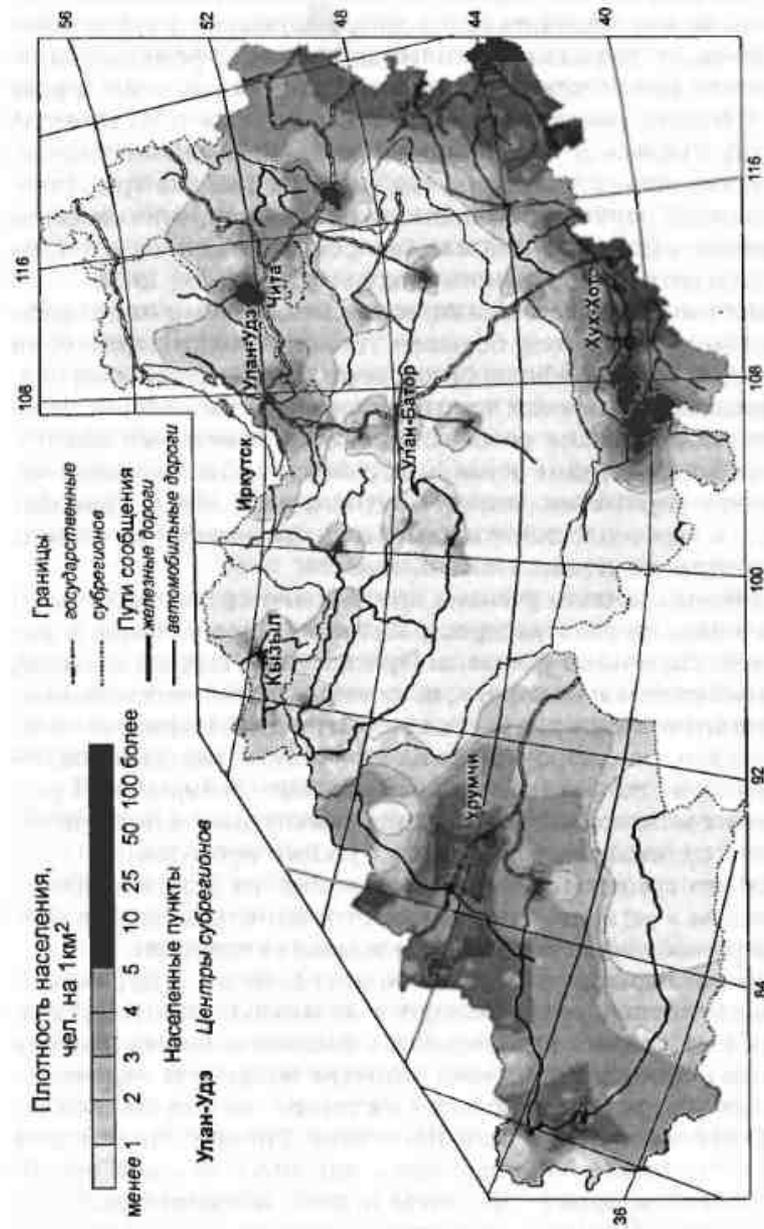

Рис. 5. Плотность населения в районах Внутренней Азии.

тей, даже сравнительно слабые антропогенные воздействия могут существенно нарушать природное равновесие и стимулировать процессы деградации и опустынивания. Эффекты длительного хозяйственного воздействия на экосистемы в ряде случаев вносят значительные коррективы в их естественную динамику – вплоть до изменения самого направления процесса. Так, в сухих степях Монголии, где на последние два-три столетия пришелся период повышенного увлажнения, многовековая пастбищная дигрессия привела, вопреки ожиданию, к усилению ксерофитности травяного покрова [Динесман, 1989].

Высотно-поясные и экспозиционные закономерности дифференциации экосистем большей гористой части территории Внутренней Азии дробят и осложняют ее контурный рисунок: на сопредельных склонах противоположной экспозиции сталкиваются биотические сообщества самого различного облика. Сложная конфигурация зональных рубежей, обусловленная чередованием горных массивов и межгорных котловин, приводит зачастую к чересполосному взаиморасположению крупных контуров контрастирующих типов экосистем.

На большей части региона преобладают средневысотные и низкие горы, широко распространены мелкосопочники и высокие денудационные равнины. Протяженные горные системы, отдельные хребты и их отроги, островные горные массивы, ориентированные субширотно, реже субмеридионально, но главным образом – с северо-запада на юго-восток, разделяются обширными или, напротив, очень небольшими, лежащими на разной высоте межгорными впадинами, замкнутыми или соединяющимися с соседними депрессиями узкими проходами.

Все это существенным образом влияет на аграрное землепользование в регионе, накладывает отпечаток на сезонные миграции скотоводов, их маршруты и продолжительность.

Горные барьеры на западе и северо-западе задерживают воздушные потоки, несущие влагу с Атлантики; быстро затухает здесь и муссонный влагоперенос с востока (с Тихого океана). При этом остаются открытыми широкие ворота для перемещения сухих воздушных масс с юга на север – вплоть до вытянутых субширотно хребтов юга Восточной Сибири. На большей части рассматриваемой территории максимум осадков приходится на летнее время, при этом период вегетации растений очень короток. Наиболее ярко закономерность хода природных процессов проявляется в том, что количество осадков убывает с

востока на запад, поскольку большая часть территории Внутренней Азии находится в зоне влияния Тихоокеанского муссона. Исключение составляют западные и северо-западные районы региона, где главенствующую роль играет уже перенос атлантических воздушных масс. С севера на юг градиенты падения количества осадков особенно велики: в Бэйшане, на крайнем юго-западе региона, их средняя сумма за год – менее 40 мм [Петров, 1966]. В целом для региона характерна очень широкая амплитуда изменчивости показателей влагообеспеченности от года к году. На некоторых участках менее чем за 10 лет наблюдений количество осадков менялось более чем пятнадцатикратно [Гунин, Дедков, 1983].

Экстремальность природных условий Внутренней Азии усиливается тем, что на этой территории отмечается максимальная в масштабах планеты континентальность климата, превышающая показатели, свойственные Сахаре и пустыням Австралии [Мурзаев, 1966]. Для региона в целом характерны продолжительная холодная зима и короткое теплое лето.

Нигде на Земле не проявляется в такой же мере и антициклонический режим погоды в зимнее время. Соответственно, зима здесь очень сурова. В межгорных котловинах широкое развитие получают температурные инверсии, и котловины превращаются в своеобразные «озера холода» [Берсенева, 1983]. Сильным морозам сопутствуют низкая относительная влажность воздуха и малоснежье.

Резко континентальный климат с малоснежной зимой в обстановке сложнорасчлененного рельефа создает условия для параллельного развития двух взаимоисключающих, казалось бы, процессов: аридизации (опустынивания) и распространения многолетнемерзлых пород.

Состав горных пород вместе с особенностями рельефа и климата обуславливают широкое распространение щебнистых поверхностных отложений, что существенно сказывается на почвообразовательных процессах. Характерно, в частности, доминирование почв легкосуглинистого и супесчаного состава со значительным участием щебня и гальки, преимущественно незасоленных [Евстифеев, 1980; Ногина, Доржготов, 1980; Ногина, 1989].

Возрастание аридности климата с севера на юг обуславливает неравномерное развитие речной сети, большая часть рек

здесь располагается в северной части Внутренней Азии и принадлежит к бассейнам Северного Ледовитого и Тихого океанов. На юге речная сеть сменяется системой сухих русел – сайров, часто имеющих хорошо разработанные долины с несколькими террасами, что является наследием плейстоценовых эпох прошлого [Мурзаев, 1952; Синицин, 1962; Девяткин, 1981; Дорофеюк, 1994]. В целом распространение гидрогенных экосистем, приуроченных к поймам рек и озерным котловинам, ограничено северной половиной региона. В южных районах первостепенное значение для влагообеспечения растений и животных приобретают грунтовые воды.

Внутренней Азии свойственен особый гиперконтинентальный (восточно-сибирско-центральноазиатский) тип структуры природной зональности [Лавренко, 1978; Лавренко и др., 1991]. Специфика зонального «набора» в пределах Внутренней Азии действительно обусловлена тем отпечатком общей аридности климата, который в большей или меньшей степени несут на себе все экосистемы данного региона [Гунин и др., 1998].

При этом экосистемное разнообразие рассматриваемой территории очень велико. Регион включает преобладающую часть зонального спектра ландшафтов умеренного пояса Евразии – от типичной тайги до экстрааридных пустынь. Таежные сообщества вступают здесь в непосредственное и широкое соприкосновение со степными, местами же сближаются и с пустынными. Это сопровождается сохранением всей гаммы межзональных и подзональных переходов. Так, в степной зоне выделяются подзоны умеренно влажных, умеренно сухих, сухих и опустыненных степей [Карамышева и др., 1987], в пустынной – северных (остепненных), средних (настоящих), южных и крайне аридных пустынь [Рачковская, 1977, 1993]. В связи с этим смена пастбищ и кочевки в кочевничестве региона находятся в сильной зависимости от контрастов природных условий, их изменчивости – сезонной и территориальной.

Положение зональных и подзональных рубежей Внутренней Азии редко соответствует широтной закономерности. В восточном направлении с увеличением влажности климата они понижаются к югу, приобретая постепенно субмеридиональное простирание, в результате чего, например, степи на северо-востоке Китая распространяются на юг дальше, чем где-либо в Евразии.

Сложная орография обуславливает взаимозахождение крупных контуров сообществ соседних зон на многие сотни километров. Особенно показателен «прорыв» далеко на север, до 52° с.ш., за влагозадерживающими барьерами Монгольского Алтая и Танну-Ола пустынно-степных и даже пустынных экосистем, чем создается своего рода зональная инверсия [Гунин и др., 1998].

Наличие на большей части территории региона горных образований, от мелкосопочников до высокогорий, обуславливает тесное переплетение широтно-зональных и высотно-поясных закономерностей дифференциации ландшафтов [Там же]. Здесь действие первых и вторых трудно или невозможно разграничить, что характерно и для большей части Сибири и Дальнего Востока [Рихтер и др., 1975]. Рубежи, разделяющие различные типы экосистем, могут иметь и зональный, и высотно-поясной характер. Поднимаясь на склоны низкогорий и среднегорий, природные комплексы зонального характера приобретают облик высотных поясов, причем разворачивается этот процесс иногда очень постепенно; высотные же пояса, выходя на подгорные равнины и в межгорные впадины, как бы «растекаются» [Карамышева, Банзрагч, 1977].

В то же время велика роль в сложении покрова специфически горных типов экосистем – низкотравных, в большей или меньшей степени остепненных альпийских лугов и пустошей, горных тундр, редколесно-ерниковых сообществ подгольцовья. Доля гористой территории и высоких гор особенно велика на западе региона (Алтае-Саянская горная страна); далее в восточном направлении она быстро уменьшается: если Хангай еще обладает значительным разнообразием высокогорных ландшафтов, то уже в Южном Забайкалье и Хэнтэе они представлены локально. Структура высотной поясности в горах достигает большой сложности. В межгорных котловинах она дополняется своеобразной котловинной поясностью, хорошо выраженной, например, в Монгольском Алтае и Забайкалье [Предбайкалье..., 1965].

Пастбищное животноводство Внутренней Азии вынуждено максимально учитывать природные условия и приспосабливаться к экстраконтрастному климату и ландшафтам. Поиск пастбищ и использование их в такое время года, когда они максимально пригодны для прокорма скота, сохранение его поголовья в неблагоприятных погодных условиях – все это представляет со-

бой целое искусство в животноводческой практике. Оно кристаллизовалось в многовековом опыте эксплуатации скотоводами той или иной территории в течение каждого конкретного сезона.

При значительной широтной протяженности рассматриваемой территории различия в строении ее поверхности в направлении с запада на восток влекут за собой глубокую дифференциацию природных комплексов в целом. Естественно обособляются по меньшей мере три меридиональных сектора: западный, включающий Русский и Монгольский Алтай, Западный Саян, Джунгарию, Котловину Больших Озер и Заалтайскую Гоби; центральный, охватывающий Восточный Саян, Прихубсугулье, Хамар-Дабан, Юго-Западное Забайкалье с Гусиноозерской котловиной, Хангай, Хэнтэй, равнины Халхи и частично Гоби; восточный – с Борцовочным хребтом, степями Приаргунья, Барги и Восточно-Монгольской равнины, Большим Хинганом, Восточной Гоби в пределах Монголии и Китая [Гунин и др., 1998]. На территории наших исследований центральный сектор дополняется островными степями в Баргузинской котловине.

В целом в пределах Внутренней Азии соприкасаются горно-таежные ландшафты сибирского облика, центральноазиатские межгорнокотловинные пустынные и пустынно-степные, даурские степные, испытывающие уже отчетливое восточноазиатское (тихоокеанское) влияние. В зональном плане ландшафтный облик региона определяет прежде всего триада: лесостепи – типичные степи – пустынные степи, тогда как таежные леса и настоящие пустыни занимают по отношению к ним периферийное положение.

Таким образом, степень природного разнообразия различных частей региона, используемого в пастбищном животноводстве, определяется орографией, положением их по отношению к мировому водоразделу, влиянием систем атмосферной циркуляции глобального уровня.

2.2. ТИПЫ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И КОЧЕВКИ

Для пастбищного животноводства способом координации потребностей скота и естественных сезонных условий являются кочевки. Типы кочевок во многом зависят от природных характеристик конкретной местности и отличаются друг от друга рас-

стояниями, направлениями и высотами. Изменчивость естественных условий окружающей среды в пространстве и во времени, биологические потребности животных в корме, особенности содержания разных видов скота являются теми природными факторами, которые влияют на организацию аграрного землепользования.

В кочевом животноводстве, играющем главную роль в аграрной экономике Внутренней Азии, по результатам непосредственных наблюдений и анализа кочевок скотоводов, а также специфического использования «экологически пригодных регионов для скотоводства» (термин предложен Д. Базаргуром [Bazargur et al., 1989]), можно выявить взаимодействие между его элементами, проявляющееся в организации аграрного землепользования в регионе.

Территории, используемые для скотоводства во Внутренней Азии, отличаются определенным естественно-географическим многообразием, которое формируется из описанных выше природно-территориальных образований (ландшафтов). В соответствии с многовековой практикой пастбищного животноводства в регионе выделяются три основных географических ареала [Batbuyan, 1995]: 1) горно-степной – Алтай-Тенгер; 2) горно-степной – Сибирский; 3) пустынно-степной – степи и пустыни на юге региона. Для каждого из них характерны соответствующие биоклиматические условия и ресурсы, а также практика использования в кочевом животноводстве всех пяти традиционных видов животных (овец, коз, крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей) в течение длительного исторического периода и в настоящее время.

Горно-степной ареал Алтай-Тенгер простирается от Алтайских гор до пустынных ландшафтов Джунгарии и Гоби и во многом совпадает с рубежами западного меридионального природно-климатического сектора региона. Он состоит из трех естественных пастбищных поясов, дифференцируемых по их сезонной пригодности для выпаса скота: зимне-весеннего, летнего и осеннего (рис. 6). Каждый пояс имеет определенные характеристики, в соответствии с которыми он используется скотоводами. Температурные условия, обусловленные высокой континентальностью климата, вынуждают выпасать скот в местах, где теплее в холодные месяцы и прохладнее в жаркую погоду. В пределах этого ареала в силу высотно-поясных закономернос-

Рис. 6. Схема кочевок в горно-степном ареале Алтай-Тенгер.

тей теплая погода устанавливается медленно: весна приходит в начале апреля и длится около 70 дней, т.е. примерно до конца июня. В горных районах на средних высотах теплеет быстрее, чем в низинных районах и в долинах с их сильными ветрами. С подветренной стороны гор теплый сезон начинается раньше, и растительность появляется на 10–20 дней быстрее, чем в других местах ареала, благодаря отсутствию ветра и сравнительно высокой влажности. С зимних стоянок стада отгоняются вниз на свежие пастбища.

Лето является очень важным сезонным периодом для пастбищного скотоводства, поскольку в это время у животных происходит восстановление веса, потерянного зимой и весной. Они хорошо набирают вес при температуре выше $+16^{\circ}\text{C}$; при $+24^{\circ}\text{C}$ их способность к достижению оптимального привеса сокращается на 25%; а при $+35^{\circ}\text{C}$ они вряд ли вообще прибавят в весе [Джамбаджамц, 1984]. С учетом этих требований на пастбищах, расположенных на высоте более 2700 м, температура для разведения скота чрезвычайно благоприятна; там много маленьких речек и источников, которые образуются в летнее время, а в ветреной местности на таких пастбищах относительно меньше мух, комаров и других кровососущих насекомых.

К концу августа питательная ценность растительности уменьшается, и погода становится более холодной. Чабаны покидают летние стоянки, находящиеся высоко в горах, и направ-

Рис. 7. Схема кочевок в Сибирском ареале.

ляются на осенние пастбища в полупустынных долинах. В это время года там больше питательной пищи, обеспечивающей животным накопление жира. Кроме того, на этих пастбищах имеются в большом количестве солончаки, которые играют особую роль в увеличении массы тела животных.

Второй ареал – Сибирский – представляет собой умеренно высокий горный пояс с ярко выраженной лесостепью. Средняя его высота колеблется от 1700 до 2000 м над уровнем моря. В ареале выделяется северный пояс засушливой степи, который простирается от северных горных хребтов региона, покрытых горной тайгой и разделенных речными долинами. Зимой и весной – с начала ноября до конца мая – скот пасется на южных склонах. Летом стада переходят на северные склоны, и осенью спускаются в речные долины, примыкающие к склонам южной экспозиции (рис. 7). Летний сезон длится с конца мая до середины августа, осенний – до ноября. Температура воздуха в ареале значительно колеблется, и эти колебания определяют сезонные передвижения скота.

Территория третьего – пустынно-степного животноводческого ареала – не такая гористая, как ареалов, расположенных севернее и западнее. Для него характерна волнистая местность; абсолютные высоты в нем небольшие, невысокие холмы разбросаны среди обширных долин. Смешанные участки лесостепи и полупустынь лежат на высотах 600–1200 м (рис. 8).

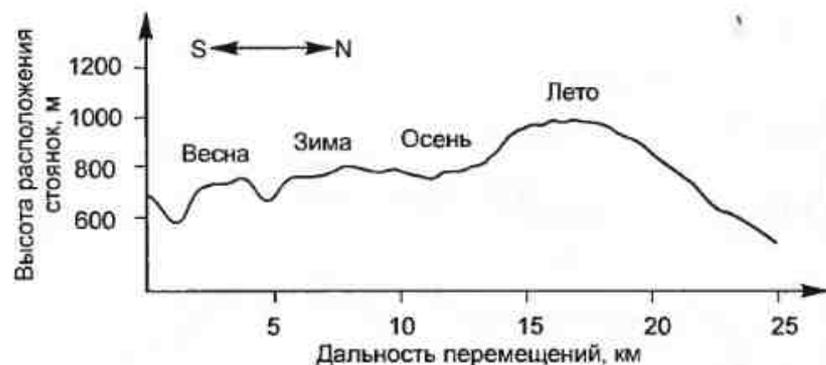

Рис. 8. Схема кочевок в пустынно-степном ареале.

Как правило, скотоводы стремятся проводить летние месяцы на сравнительно прохладных лесостепных участках, продвигаясь на юг к пустынно-степной зоне на осенние пастбища, где питательность растительности сохраняется гораздо дольше. Зимние и весенние стоянки устраиваются на холмах и в низкогорье, где погода сравнительно мягкая: средняя температура января составляет от -15 до -20 °С. Овцам трудно пастись в степях при температуре -30 °С, особенно при силе ветра, достигающей 10 м/с. Обычно весной случаются штормы, и плохая погода может длиться до 30–40 дней. В такие периоды может начаться падеж скота. На территорию ареала теплое время приходит раньше, а холодное — позже по сравнению с другими частями Внутренней Азии. Лето относительно длительное, поэтому скотоводы предпочитают выбирать для летних пастбищ более прохладные участки местности с равномерным ветровым режимом. Для этого они перемещают свои стада на север от весенних и зимних стоянок на обдуваемую ветром, открытую местность, удобную для летнего нагула. Разница в высоте минимальная, но температура падает значительно. Осень проводится на низкой высоте в полупустынной местности, где в условиях более теплого климата нагул скота продолжается до середины ноября.

Таким образом, исследование маршрутов кочевок скотоводов во Внутренней Азии отчетливо выявило закономерную зависимость направления и ритмов перемещения стад от естественно-географических условий региона, дифференцированных по территории и во времени. Соответственно разделено и аграр-

ное землепользование. Пастбищное животноводство ведется на землях, обладающих сбалансированным сочетанием естественных условий для содержания животных в течение определенного сезона.

2.3. ЗЕМЕЛЬНЫЙ ФОНД ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Социально-экономическое положение в отдельных частях Внутренней Азии и коренные изменения, происходящие в жизни населяющих ее народов, порождаются различными причинами. Состояние окружающей среды также весьма различается внутри этого обширного региона. Все это объективно обуславливает большую сложность в определении причин, оказывающих влияние на социально-экономическую и экологическую ситуацию в регионе, и, соответственно, затрудняет поиск путей сохранения его природной и культурной среды.

В связи с тем, что изучение землепользования во Внутренней Азии относится к комплексным и противоречивым проблемам, его необходимо исследовать в различном масштабе — от отдельных домохозяйств и низовых административно-территориальных образований до всей территории Внутренней Азии, т.е., по выражению Н.Н. Баранского, «играть масштабами» [Баранский, 1956].

Поэтому анализ структуры и процесса землепользования на территории региона нами производится на нескольких уровнях, соответствующих конкретным территориальным образованиям (рис. 9). Первый из них (А) касается землепользования в целом по Внутренней Азии. Уровень В включает крупные районы, входящие в состав Внутренней Азии, С — соответствует уровню административного района в Российской Федерации, аймака в Монголии и во Внутренней Монголии, префектуры в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе. Уровень D представляет низовые административные образования в регионах, E — отдельные домохозяйства.

Мы рассматриваем землепользование с точки зрения сохранения природной среды и культуры коренных народов, проживающих на территории Внутренней Азии. Исторически сложилось так, что основным занятием этих народов было пастбищное животноводство в обширных степях Внутренней Азии; следовательно, изучение того, как социально-экономические и по-

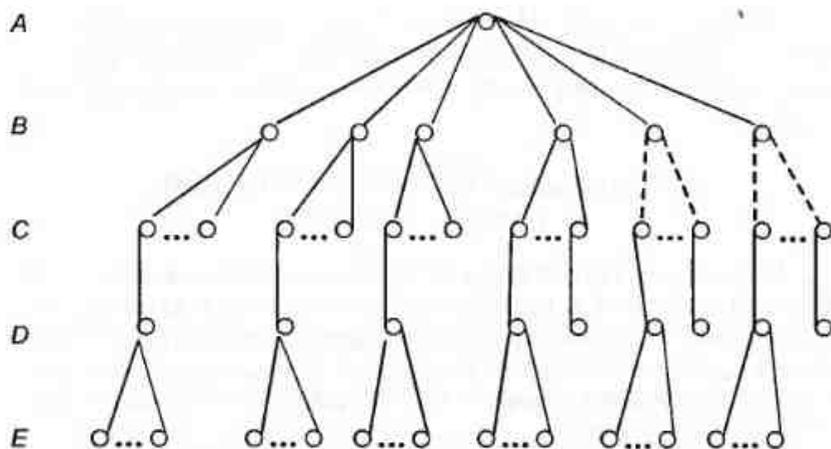

Рис. 9. Территориальные уровни административных образований во Внутренней Азии.

Условные обозначения: *A* – Внутренняя Азия; *B* – Республика Бурятия, Республика Тыва, Читинская область (Россия), Монголия, автономный район Внутренняя Монголия, Синьцзянь-Уйгурский автономный район (Китай); *C* – административные образования, соответствующие уровню районов; *D* – административные образования, соответствующие уровню сельских административных образований; *E* – домохозяйства.

литические факторы повлияли на изменение аграрного землепользования в различные исторические периоды времени, очень важно для сохранения природы и культуры этого региона.

Исходя из цели работы, в описании системы землепользования во Внутренней Азии нас интересует прежде всего состояние и развитие пастбищных видов землепользования. Другие его виды затрагиваются лишь в той степени, в какой они влияют и влияют на пастбищные.

Общая площадь Внутренней Азии составляет более 5,3 млн км². Ее распределение по субрегионам показано на рис. 10. Структура землепользования в регионах весьма различна. При оценке степени хозяйственной освоенности территории региона, на наш взгляд, может быть использован показатель «экономически активной территории», предложенный М. Бахрахом [1971]. Он рассматривается как доля территории, используемая в той или иной форме для хозяйственных нужд. Развивая содержание данного показателя, можно выделить и экономически пассивную территорию, которая не вовлечена в хозяйственный обо-

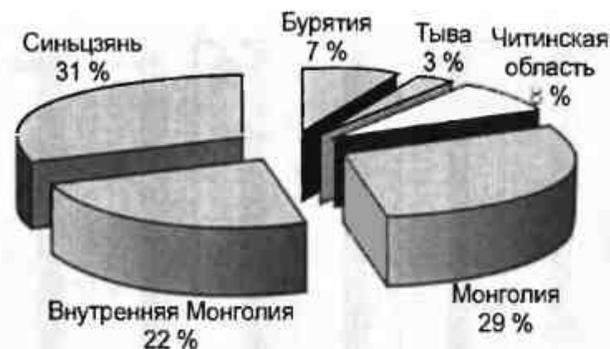

Рис. 10. Распределение территории Внутренней Азии по субрегионам.

рот. Близкими к нему являются термины «актуальные» и «потенциальные» ресурсы, которыми обозначаются уже используемые объекты и объекты, аналогичные первым по своим потребительским свойствам, но остающиеся в резерве [Михайлов, 2002].

Экономически активные и пассивные территории во Внутренней Азии составляют различные пропорции (рис. 11). Наименьший процент экономически активной территории зафиксирован в Республике Бурятия – 9,4 % и Читинской области – 13,2 % (Российская Федерация). Это объясняется тем, что большая часть этих субрегионов Внутренней Азии занята горными хребтами и малопригодна для сельскохозяйственного освоения. Более высокий процент экономически активной территории отмечается в Республике Тыве (Российская Федерация) – 23,4 %: здесь значительную площадь занимают высокогорные степные пастбища.

Субрегионы Внутренней Азии, расположенные на территории России, – Республика Бурятия, Читинская область и Республика Тыва – сопоставимы друг с другом по своим размерам и долям экономически освоенных земель, которые не превышают 25 % от их общей площади. Другие субрегионы – Монголия, Внутренняя Монголия и Синьцзянь – превосходят первые три по величине своих территорий почти на порядок. И в то же время в этих регионах возрастает процент экономически освоенных земель – от 38 % в Синьцзяне до 77,6 % в Монголии. В целом во Внутренней Азии размеры экономически освоенных и экономически неиспользуемой территории практически одинаковы: 49,8 и 50,2 %. Наименьшая доля экономически освоенных земель – в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе, по-

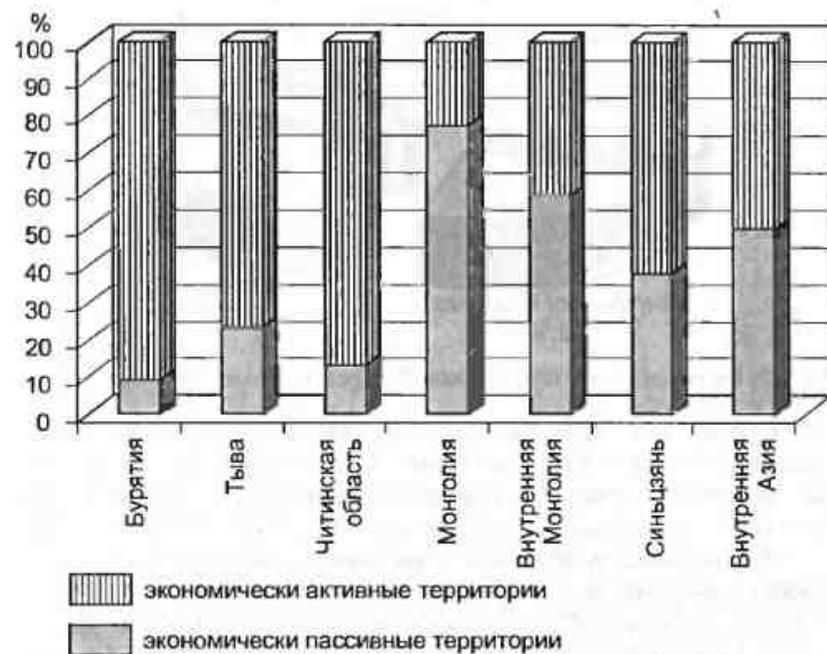

Рис. 11. Соотношение экономически активных и экономически пассивных территорий по субрегионам Внутренней Азии (данные за 2002 г.).

сколькo больше его пространства заняты пустынными экосистемами (здесь находится одна из крупнейших в мире пустыня Такла-Макан) и горными хребтами. Во Внутренней Монголии также велики абсолютные значения экономически неиспользуемых земель – вследствие преобладания пустынных и полупустынных ландшафтов. Наибольший размер экономически освоенной территории (77,6 %) – в Монголии. Это связано с тем, что большая площадь экономически освоенной территории приходится на пастбищные угодья.

Общим в структуре землепользования Внутренней Азии является то, что подавляющая часть экономически освоенной территории представляет собой сельскохозяйственные угодья (рис. 12), т.е. в землепользовании доминирует деятельность, связанная с сельским образом жизни. Хотя эта деятельность ведется, как правило, на обширных пространствах во всех регионах мира, однако в районах Внутренней Азии она приобретает главенствующее значение. Небольшой процент эконо-

Рис. 12. Соотношение между сельскохозяйственными угодьями и другими экономически активными территориями (данные за 2002 г.).

мически освоенных территорий, включающих такие виды землепользования, как селитебное, промышленное и транспортное, указывает на их локализацию. Соотношение между пахотными землями и естественными кормовыми угодьями показано на рис. 13.

Главный вывод, вытекающий из рассмотрения структуры землепользования – как в отдельных частях Внутренней Азии, так и по всей ее территории, заключается в том, что в территориальном отношении определяющим видом землепользования здесь является пастбищное животноводство.

Вместе с тем данный вид землепользования имеет неодинаковое распространение по районам Внутренней Азии, что характеризует внутренние различия в аграрном землепользовании региона.

Как было сказано, в трех регионах Российской Федерации доля экономически освоенной территории наименьшая, так как большая их часть занята высокогорными массивами и лесными землями. Эти три региона являются северной окраиной распро-

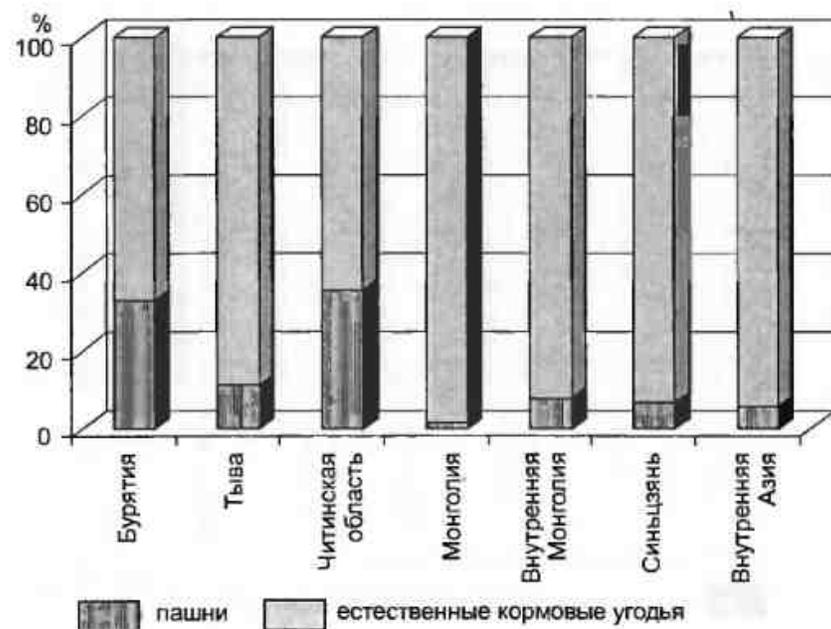

Рис. 13. Структура сельскохозяйственных угодий (данные за 2002 г.).

странения степей Внутренней Азии. Невысокий процент экономически освоенных земель, величина которого зависит от природных условий, характеризует более высокую антропогенную нагрузку на территории этих регионов, поскольку основная деятельность общества сосредоточена на ограниченной площади. Положение осложняется тем, что и в структуре сельскохозяйственных угодий наибольший процент среди рассматриваемых районов составляют пахотные угодья, освоение которых, как известно, оказывает более высокое антропогенное воздействие на природные комплексы.

В Монголии зафиксирован наибольший процент экономически активной территории. Однако 99,9 % ее приходится на сельскохозяйственные угодья, из них 98,3 % – естественные кормовые угодья. Это обусловило наряду с другими факторами более равномерную и невысокую антропогенную нагрузку на территорию данной страны. Во Внутренней Монголии и Синьцзянь-Уйгурском автономном районе фиксируются значительные абсолютные размеры пахотных земель по сравнению с другими

регионами, однако их доля в сельскохозяйственных угодьях все еще незначительна. Изменения в землепользовании этих регионов, которые происходят в последнее время, довольно существенны и не всегда позитивно сказываются на состоянии природной среды, одним из главных компонентов которой являются естественные кормовые угодья.

Таким образом, для Внутренней Азии в целом и ее основных частей (уровни А и Б) главным видом землепользования служит пастбищное животноводство. Внутренние различия обусловлены конкретными природными и экономическими условиями, определенными типами деятельности и связанными с ними видами землепользования.

Глава 3

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В РАЙОНАХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

3.1. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ЖИВОТНОВОДСТВА ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

В настоящее время организационная структура животноводства Внутренней Азии претерпевает перемены, которые связаны с социально-экономическими процессами в обществе, существенным образом влияющими на характер аграрного землепользования.

В российской части Внутренней Азии (Бурятия, Читинская область, Тыва) животноводство еще зачастую сохраняется в коллективных хозяйствах, хотя их прямое управление государством уже отсутствует. С начала 1990-х гг. организационная и социальная структура сельскохозяйственного производства преобразились – произошла замена совхозов и колхозов на крестьянские и фермерские хозяйства. Отношения животноводов с этими учреждениями также изменились и базируются на индивидуальных контрактах, а не на прежних коллективных обязательствах.

В Монголии деколлективизация происходит во многом более радикально, чем в России. С начала 1990-х гг. организационные формы социалистического периода (*нэгдэл* – колхоз и *санджийн адж ахуй* – совхоз) распались. Они были разделены на ряд компаний (*компан*), одновременно создавались фирмы и кооперативы. С работниками компаний установлены контрактные отношения, а также имеется много частных животноводов.

В Китае (Внутренняя Монголия, Синьцзянь) государственные народные коммуны в начале 1980-х гг. стали менять свой статус. В настоящее время местные правительства и другие государственные организации сохраняют важные управленческие и обслуживающие функции по отношению к животноводству, но преобладающее большинство производственных единиц являются более или менее независимыми хозяйствами с закрепленными за ними пастбищами. Отношения с местной администрацией строятся на контрактной основе.

До обобществления основных средств производства обычная практика землепользования в открытых степях Внутренней Азии основывалась на доступности для землепользователей ограниченных пастбищ и координировалась администрацией. В районах, заселенных монголами, наряду с небольшими животноводческими группами из нескольких семей существовали и крупные объединения скотоводов. В основном они представляли собой буддистские монастыри и *баннеры* – административные единицы Маньчжурского правительства во Внутренней Монголии и Монголии, которые управлялись князьями. Эти учреждения имели свою собственность (*джас*), состоящую из скота, земли и денежных средств. В Монголии и Внутренней Монголии животные паслись под наблюдением монастырских крепостных (*шабинар*) или крепостных, принадлежащих князьям баннера (*хамджилага*), в то время как следующий класс государственных подданных (*албат*) платил налоги и отрабатывал поденщину. Большие монастырские образования со своей собственной землей и людьми функционировали как районы, эквивалентные баннерам, которые включали в себя многочисленные меньшие по размеру монастыри, расположенные внутри княжеских баннеров.

В лесостепных северных регионах буряты и другие народности практиковали тип животноводства, который был связан с использованием плодородных сенокосов (*утугов*) вдоль рек для создания запасов корма для скота на зиму. Люди жили не в съёмных юртах, а в деревянных зимних домах, построенных на берегах рек, чтобы максимально использовать земли, пригодные для сенокосов. Такими землями владели сообща местные родственные группы, которые по наследству передавали свою долю последующим поколениям. Монастыри в этом регионе составляли приходы, состоящие из административных кланов (родовых управ), у них было намного меньше земли и скота, чем у монастырей Монголии. Значительная часть животных, пожертвованных верующими, быстро обращалась в другие формы собственности. Однако в расположенных восточнее Агинских степях на открытых пастбищах практиковался более мобильный тип животноводства. Здесь отдельные аристократы и ламы имели огромные стада, которые паслись членами клана и работниками вместе с их собственными животными.

В обоих районах стада частных владельцев, большие и малые, паслись вместе с общими стадами. Собственность указанных ин-

ституты была в основном отдельной от собственности высших лам и аристократов, в ведении которых находились данные учреждения.

Роль лидера была очень важной в этих институтах и подобно другим социальным идеям принималась народом как предписанная по природе вещей (в силу божественной инкарнации или наследства). Дореволюционные организации были упразднены в 1920-е гг. в России и Монголии и к 1950-м гг. – в Китае. Их заменили социалистические предприятия, которые также функционировали как корпорации, и их члены, работая в этих объединениях, одновременно содержали своих собственных животных. Конечно, социалистические институты очень отличались от предшествующих, особенно тем, что они не принимали во внимание данный человеку извне общественный статус. Вместо этого они сами присваивали статус своим членам, классифицируя их по чину и роду занятий («кадры», «техперсонал», «скотник» и т.д.), что давало им права и одновременно налагало обязанности.

Теперь очевидно, что в последние годы экономические отношения во Внутренней Азии претерпели кардинальную трансформацию: произошли сдвиги от «статуса» к «контракту» как основе экономических отношений, от правительственных санкций – к юридическим, можно констатировать изменения в праве на собственность, или отделение верховной власти от собственности. Тем не менее наши наблюдения показывают, что все это очень неоднозначно по отношению к истинному положению вещей во Внутренней Азии. Зарождение и применение контрактных отношений следует рассмотреть в рамках политической экономики и на примере различных стран (учитывая влияние более ранних отношений, о которых говорилось выше). В связи с этим целесообразно изучить и сравнить организационные формы существующих местных институтов во Внутренней Азии.

Местные институты разделяются на два типа: государственные (правительственные) и негосударственные. В свою очередь, негосударственные учреждения дифференцируются на три категории, основанные на: а) общинных или корпоративных; б) ассоциированных; в) семейных принципах. Государственные учреждения могут быть различными, но их общей чертой является то, что они представляют собой часть более сложных, иерархически организованных структур, управляемых и финансируемых

Таблица 3.1

Организационные типы сельскохозяйственных учреждений во Внутренней Азии

	Государственные	Корпоративные	Ассоциативные	Семейные
Россия		*	*	*
Монголия	*	*	*	*
Китай	*			*

правительством. Под корпоративными подразумеваются организации негосударственного типа, в которых подгруппы или индивидуумы являются заменяемыми членами. Ассоциированное учреждение – это такое учреждение, в котором члены сами договариваются относительно организационных форм, и существование организации зависит от результатов сотрудничества между его членами. Семейная организация – это одно домохозяйство, иногда вместе с помощниками или нанятыми рабочими, легально зарегистрированное как юридически и экономически независимая единица, принимающая собственные решения и берущая на себя ответственность.

В сельской местности трех государств Внутренней Азии имеются все основные типы организации производства [Humphrey, Sneath, 1999] (табл. 3.1). В таблице они показаны для каждой страны, но только для тех их местностей, которые были обследованы. Поэтому из данной таблицы не следует, что в России не осталось государственных сельскохозяйственных учреждений. Такое соотношение типов не является статичным. Некоторые сельские экономические организации в России преобразуются из корпоративных в ассоциативные и частные фермы. Наибольший рост численности таких предприятий отмечен в 1991–1992 гг. Сейчас их количество не растет, по крайней мере в настоящее время. В Монголии присутствуют все формы организационных типов сельскохозяйственного производства. В Китае гораздо меньше организаций ассоциативного типа, основную часть составляют учреждения семейного типа.

Ключевыми объектами нашего исследования являются сельские организации на низовом административном уровне. Роль местных обществ можно понять, только увидев их место в более сложных административно-территориальных структурах государств, проводящих правительственную политику (табл. 3.2).

В экономическом отношении все три субрегиона Внутренней Азии резко отличаются друг от друга. Бурятия и Читинская

Таблица 3.2

Государственное административно-территориальное устройство в районах Внутренней Азии

Россия	Китай	Монголия
Центральное государство Республика /область Район Подрайон (сельская администрация)	Центральное государство Провинция Префектура Округ (<i>хошу, ксян</i>) Район (<i>сум, ксянг</i>) Подрайон (<i>гача, тошун</i>)	Центральное государство <i>Аймак</i> <i>Сум</i> Подрайон (<i>баг</i>)

область в России давно уже вступили на путь интенсификации животноводства и проводили ее до начала 1990-х гг. Но это направление было внутренне противоречивым. С одной стороны, оно воплощалось в специализации стад, росте поголовья скота (выше допустимой плотности скота на ограниченных пастбищах), механизации, разведении новых, более продуктивных пород. Но, с другой стороны, в Бурятии интенсификация сопровождалась изменением традиционного образа жизни местного населения. Интродукция новых пород потребовала значительных инвестиций в строительство коровников, овчарен и т.д., чтобы защитить скот от зимних холодов, а это снизило мобильность животноводства. Прибрежные утugi были заброшены в пользу сенокосных угодьев, на которых можно было использовать машины. Выращивание корма для скота и сельскохозяйственных культур для потребления людьми перешло в ведение полеводства. Эти процессы привели к переходу к оседлому образу жизни животноводов в больших деревнях. Таким образом, важную роль в сельском хозяйстве стало играть земледелие. Производство зерновых культур стало цениться более высоко, чем животноводство, что отражалось на государственных ценах на продукты.

Такая же политика проводилась в Читинской области, но результаты были другими, нежели в Бурятии. Оседлость и использование в качестве корма для скота сена практиковались в Бурятии задолго до обобществления производства. В Тыве это имело место только в отдельных районах. В связи с тем, что Тыва официально вошла в состав СССР лишь в 1944 г., коллективизация там произошла намного позднее (1950–1960 гг.), чем в Бурятии.

Государственная политика в России создала относительно благоприятные условия для жизни сельских жителей: стали более развитыми производственная и социальная инфраструктура, образование, медицина, ветеринарная служба, условия быта, обеспечение товарами народного потребления и т.д. Для того чтобы выровнять уровень жизни в сельских районах, государство поддерживало бедные колхозы и совхозы посредством займов. Сейчас же задача состоит в том, чтобы сделать хозяйства как можно независимее. Те преимущества, о которых речь шла выше, теряют свое значение.

В 1980-е гг. в российской части Внутренней Азии фиксировался пик численности поголовья скота, который обусловил необходимость поставки кормов из других регионов России, а также импорта их из Монголии. В настоящее время поголовье скота существенно сократилось, фактически в российской части Внутренней Азии идет возврат к натуральному хозяйству.

В Китае начиная с 1980-х гг. благосостояние скотоводов значительно улучшилось благодаря развитию рыночной экономики, но под государственным контролем. В большинстве районов сохранилось относительно небольшое количество государственных ферм, преобладают же семейные хозяйства. Это сопровождалось разделением большинства типов пастбищ и их переходом в пользование домохозяйств. Сократилась роль местной власти (государства и партии) в управлении животноводческой экономикой [Tsui, 1995a]. Улучшились условия для торговли продуктами животноводства, а с ними и уровень жизни животноводов: у многих из них он выше, чем у работников, занятых в растениеводстве. Но возросло и социальное расслоение животноводов по этому показателю.

Бывшая государственная политика, влияние «большого скачка» и создание народных коммун привели к истощению больших массивов пастбищ и во Внутренней Монголии, и Синьцзяне. Конечно, уровень деградации окружающей среды в этих обширных регионах неодинаков, а китайские методы оценки перевыпаса дискуссионны для некоторых районов [Goldstein, Beall, 1989], хотя некоторые факты указывают на то, что кризис усиливается. По оценкам китайских экспертов, деградация пастбищ составляет 36 % от их общей площади в 1988 г. [Longworth, Williamson, 1993, с. 82]. Эрозия почвы и потеря влаги проявляется более чем на 14 млн га (или 15,7 % от общей земельной площади китайской части Внутренней Азии). Опустынивание

продолжает расширяться, охватывая ежегодно до 350 тыс. га новых земель; территории 67 из 88 административных единиц страдают от песчаных бурь. С 1965 по 1983 г. численность проживающего здесь населения удвоилась, в то же время вес выращиваемых на этих территориях овец снизился с 19,5 кг в 1965 г. до 13 кг в 1983 г. [Wang, Bai, 1991, p. 160], т.е. сокращение кормовой базы сказалось на снижении продуктивности животных.

Сено считается единственным кормом для огромных стад в зимние месяцы. Но во многих местах сена не хватает. В настоящее время производство кормов в китайской части Внутренней Азии развито недостаточно. Тем не менее идея, согласно которой оседлое и высокомеханизированное сельское хозяйство лучше во всех отношениях, не чужда политике властей в китайской части Внутренней Азии. Некоторые европейские ученые поддерживают эту точку зрения. Хелл и Квер заканчивают свою работу по изучению трех животноводческих хошу в Уджумчине (Внутренняя Монголия) следующими словами: «Единственный способ избежать нового кризиса перевыпаса – это увеличить запасы кормов на зиму посредством высевания трав и полевого кормопроизводства; таким образом можно из животноводческой системы перейти в земледельческо-животноводческую» [Hell, Quege, 1993, p. 287]. Но возможна ли она в местных природных условиях? Здесь есть опасность повторения того, что произошло на многих землях российской части Внутренней Азии, Казахстана и других районов во время подъема целины.

Однако в любом случае земледельческо-животноводческая система здесь не будет такой же, как в Российской части Внутренней Азии, поскольку, похоже, что она станет основываться на семейной форме организации производства. Много зависит от того, в каких организационных формах, в каких объемах и при какой технологии будет осуществляться животноводство с интенсивным производством кормов. Неопределенны также перспективы экономики кормопроизводства в местных условиях, и неизвестно, как оно скажется на состоянии окружающей среды в каждом регионе.

В Монголии практически не прибегают к интенсивным способам производства продукции животноводства и обеспечению его кормами, но там не происходит сильной деградации пастбищ. В то же время данные, собранные в ходе изысканий, и карты (рис. 14, 15, 16), составленные по их результатам, показывают, что в некоторых благоприятных с точки зрения обес-

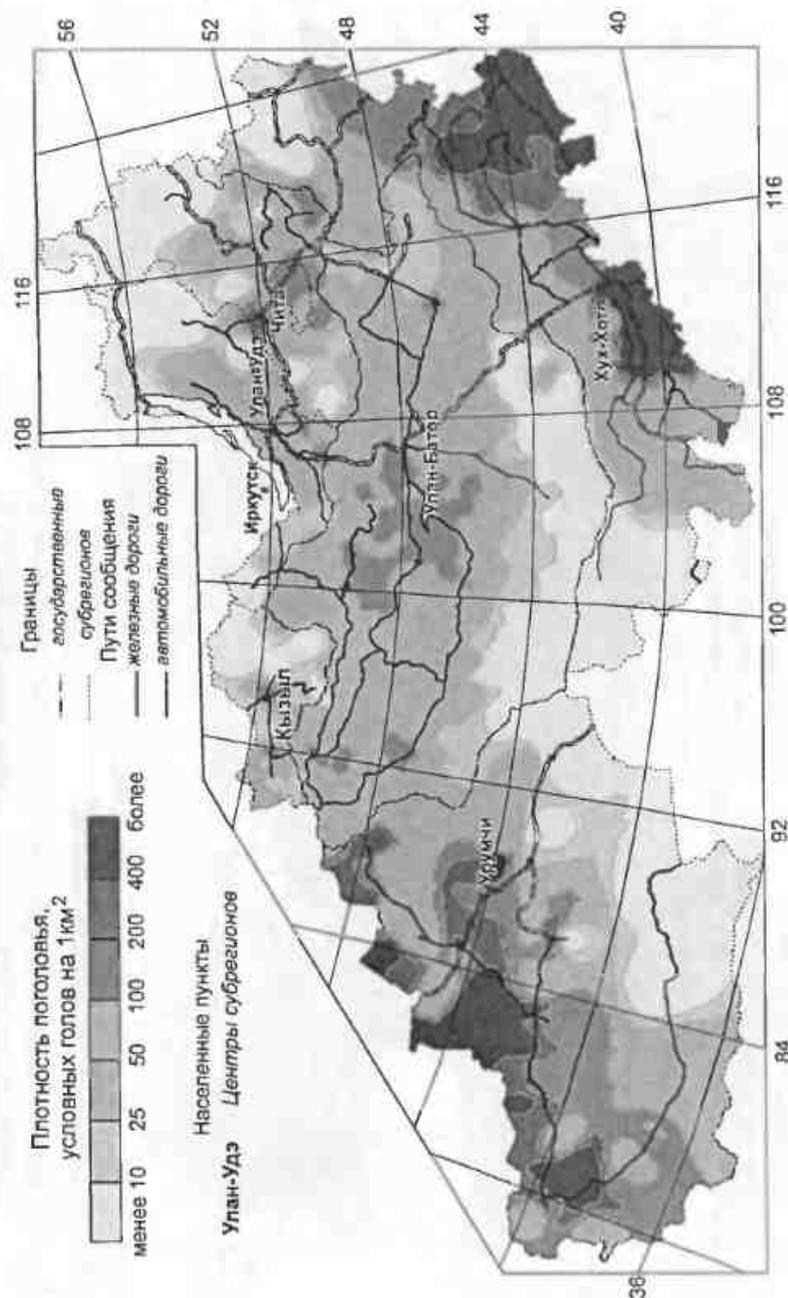

Рис. 14. Плотность поголовья скота в районах Внутренней Азии.

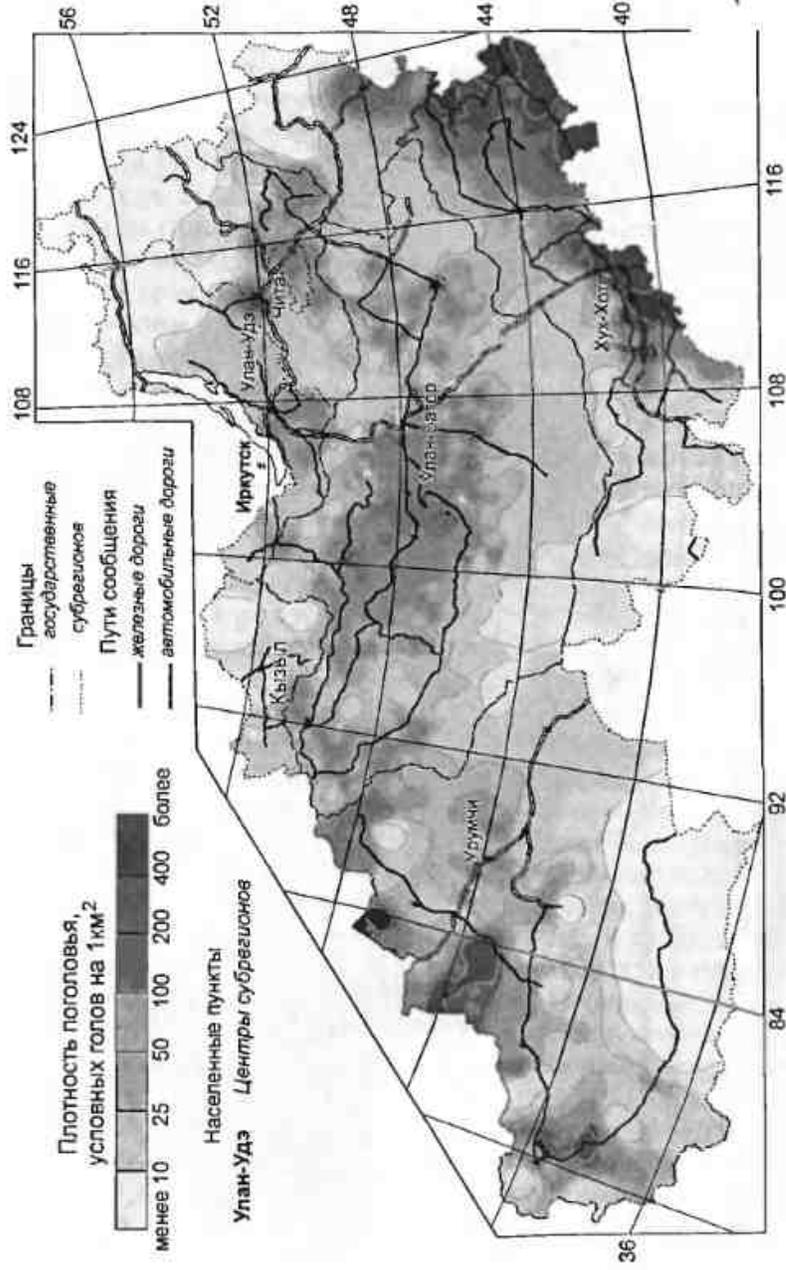

Рис. 15. Плотность поголовья крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов в районах Внутренней Азии. (Усл. обозн. см. рис. 14.)

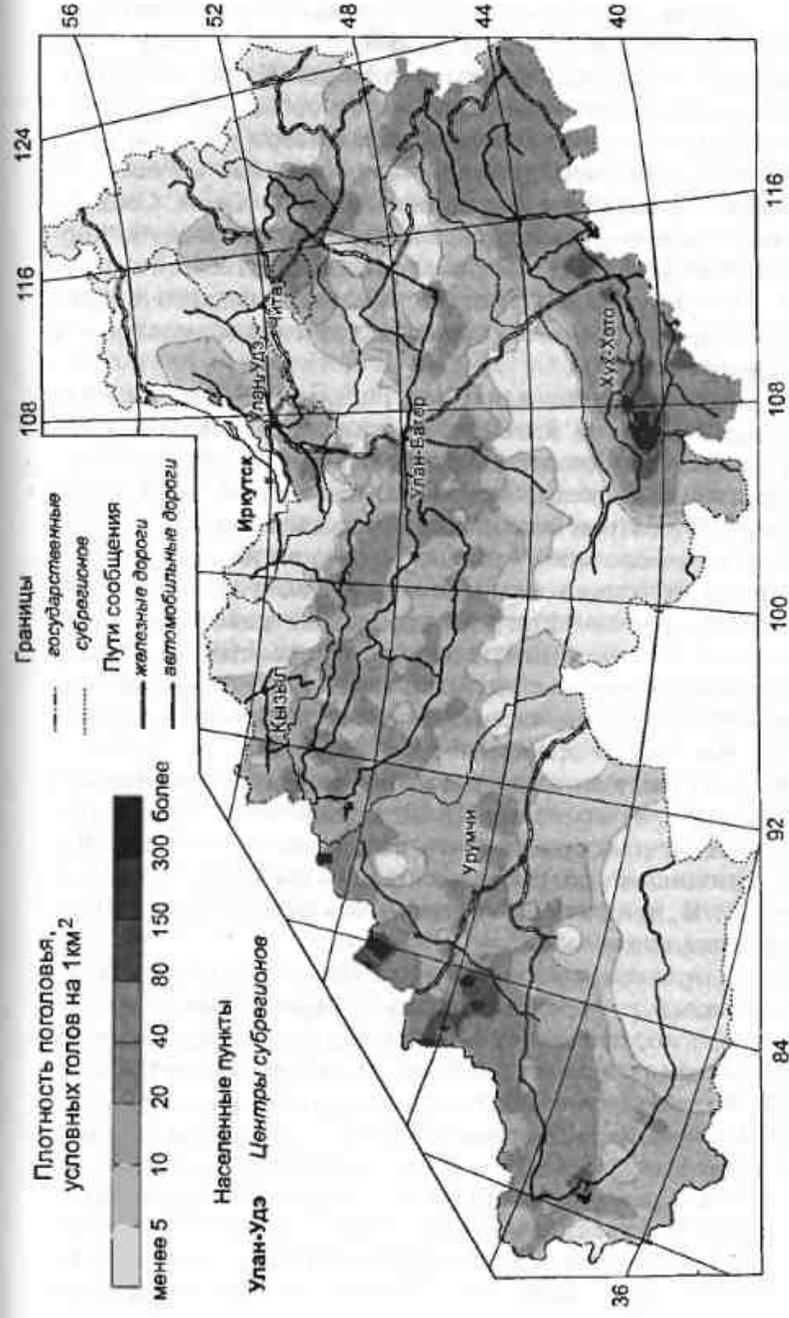

Рис. 16. Плотность поголовья овец и коз в районах Внутренней Азии. (Усл. обозн. см. рис. 14.)

печенности естественными кормами районами страны плотность животных на единицу площади можно сравнить с показателями российских и китайских частей региона. Наши исследования в Монголии, в том числе в районах с особо неблагоприятными для животноводства условиями, подтверждают, что даже там плотность животных примерно такая же, как в России, и только немного уступает тому же показателю в Китае. Сена заготавливают незначительное количество, а производство кормов практически отсутствует. Скот пасется на естественных пастбищах, что требует мобильности, гибкости, большого опыта в ведении хозяйства и тесного сотрудничества животноводов в деле использования пастбищ.

При социализме под влиянием России в Монголии были сделаны шаги на пути интенсификации животноводства, т.е. развития земледелия, разведения новых пород скота, строительства укрытий для скота, механизации уборки сена и т.д. [Humphrey, 1978]. Но сейчас наблюдается движение в обратном направлении, в некоторой степени – из-за необходимости, но также и по волюнтаристским причинам [Telenged, 1995]. Важным является то, что в Монголии управление животноводством позволяло осуществлять почти полное воспроизводство травяного покрытия, и сегодня высокопродуктивные травяные угодья северной Монголии частично обеспечивают сеном скот в Бурятии и Читинской области.

Огромное увеличение поголовья скота, фиксировавшееся в России и Китае, не отмечалось в Монголии из-за низкой численности сельского населения, что можно объяснить и историческими причинами: до 1940-х гг. низкий рост населения был обусловлен тем, что большой процент мужчин проживал в буддистских монастырях.

С начала реформ в Монголии (с 1990 г.) наблюдался большой отток людей из городов в сельские районы. Число животноводов возросло, поскольку колхозы (нэгдэлы) распускались, и скот распределялся среди их членов и всех желающих. Тем не менее численность скота не возросла, а в среднем по всей стране упала. Например, в Дашбалбарском и Дорнодском аймаках количество скота с 111,8 тыс. в 1990 г. сократилось до 81,8 тыс. голов в 1993 г. Причиной этого частично является неопытность животноводов, но главное состоит в том, что общие экономические условия в животноводстве чрезвычайно трудны для того, чтобы заработать на приличное существование. Продукция жи-

вотноводства оценивается низко, а цены на продукты, топливо, транспорт и одежду резко растут. Отрицательно сказывается недостаточное развитие рыночной инфраструктуры (банки, торговля, промышленные холодильники, терминалы и т.д.), а имеющиеся ее составляющие не в состоянии обслуживать животноводов, живущих на отдаленных пастбищах. Широко распространился бартерный обмен. Многие скотоводы вынуждены забивать скот, чтобы получить деньги и купить необходимые товары. В Монголии еще больше, чем в России, наблюдается возврат к натуральному самообеспечению.

Если рассмотреть социальную структуру социумов животноводческих территорий, то в регионе отчетливо видны внутренние различия. В России небольшое количество животноводов обеспечивают своей продукцией большое число сельских жителей, проживающих в административном центре (служащие администрации, механизаторы, водители, бухгалтеры, работники народного образования, культуры, медицины, сферы обслуживания, пенсионеры и т.д.). В Монголии доля скотоводов в общем числе сельских жителей снижается от таких сельских районов, как сум Ховд, до таких районов, как сум Сумбер, где эта пропорция приближается к российской. В Китае же сельские семьи составляют подавляющее большинство. Число официальных лиц, занятых в управлении, относительно невелико, а социально-экономическая инфраструктура обычно располагается в городах, а не в сельских районных центрах. В результате районные сообщества представлены различными социальными группами во всех трех странах. В России деревня имеет более пестрый социальный состав и включает больше образованных людей, в том числе – с высшим образованием. В Китае деревня как административное поселение ближе к сельской местности, нежели к городу. Например, владельцы скота на краю одного района могут чаще продавать свое молоко молокозаводу другого района, чем своему собственному. Скотоводы также заключают соглашения с торговцами, которые обходят районные центры.

Эти различные структуры в общем виде соотносятся с коллективными общественными организациями, которые до сих пор существуют в России и в меньшей степени в Монголии. Относительно большая часть скота в обеих странах все еще находится в общественном ведении, в Китае же значительная доля всего поголовья животных юридически находится во владении семей. Во всех трех странах сельскохозяйственная продукция,

включая продукты, полученные от животных, находящихся в общественном владении, по контракту продается государственными организациями по твердым ценам. В свою очередь эти организации предоставляют им различные услуги. Однако в Китае обе стороны такого соглашения проявляются намного слабее, чем в России или Монголии. Меньшая часть скота находится в общественном ведении. Животноводы, обеспечивая пастьбу общественного скота, на практике часто не продают его государству. Со своей стороны государственные организации имеют меньше обязательств перед животноводами, да и те не всегда выполняются.

В России корпоративные учреждения на районном уровне включают разнообразные общественные, образовательные, строительные, страховые и другие функции, и они поддерживают местное общество, в котором животноводы составляют меньшинство. В Китае таких корпоративных учреждений сейчас очень мало. Районная администрация осуществляет определенный контроль над животноводством, но функций у нее меньше, чем в России. Животноводы же составляют большинство населения районов в связи с тем, что все другие виды деятельности (торговля, образование, строительство и т.д.) осуществляются рядом государственных учреждений или фирм, многие из которых расположены в районных административных центрах. Таким образом, имеются отчетливые различия в социально-экономическом характере животноводческих районов России и Китая.

3.1.1. Организация животноводства в районах России (Республика Бурятия, Республика Тыва, Читинская область)

В период социализма в сельских районах российской части региона существовали три взаимосвязанные управляющие системы: 1) местная структура Советов; 2) партийная структура и 3) большие государственные предприятия – совхозы, колхозы. Район делился на 10–15 сельсоветов, и на территории каждого из них чаще всего находился один колхоз или совхоз.

В советский период колхозы и совхозы были корпоративными единицами. Они в большой степени отличались от модели западной фермы, которая занимается, как правило, только хозяйством. Совхозы и колхозы были не только предприятиями, но и крупными организациями с многочисленными политиче-

скими, административными, социальными и культурными функциями. Они имели территориально четко обозначенные границы, в них входили несколько сотен членов и около 3000 и более человек населения. Кроме колхозного центра существовало, как правило, несколько других, более мелких поселений, выполнявших роль бригадных центров. Чувство общности членов колхоза усиливалось тем, что в коллективах доминировала единая этническая группа, к которой относились также и руководители.

С середины 1980-х гг. колхозам и совхозам было рекомендовано перейти на контрактную систему отношений с работающими на подряде, с отказом от предыдущей системы государственного планирования. Но в действительности эта реформа мало что изменила в сельской жизни, поскольку ее приспособили на местах так, чтобы она по сути повторяла предыдущую систему: животноводам продолжали платить ежемесячно, в виде авансов от той суммы, которую собирались выручить после продажи продукции.

С начала 1990-х гг. цены были отпущены; появились и были изданы различные указы, которые инструктировали коллективы, как проводить приватизацию. На российской части исследуемой территории приватизация заключалась не в расширении личных участков членов хозяйства, а в распределении долей его имущества между семьями, которые после этого выбывали из организации. С юридической точки зрения они покидали колхоз. Фактически же частный животновод или фермер продолжал жить и работать в колхозе, а его приватизированная земля представляла обособленный кусок внутри колхозных границ.

После проведения приватизации в структуре сельского хозяйства продолжали и продолжают доминировать крупные хозяйства социалистического типа. В таких хозяйствах в основном сохранилась система бригад, специализирующихся на овцеводстве, производстве молока, говядины, кормопроизводстве и земледелии, строительных и ремонтных работах. Таким образом достигалась конкретизация вклада каждого работника в общий доход хозяйства. С 1994 г. колхозы и совхозы были официально переименованы в коллективно-долевые хозяйства.

Одной из причин сохранения или возрождения коллективных предприятий стало наличие централизованных инфраструктур и механизации. В таких хозяйствах все было предназначено для обслуживания именно крупных предприятий: обширные поля, парк мощных машин, большие здания, амбары и храни-

лица, дорожная сеть, линии электропередач и телефонной связи и т.д.) [Humphrey, Zhimbiev, 1995]. Очевидно, что такая организация породила немалые трудности в практической деятельности частных хозяйств.

В Бурятии, Читинской области и Тыве крупные общественные хозяйства размещены, как правило, в пределах границ низовых административных единиц. Идет образование также сравнительно небольшого числа частных крестьянских ферм. В Бурятии в феврале 1994 г. было 2770 таких ферм. На них приходилось 123 тыс га земли: 5 % общей площади сельскохозяйственных земель республики и около 7 % – пахотных. Удельный вес их продукции в общереспубликанском производстве зерна составил лишь 4 %, картофеля – 1,3, овощей – 2,3 %. Это свидетельствует о том, что такая новая организационная форма хозяйства менее производительна по сравнению с коллективной.

Основная причина низкой производительности – малая обеспеченность индивидуальных хозяйств техникой (у одного фермера может быть комбайн, у другого – трактор, у третьего – грузовик, и у очень немногих есть все нужные им машины и механизмы). Поэтому большинство фермеров образуют ассоциации и для сезонной работы, и для более долгосрочной взаимной помощи. Некоторые из этих ассоциаций неформальны, в то время как другие состоят из специализированных секций.

Для того чтобы дать представление об отношениях между коллективными, ассоциированными и частными хозяйствами, опишем пример Курумканского колхоза в Баргузинской долине, Бурятия (лето 1993 г.). Коллектив был разделен на 3 бригады с 278 рабочими, получающими зарплату, 6 чел. из них – обученные специалисты и бригадиры. Из общей площади хозяйства в 20 398 га коллектив использовал 6324 га. В границах хозяйства также существовали 2 ассоциации, 2 кооператива и 8 мелких частных ферм. Ассоциации владели 347 и 1795 га, кооперативы – 100 и 2700; частные фермы – от 2 до 200 га (если же фермы были образованы несколькими бывшими членами колхоза (чаще – родственниками), то их земля включала лес и другую неиспользуемую землю).

Частные фермеры-животноводы рассказывали, что они старались улучшить землю и возродить традиционные бурятские утуги (удобренные и поливные сенокосы). Иногда земле давали отдохнуть в течение 1–2 лет, чтобы она восстановилась. Но, несмотря на эти положительные моменты, общее экономическое

положение частных маленьких ферм чрезвычайно сложное. Даже более крупным объединениям не хватает кредитов, чтобы обеспечить себя сельскохозяйственной техникой. Займы даются только тем предприятиям, которые могут доказать свою кредитоспособность, т.е. представить высокий доход от реализации своей продукции.

Теперь, когда обязательная система централизованного государственного планирования распалась и руководители хозяйств сами могут решить, что им производить, все еще нет постоянной юридической системы, которая могла бы гарантировать контракты между предприятиями. Частные торговцы покупают мясо непосредственно у животноводов. Все это означает, что государственные организации, магазины и т.д. не могут рассчитывать на хозяйства, как и хозяйства не могут рассчитывать на получение кредитов и помощь. В этой ситуации неблагоприятное наследство прошлого – повышенная плотность скота на деградированных пастбищах – только обостряет трудноразрешимые проблемы. Многие коллективы сейчас находятся на грани разорения.

Таким образом, можно утверждать, что в российских регионах продолжают доминировать коллективные хозяйства корпоративного типа. Они занимают большую часть земель, пригодных к использованию, и продолжают оставаться организованными в специализированные бригады – полеводческие, животноводческие, по обслуживанию инфраструктуры (сооружений, машин, внутрихозяйственных дорог и т.д.). Это кооперация не юридическая, а технологическая: отдельные звенья выполняют определенные услуги и производят продукты для других. Однако субсидии, которые позволяли бы такой системе функционировать, прекратились, а сама реорганизация хозяйств приводит к безработице. Частных животноводов относительно немного, да и те тяготеют к образованию ассоциаций.

3.1.2. Организация животноводства в районах Китая (Синьцзянь-Уйгурский автономный район и автономный район Внутренняя Монголия)

Представленный материал был получен в результате обследования трех районов в Синьцзяне и двух – во Внутренней Монголии:

1) район Хандагат, округ Алтай, префектура Алтай, Синьцзянь (казахи, урянхайцы и китайцы);

2) район Сарджок, округ Баркол, префектура Хами, Синьцзянь (казахи, урянхайцы и китайцы);

3) район Хоштолгой, округ Хобоксар, префектура Таченг, Синьцзянь (ойрат-монголы и китайцы);

4) район Чингел Булаг, округ Арбаг, префектура Шилингол, Внутренняя Монголия (чахар-монголы);

5) район Харгант, округ Хучин Барга, префектура Хулунбуир, Внутренняя Монголия (барга-монголы).

Во всех этих местностях существуют хозяйства двух основных типов: государственные и семейные. Государственные учреждения находятся в подчинении районных и провинциальных администраций.

Согласно реформе 1978 г., во всех районах большинство народных коммун было распущено в начале 1980-х гг. Коллективное имущество было распределено между частными хозяйствами по контракту. Одновременно полномочия управления центральными властями были переданы администрациям провинций и префектур.

В период 1959–1982 гг. в Синьцзяне и во Внутренней Монголии наблюдался гораздо больший рост населения, чем где-либо в Китае. В основном он был результатом внутренней миграции китайцев [Yuan, 1990], вызванной организованным переселением из густонаселенных земледельческих частей страны в малонаселенные скотоводческие, которые по сравнению с первыми значительно отставали в развитии производства, инфраструктуры, образования и инвестирования [Erdenijab, 1995]. Это привело к сокращению земель, пригодных для выпаса скота. Кроме того, в 1950–1960-е гг. – так же, как и в России, – центральное правительство диктовало экспансию растениеводства за счет животноводства, что погубило много пастбищ. В районах, не пригодных для полеводства, урожаи были низкими и во многих местах начались процессы эрозии и опустынивания. Когда закончился период «большого скачка», местные руководители начали кампанию по сокращению пашен и возвращению к сенокосным угодьям. «Возвращенные» пастбища представляли собой небольшие по размеру участки, зачастую плохого качества. В то же время для промышленного, горно-рудного и нефтяного освоения или для военных целей изымались пастбищные земли под юрисдикцией центральных властей. Например, в 1970-х гг. у животноводов округа Хобоксар были изъяты земли под развитие нефтяной промышленности. Все это вместе взя-

тое – значительная внутренняя миграция, урбанизация, индустриализация и уменьшение площади пастбищ, растущие экономические различия между городскими и сельскими районами – негативно сказались на региональных условиях и природной среде, в которых развивается пастбищное животноводство.

«Пусть разбогатеют сначала крестьяне» – это был один из ведущих лозунгов сельских реформ 1980-х гг. [Yan, 1992]. Движение к рынку создало такую экономическую ситуацию, которая позволила животноводам улучшить условия своего существования, несмотря на вышеупомянутые факторы. Животноводы Внутренней Монголии зарабатывают сейчас больше, чем крестьяне региона, занимающиеся земледелием [Hell и Quee, 1993]. За исключением ограничений, предписываемых центральными правительственными инструкциями, индивидуальные хозяйства сами несут ответственность за свое производство и связь с рынком. Большой рост поголовья скота стал возможен благодаря заготовке сена, а также распределению пастбищ, оседлому образу жизни и механизации кормопроизводства. Были осуществлены учет и классификация по единой шкале качества земель, пригодных для выпаса животных. Для сохранения пастбищ были выработаны нормы использования их различных типов и установлен контроль над поголовьем скота. Цель предпринимаемых шагов состоит в увеличении производства животноводческих продуктов, а доходы от их реализации направляются на инвестирование национальной экономики – так, чтобы она обеспечивала общее развитие животноводческих регионов. Все больше и больше пастбищ отдаются частным хозяйствам, дабы каждый животновод был заинтересован в сохранении качества угодий.

Однако, хотя и в меньшей степени, чем в Бурятии, прирост скота вызвал в некоторых районах Китая перевыпас пастбищ. Кроме того, этот процесс сопровождался также необратимым социальным расслоением сообщества на богатых и бедных [Там же]. В свою очередь, отсутствие действенных общественных санкций против чрезмерного использования коллективной собственности привело к тому, что находящиеся в экономически выгодном положении животноводы допускали злоупотребления в эксплуатации ресурсов и, следовательно, способствовали усиливающейся деградации угодий.

Общим в динамике хозяйства, как отмечают Ли, Ма и Симпсон [1993], является то, что во Внутренней Монголии происходит его революционная трансформация. Население вынуждено

оплачивать расставание с древней культурой кочевого животноводства. «Можно ожидать, что в течение следующего десятилетия многие животноводы будут иметь телефоны, телевизоры и удобства в жилищах. По мере механизации уменьшится количество тягловых животных. Рыночные отношения будут развиваться таким образом, что естественные кормовые угодья медленно, но верно будут трансформироваться из продуктивных систем, где скот набирает вес на траве, в системы разведения, в которых ягнят и телят будут отправлять в сельскохозяйственные районы для откармливания. Это обеспечит получение больших доходов, удлинение свободного времени и повышение экономической стабильности положения скотоводов» [Li, Ma, Simpson, 1993, с. 71–72]. Выводы исследователей созвучны с идеей географического конвейера К.И. Иванова [1975].

С начала 1980-х гг. местная административная структура сохранялась в прежнем виде (см. табл. 3.2). Границы районов большей частью совпадают с границами прежних народных коммун с населением 1000–4000 чел. Район включает в себя 3–6 подрайонов (гача) с населением от 350 до 800 чел. в каждом.

После периода народных коммун реформы 1978–1979 гг. проводились с целью разделения политической и экономической власти. Сейчас существуют четыре политические структуры на районном и высших уровнях: 1) партия; 2) народный конгресс; 3) местное правительство; 4) политический консультационный комитет. Однако на районном уровне местная правительственная организация и Коммунистическая партия объединили политические и экономические функции и являются двумя основными ветвями власти. Одновременно существует несколько больших предприятий, таких как государственные хозяйства с отдельной юрисдикцией. Имеются также организации, расположенные в крупных деревнях (например, занимающиеся производством молочных продуктов), которые могут быть государственными и частными. И, наконец, в округе разбросаны промышленные и горно-рудные предприятия, зачастую управляемые из центра. Повседневная жизнь скотоводов связана со всеми этими учреждениями и, следовательно, с решениями чиновников, которые там работают.

Важно заметить, что местная администрация сохраняет некоторые права на землю, включая угодья, принадлежащие частным хозяйствам. Поэтому было бы неправильно видеть в данном распределении простое разделение государственной и част-

ной собственности [Bowles, Dong, 1994; Croll, 1994]. Скорее, это чрезвычайно сложное переплетение прав на пользование и владение ресурсами и их использование.

Администрация округа (монгольские хошу, баннеры), управляющая экономикой 8–24 районов, включает даже в животноводческих районах земледелие, промышленность и торговлю. Во многих случаях именно этот уровень администрации наиболее социально релевантен для животноводов и земледельцев. В настоящее время районы большей частью основаны на обществах, которые существовали до социалистического периода [Sneath, 1991]. В качестве центра выступает деревня, иногда вместе с примыкающими небольшими поселениями.

В прошлом внутренняя миграция была неравномерной и в основном направлялась в города, животноводческие районы около городов и в районы, пригодные для земледелия.

Наши данные показывают, что плотность населения в более отдаленных моноживотноводческих регионах Китая относительно невелика и фактически не отличается от примыкающих к ним районов Монголии (см. рис. 5). Там имеются естественные ограничения для расширения земледелия. Интеграция земледельцев в животноводческие районы была в некоторых местах относительно гармоничной [Ma, 1993]. Но известны примеры, когда она приводила к спорам между земледельцами и животноводцами по поводу воды и земли. Существовали разногласия между подрайонами относительно использования большего количества воды в растениеводстве, чем в животноводстве. Существует мнение, что такие споры носят этнический характер, поскольку, особенно во Внутренней Монголии, земледелием занимались не только китайцы, тогда как животноводство – прерогатива монголов. Такое утверждение следует считать ошибочным, так как есть масса примеров доказательства обратного. Важно, что вне зависимости от этнического состава населения, местности, которые выделяются большой внутренней миграцией и чрезмерным использованием неустойчивых естественных ресурсов, приближаются к экологическому истощению, и теперь молодые люди ищут возможности для переселения [Там же]. Однако для большинства изучаемых районов такая ситуация нехарактерна. Эти территории считаются благоприятными для выращивания животных, поэтому местное население стремится там жить.

Старшее поколение животноводов в Китае было свидетелем многих резких изменений в политике животноводства, ис-

ходивших от центрального правительства. Слова руководителя одного из хозяйств выражают чувство неуверенности, порожденное такими изменениями: «С 1952 г. мы претерпели всякого рода зигзаги во владении животными. Сначала было распределение животных по бедным домохозяйствам, затем – коллективизация стад в конце 1950-х гг., потом – их концентрация в огромные предприятия – «народные коммуны» и, наконец, их приватизация. Все эти годы я думал над проблемой: не слишком ли много мы заплатили, прежде чем нашли подходящий способ управления животноводством? Является ли современная система лучшей или нет? Сейчас еще рано приходиться к определенному выводу».

Последняя и самая крупная экономическая реформа, заменившая централизованное распределение ресурсов на рыночное, имела место в 1982 г. Политика строилась на двухъярусной системе местного экономического управления (система двойной ответственности), которая совмещала контроль частного хозяйства над своими собственными ресурсами с кооперативной организацией более сложных и непосильных для них услуг. Таким образом, рыночная ориентация хозяйств соединена с системой ответственности. Ответственность семейных хозяйств – часть более обширной схемы ответственности, которая была внедрена разнообразными способами.

В ряде государственных хозяйств, занимающихся производством и реализацией животноводческой продукции, практикуется выдача работникам зарплаты, в других – действует контрактная система.

В некоторых районах земля разделена среди животноводческих домохозяйств; в других – угодья распределены по подрайонам и неформальным соглашениям для домохозяйств внутри подрайонов. Независимо от положения, согласно которому используется земля, в различных районах наблюдается: а) продажа скота в кредит домохозяйствам с последующей продажей продуктов животноводства государству по контрактам; б) продажа скота в кредит животноводам без контрактов; в) распределение скота бесплатно среди животноводов без контрактов, но при сохранении ответственности.

Скот, ранее принадлежавший коммуна, был распределен среди животноводческих семей, или, более точно, среди семей, которые подрядились покупать скот в кредит по низким ценам в обмен на право продавать запланированную часть продукции

администрации района. Количество животных зависело от размера и работоспособности семьи.

С середины 1980-х гг. в большинстве районов стало происходить распределение пастбищ среди животноводов. Вначале договоры аренды заключались на 15–20 лет, но затем их срок продлили до 50 лет. Одновременно продавали малые и средние орудия труда и, наконец, крупные машины, такие как сенокосильные агрегаты и трактора. Правда, в некоторых местах, находящихся в районах исследования, определенные пастбища остались в общем владении. Например, в Харганте некоторые зимние пастбища официально не разделены, в то время как в Хобоксаре и Хандагате летние пастбища являются общими, а зимние – распределены между семейными хозяйствами. В Чингел Булаге пастбища круглый год принадлежат отдельным домохозяйствам. Из этого видно, что китайская система имеет более индивидуализированное пастбищное землепользование, чего нет в Монголии, однако в Бурятии и Читинской области наблюдаются тенденции, сходные с происходящим в Китае.

Вместе с тем в КНР до сих пор сохранились сельские государственные хозяйства, т.е. большие, коллективно управляемые предприятия. Они немногочисленны, но их следует описать, так как во многом нынешние китайские государственные хозяйства походят на российские доперестроечные колхозы и совхозы.

В Китае имеется два типа государственных хозяйств. Первый («авангардный») объединяет передовые организации, где используются новые технологии и методы. Второй тип («военный») составляют хозяйства, первоначально основанные для выполнения военных функций. Они тянутся вдоль северо-западных границ Китая, особенно у рубежей Синьцзяня и вдоль границы Хулумбуира с Россией во Внутренней Монголии. В животноводческих районах, расположенных в глубине страны, сельских государственных предприятий меньше, однако практически каждый округ имеет хотя бы одно хозяйство «авангардного» типа. В настоящее время государственные хозяйства существуют только там, где они были раньше.

Хозяйства «авангардного» типа функционируют как районные. «Военные» государственные предприятия имеют свою собственную администрацию, которая не подчиняется местному правительству, а их деятельность осуществляется под руководством системы административных бюро, вплоть до Министерства сельского хозяйства в Пекине. Министерство представляет

собой огромную организацию, которая обеспечивает отдельную централизованную систему снабжения и услуг для всех этих хозяйств.

В качестве примера приведем положительные и отрицательные аспекты деятельности государственного хозяйства «Красная звезда» в Барколе (префектура Хами, Синьцзянь) и соседнего района Сарджок, производство в котором полностью приватизировано. В Сарджоке поголовье скота увеличилось намного больше, чем в государственном хозяйстве. В 1983 г. скота было уже в 5 раз больше, чем в 1953 г., а с 1983 по 1992 г. его численность увеличилась с 234 тыс. до 298,9 тыс. условных голов, несмотря на то, что район пережил несколько сильных засух за этот десятилетний период. В «Красной звезде» – ограниченная численность поголовья. Там было в среднем по 10,7 голов скота на человека, в то время как в Сарджоке – 78,5. Однако это не обязательно означает, что животноводы в Сарджоке живут лучше.

Руководитель государственного предприятия так объяснил сложившуюся ситуацию: «Основная функция нашего хозяйства заключается в том, чтобы быть моделью для местных животноводов в управлении и использовании новой технологии. В этом смысле, я думаю, мы добились того, что на нас возложено. Мы никогда не переставали вводить новые технологии и новые методы управления. Даже в 1984 г., когда на нас оказывали большое давление продать животных в семьи, мы это делали только в течение одного года, а затем прекратили эту практику. Мы обнаружили, что невозможно использовать новую технологию, когда животные являются частной собственностью, а также трудно контролировать размер и состав стада и просить животноводов правильно использовать пастбища. С производственной точки зрения, иногда мы преуспевали, иногда нет. Причины сложные, в основном вина за неудачи ложится на климат. Мы думаем, что государственное производство имеет свои недостатки и свои преимущества. С 1984 г. пастбища других районов серьезно деградировали, но наши намного лучше. Как экономист животноводства, я уверен, что известный контроль над землепользованием абсолютно необходим. В прошлом контроль был слишком строгим, что тоже неправильно, но это не означает, что правительство не должно совсем контролировать землепользование. Я работал в этом районе 35 лет, и у меня такое чувство, что последние 10 лет были годами бес-

прецедентного развития животноводства, но также и самой серьезной деградации пастбищ».

Руководитель района Сарджок был неуверен в будущем. Он сказал, что животноводы столь быстро увеличили поголовье скота, что в настоящее время очень серьезно встала проблема перевыпаса. Каждый год, начиная с 1980 г. около 5 % пастбищ деградирует, и сейчас только 75–80 % земель пригодны для использования в скотоводстве. Сократились высота и видовой состав растений. Продолжительность жизни животных стала короче: например, в 1960-х гг. средняя продолжительность жизни баркольской лошади была 18 лет, а сейчас – только 11–14. Одной из причин деградации пастбищ было то, что животноводы-частники, размещающие свой скот на закрепленных за ними территориях, не могли больше пасти различные породы скота на пастбищах, пригодных только для конкретной породы. Когда разный скот пасется на одном месте, лучшая трава быстро съедается, не оставляя семена для воспроизводства на следующий год. В результате в Сарджоке травостой становится более низкого качества, и даже распространяются ядовитые травы.

Один из руководителей Сарджока отмечал: «До сих пор мы не знаем, как решить эту проблему. Нельзя запретить людям использовать свои пастбища так, как они это делают сейчас. И поскольку у нас нет сильного закона, чтобы регулировать этот катастрофический для состояния пастбищ способ животноводства, боюсь, что в будущем им будет нанесен большой урон. Более того, поскольку мы не имеем больше угодий для снабжения новых домохозяйств, скотоводам придется разделять земли со своими родственниками, и нагрузка на эти пастбища еще больше возрастет.»

Напротив, в хозяйстве «Красная звезда» животноводы ответственны за специализированные стада (например, ягнят определенной породы, баранов, валухов и т.д.), и для каждого стада отведены определенные пастбища. Для поддержания качества породы животноводы обязаны использовать искусственное осеменение. Контракт включает меры для поощрения правильного использования пастбища. Руководители считают, что такая система хорошо работает: 75 % животноводов увеличили свои доходы, а защита пастбищ стала более эффективной.

Наши исследования показывают, что государственные хозяйства имеют определенную степень свободы в управлении своей экономикой. Например, после того как государственная ко-

неферма стала испытывать трудности в связи с прекращением поставок лошадей для китайской армии, она переключилась на растениеводство, лесоводство и торговлю. Китайские исследователи указывают, что крестьяне в деревнях с сильными производственными коллективами имеют гораздо лучшую сферу социальных услуг, чем в тех поселениях, где общественные предприятия совершенно распались [Bowles, Dong, 1994].

Представляется, что более строгая система в государственных хозяйствах лучше обеспечивает как инвестирование, так и обслуживание. Очевидно, данные типы организаций создают преимущества для долгосрочного воспроизводства животноводческого хозяйства, поскольку при разумном управлении можно лучше реализовать политику в развитии животноводства.

Один из опрошиваемых в Алтае использовал метафору «разбивание великого горшка», что означало конец коммунистической системы, когда государство кормило людей. Возможно, одним из последних действий старой системы была субсидия зерном, которая окончилась в октябре 1992 г. С тех пор цены на зерно резко возросли. В общей сложности животноводы стали богаче. Но что скрывается за этим?

На первый взгляд, животноводы безоговорочно переориентируются на рыночное производство. Однако это не так: домохозяйства продолжают заниматься деятельностью, которая не только стимулируется законами рынка, но и обусловлена культурными ценностями и экономической нуждой определенных групп населения.

Существует противоречие между необходимостью целесообразного управления животноводческой практикой на местах и общей государственной политикой экономической либерализации. Так, один руководитель прокомментировал свои попытки контролировать размер стад в районе следующим образом: «До 1984 г. руководители имели власть для принятия общих решений. Теперь животные являются собственностью животноводов, и они обладают юридическим правом использовать свои собственные пастбища, как они хотят. Теперь наша власть ограничена тем, что мы следим, чтобы они не отставали от развития всего района; обеспечиваем их теми услугами и технологией, в которых они нуждаются. Мы принимаем решения относительно скота и фермерской экономики, но насколько они выполняются, вы можете судить сами».

Среди практики животноводов могут встречаться следующие виды деятельности, нецелесообразные с общей точки зрения: содержание не того вида животных, непредоставление скота или продуктов на продажу, неправильное использование земель. Все это поочередно будет кратко рассмотрено вместе с некоторыми наблюдениями за растущей дифференциацией между бедными и богатыми домохозяйствами, так как последняя – важный фактор в жизни животноводов.

В 1993 г. цены в Хандагате на различные продукты животноводства были следующими:

- овечья шерсть – 1,8–2,6 юаней/кг (в зависимости от качества);
- козий кашемир – 58–110 юаней/кг;
- верблюжья шерсть – 1,8–3,0 юаней/кг;
- овцы – 130–150 юаней за овцу (государственная цена); 135–160 юаней за овцу (частный торговец);
- козы – 120–140 юаней за козу.

Ясно, что выгоднее всего держать коз для получения кашемира, так как именно в этом качестве они являются важным источником доходов. Но в больших количествах козы являются причиной деградации окружающей среды: объедают кору с деревьев и кустарников, подрывают корни трав, особенно зимой и весной. В некоторых животноводческих районах Китая были приняты меры против разведения коз – в зависимости от сложности проблемы. Парадокс состоит в том, что кашемировые фабрики, поддерживаемые государством, также расположены на пастбищных землях Внутренней Монголии. Разведение коз было запрещено в двух районах баннера «Правый Отог» в Ордосе, рядом с большой кашемировой фабрикой, но животноводы могут и не придерживаться ограничений.

Р. Ма [1993] упоминает, что один богатый монгол, владелец козьего стада, смеялся над речью партийного секретаря административного образования Саньфу, который просил людей ограничить число коз. Он сказал своим друзьям, что продаст свое огромное (2000 голов) козье стадо, когда вся трава и кусты в деревне будут съедены. Только тогда он переедет в город, чтобы наслаждаться своими деньгами. Соседи возмущались: «Что за дьявол? Он оставит нам пустыню. Но что мы можем сделать?» Правительство баннера его не ограничивало; более того, в 1988 г. оно даже заняло у него крупную сумму денег под большие проценты.

Дело в том, что правительственные правила могут быть использованы для блага учреждений местных администраций, а не только для защиты земли. В районах наших исследований козы не составляли особенной проблемы, их было не так много. Но даже в таких богатых пастбищами районах, как Харгант в префектуре Хулунбуир, налог на коз был выше (1,5 юаней на год), чем на овец (1 юань). Во всех животноводческих районах имеются ограничения на размер стада. Они могут быть разного рода: например, в законе может быть сказано, что налог на землю взимается в зависимости от качества земли, в то время как чиновники на самом деле берут его по числу животных. Каким образом трактуются правила – зависит от местных властей и целей, которые ставят перед собой чиновники, и не всегда состояние природной среды принимается во внимание.

Со своей стороны, у животноводов может быть совсем небольшой выбор в отношении видов и количества скота, который они могут содержать. Особенно это касается бедных семейств. Чтобы вести приличную жизнь в соответствии с культурными традициями, они должны иметь разные виды и сорта мяса, молока и т.д. собственного производства, денежные средства – как необходимые в быту, так и предназначенные для проведения праздников, свадеб и т.п. Хотя покупные товары заменяют самодельную одежду, посуду и тягловых животных, мы обнаружили, что состав животных в стадах домохозяйств вполне традиционный. Почти никто из частных скотоводов не содержит только один или два вида животных. За этим лежат опыт и ценности предыдущих поколений, и они также влияют на решения о том, что продавать. Ни урянхайские, ни казахские животноводы не продают молоко на Алтае, так как это идет вразрез с их традицией. Они также продают не мясо, а живых животных. Как указывает Эрдэниджаб [Erdenijab, 1995], невыгодно продавать скот весной, поскольку в это «неправильное» время года трава не лучшего качества, но у бедных семейств может просто не быть выбора. Результатом всех этих привычек и опыта является то, что, с точки зрения общегосударственной политики, скотоводы могут иметь «неправильный» скот в «неверном» количестве и быть «упрямыми» в отношении изменений.

Если богатым скотоводам удастся избежать наказания за то, что содержат слишком много животных, бедным приходится переходить на другую деятельность, которая также является вредной для окружающей среды. В Хандагате чиновники не могли

помешать бедным скотоводам запахать весенние пастбища. Объясняли они это тем, что, поскольку цены на зерно выросли, они должны выращивать свое собственное зерно, хотя на то, чтобы распаханная земля вновь превратилась в пастбище, уходит 15–20 лет.

Различия в доходах бедных и богатых животноводов значительны и увеличиваются. В Хандагате, согласно данным местных руководителей, средний денежный доход в 1993 г. на семью был 9348 юаней. Самый высокий доход составлял 59 050 юаней, самый низкий – 4603 юаня. В Чингел Булаге богатый скотовод зарабатывал 45 500 юаней в 1992 г. (крайний показатель): 8500 юаней он получал от продажи кашемира; по 2000 – от продажи шерсти и кожи; 15 000 – от упаковки сена и 18 000 юаней – от его продажи. Бедный животновод зарабатывал только 1660 юаней (приводим нижнюю границу выборки): 560 – от продажи кашемира; 1000 – от продажи добытых им лисьих шкур; 100 юаней составляла дотация от района. Бедные хозяйства часто вынуждены были забивать скот, чтобы получить деньги, опускаясь, таким образом, в нижнюю часть экономической спирали, на которой невозможно уже заработать на жизнь только животноводством. Так, несколько хозяйств забили или продали весь свой скот.

В процессе полевых обследований мы не получили большого числа жалоб по поводу распределения животных в ходе реформ 1984 г. (оно было осуществлено в соответствии с числом рабочих рук в домохозяйствах), однако значительная часть животноводов осталась недовольна результатами раздела техники и особенно пастбищ. Те, у кого были хорошие связи, получили трактора и сеноуборочные машины. Очевидно, что если есть машины, то легче заготовить достаточное количество корма для скота на зиму и весну; хозяйствам без машин обычно приходится покупать сено. Домохозяйства, обеспеченные механизмами, имеют приличный заработок от продажи излишков. Как было видно из структуры дохода богатого скотовода из Чингел Булага, наличие сенокосилок и машин для упаковки травы в тюки дает огромное преимущество. Во Внутренней Монголии малые трактора широко используются вместо лошадей, верблюдов, волов. Так, 7 из 10 хозяйств в Харганте и в Чингел Булаге приобрели трактора, но только половина хозяйств имеют сенокосилки, в то время как богатые хозяйства имеют 3 или больше сенокосилок и, соответственно, значительный доход от прода-

жи сена. Во многих случаях богатство создавалось благодаря первоначальному преимуществу в распределении машин.

Распределение пастбищ вызвало много разногласий. Было невозможно справедливо разделить уголья с точки зрения их качества и удаленности от центра, даже если количество отмеряемой земли соответствовало правилам, учитывающим размер домохозяйств и численность скота. Постановление 1990 г., гласящее, что хозяйства могут содержать пастбища в течение 50 лет и более, было принято для того, чтобы скотоводы заботились о своих землях. Однако со временем планы у домохозяйств на использование пастбищ менялись. В самых заселенных районах Внутренней Монголии распределение пастбищ становится иным каждые несколько лет, что вызывает бесконечные трения. Границы раздвигаются, и неожиданно соседи, которые раньше были друзьями, становятся врагами. В некоторых же районах раздел пастбищ остается в силе, что приводит к тому, что молодые скотоводческие домохозяйства не всегда могут получить землю. В результате хозяйства вынуждены увеличиваться в размере при неизменной площади пастбищ [Sneath, 1995a], или их члены должны зарабатывать на жизнь другим способом.

В связи с этим, хотя и по разным причинам, и бедные, и богатые домохозяйства занимаются коммерцией. Хандагат в Алтае был самым отдаленным участком в наших исследованиях в Китае, но даже там количество магазинов, ресторанов, ремонтных мастерских увеличилось с 1984 г. почти в три раза. Почти все это – частные предприятия.

Скотоводы готовы продать свою продукцию тому, кто больше за нее заплатит. В местах вблизи городов и крупных сельских населенных пунктов всегда есть торговцы, желающие купить продукцию у животноводов. Местная цена по контрактной квоте тверда и известна каждому, но скотоводы также знают, что происходит в соседних районах и округах.

Некоторые из животноводческих семей действуют как посредники между скотоводами и фирмами из других районов Китая, прежде всего – с юга и востока, поскольку предприятия местной промышленности зачастую находятся в таком затруднительном положении, что не могут платить наличными и расплачиваются товарами (*да бай тиао*).

Упомянутые процессы создали угрожающую обстановку по отношению к природной среде в Харганте (Хулунбуир, Внутренняя Монголия). Растущие цены способствовали тому, что

бедным скотоводам стало выгодно продавать молоко. Наделенные домохозяйства отдаленными пастбищами не дали ожидаемого эффекта. Поскольку единственный местный молокозавод был расположен в центре сума, многие скотоводы – особенно бедные – предпочитали оставаться жить недалеко от него круглый год: так легче было привозить молоко на продажу. Они выбирали оседлую жизнь, и их дома были построены в радиусе 1–10 км от центра. Многочисленные небольшие коровьи стада паслись рядом с деревней. В результате коровы каждый день ходили на пастбище и обратно, тем самым разрушая песчаную и легко поддающуюся дефляции почву холмистой местности около железнодорожной линии, возле которой расположена деревня. В последние годы появились новые большие песчаные дюны, слабая растительность которых вытаптывается животными.

Районные администраторы понимают обстановку, но вряд ли могут кардинально ее изменить. Они огородили некоторые небольшие пастбища, что незамедлительно улучшило качество травы. Некоторые огороженные дюны были засеяны травой, но она плохо прижилась.

Лоукс и Ву отмечали: «Самой серьезной проблемой естественных угодий Северо-Востока является отсутствие законных механизмов для перевода результатов исследования пастбищ в более эффективные системы выпаса, которые бы широко применялись» [Loucks, Wu, 1992, p. 65]. Хотя не совсем ясно, что понимается под «эффективным выпасом», но они правы насчет законов. На самом деле, ощущаются определенный вакуум в законодательной части и недостаток координации: например, в Хоштолгое (Синьцзянь) власти установили норму количества скота для местных пастбищ, но хозяева животных, включая чиновников, отказались следовать им.

В ходе наших исследований в среде животноводов обнаружилось образование новых групп хозяйств, основанных на родстве, но их возможности для независимых совместных действий ограничены. Число таких групп еще мало и их существование не решает общих проблем управления. Таким образом, районная администрация и единоличное хозяйство – две главные организационные формы на районном уровне в Китае.

Суммируя изложенное, можно констатировать, что в китайской части Внутренней Азии районная администрация является единственной властью, управляющей животноводством в районе в целом. Принцип создания и ведения специализиро-

ванного производства здесь больше не применяется, кроме тех районов, где имеются государственные хозяйства. Район также ответственен за проведение государственной политики, в том числе – внедрение рекомендаций исследовательских институтов, но реальная власть районной администрации уменьшилась. Домохозяйства занимаются смешанным производством, исходя из своих интересов, и их планы могут идти вразрез с политикой районных властей.

3.1.3. Организация животноводства в районах Монголии

Монголия имеет больше всякого рода местных административных учреждений, чем Россия и Китай, и ситуация постоянно меняется. С целью описания типов организаций и отношений между ними мы сосредоточились на одном районе – суме Баянтумен в аймаке Дорнод. Он расположен в Восточной Монголии недалеко на север от Дашбалбара и к востоку от Харганта (Внутренняя Монголия).

Предметом рассмотрения в данном случае являются не истощенные природные ресурсы и связанные с этим трудности, как в Китае, а проблемы интеграции скотоводов, основанной на более широком экономическом взаимодействии.

Во многих случаях монгольские сельские учреждения имеют черты как российских, так и китайских типов. Так же, как и в России в период социализма и в Китае в период коммун, юрисдикция прежнего монгольского колхоза нэгдэл совпадала с границами низового административно-территориального уровня, колхоз часто имел даже то же самое руководство. В настоящее время районные власти продолжают играть важную роль в управлении животноводством. Структура и политика нэгделов и государственных хозяйств основывались на российских моделях [Hamphrey, 1978]. Сейчас по всей Монголии они заменены учреждениями, которые называются компаниями (компан) и разного рода другими фирмами и ассоциациями. Все они часто базируются на структурах прежних нэгделов, но образовались и совсем новые организации, руководство которых отделено от районной администрации.

В отличие от России, использование пастбищ здесь регулируется районом или подрайоном, а не компаниями. Офис районных руководителей является местом, где содержится информация о численности населения и скота, регистрируются

фирмы, компании и другие группы. Районные чиновники хорошо знают пастбища и большинство скотоводов по именам. Животноводам не полагается переходить границы подрайона (бага), но они часто это делают с разрешения властей. Районные чиновники состоят из избранного главы (*засаг дарга*) и глав подрайонов, которые несут ответственность за организацию скотоводства.

Реформы в Монголии сопровождались сокращением субсидий из столицы. Четыре бригадных центра (бага) со специализированным производством прекратили существование. Рассматриваемому району Баянтумен помог выжить внешний бартер, в котором местные чиновники, как и руководители компаний, действовали в качестве брокеров.

В прошлом районные чиновники были тесно связаны с народно-революционной партией и несли ответственность за проведение центральной государственной политики. Сейчас ситуация изменилась: три главных чиновника в Баянтумене входили – на момент исследования – в три разные политические партии. Один из руководителей сказал во время интервью: «В прошлом было четыре типа общественного положения: чиновники, интеллигенты, животноводы и рабочие. Все это ушло, сейчас только бедные и богатые».

По его мнению, главной проблемой, являющейся причиной бедности некоторых семей, следует считать сохраняющуюся у них психологию иждивенчества. Молодые люди ожидают, что родители или районные власти будут заботиться о них. В 1992 г. каждому домохозяйству было выделено по меньшей мере 50 голов скота. К началу 1993 г. в некоторых семьях животных уже не было. Они их или забили, или продали. Затем эти семьи переехали в центры сумов или аймаков, чтобы там о них позаботились. «Мы знаем, что это их вина, – продолжал руководитель, – но мы не можем отказать им. Мы пытались научить их, например, столярничать или шить, но они ужасно ленивые». Основную проблему чиновники видят в низком спросе и низких ценах на животноводческие продукты, а также в инфляции.

Летом 1993 г. в Баянтумене насчитывалось 4 компании, которые располагались в подрайонах. Они образовались на основе бригад бывшего нэгдэла и продолжали использовать их технику, производственные помещения, магазины и т.д. Акции компаний были раскуплены как нэгдэлом, так и государством, поэтому они не были частными. Тем не менее ожидалось, что в

финансовом отношении они будут сами себя обеспечивать. Более половины скотоводов всего района (210 чел.) работали в этих организациях, где им платили зарплату за выполнение контрактов по производству продукции, которая продавалась государству. Вверенные им стада – собственность компаний – животноводы пасли вместе со своим скотом. Предприятия покупали или заготавливали сено и распределяли его между своими членами по количеству голов скота. Стоимость сена вычиталась в конце года из премии. В зависимости от обстоятельств компании могли также платить пенсии, выдавать продовольственные пайки, содержать магазин для продажи товаров своим членам. В этом отношении данные организации похожи на хозяйства в Тыве, Читинской области и Бурятии, хотя первые намного меньше по размеру (в Баянтумене около 80 членов домохозяйств, тогда как в Бурятии – 400–600).

Хотя монгольская компания не имеет четко очерченных границ, в отличие от российского хозяйства, она действует точно так же, и поэтому может рассматриваться в качестве корпоративной организации. Предприятия различаются между собой по объемам и видам животноводческой продукции. В компаниях Баянтумена разводят все пять типов скота (овец, коз, крупный рогатый скот, лошадей, верблюдов), независимо от того, каких животных разводили в бригадах.

Некоторые прежние государственные хозяйства были полностью превращены в компании. Они продолжали специализироваться в производстве определенной продукции, например, в разведении каракулевых овец в Сумбере; в этом случае компания оставалась государственной и значительной по своим размерам (более 500 взрослых работников). Некоторые компании, например, в Дашбалбаре, долго не просуществовали. Они или разорвались, или их члены голосовали за их роспуск. Таким образом, термин «компания» означает самые различные организации. В отличие от фирм и ассоциаций, компании более консервативны, они являются продолжением социально ориентированных предприятий с твердой зарплатой. Но они не всегда конкурентоспособны из-за плохого руководства или экономических обстоятельств.

В Баянтумене вместе с компаниями имелось три фирмы (*хоршо*): одна – торговая, другая предоставляла услуги, третья выращивала овощи. Каждая из них использовала инфраструктуру и персонал бывших подразделений нэгдэла.

Чуть меньше половины скотоводов в Баянтумене (195 чел.) имели личное хозяйство. Предполагалось, что они будут пастись скот в пределах границ подрайона; во всех остальных случаях они имели возможность свободно передвигаться и продавать свою продукцию там, где могут. Частные скотоводы имели больше животных, чем работающие в компании, но в целом различия в достатке были не такими явными, как в Китае. Частные фермеры объединялись во множество временных ассоциаций (*хоршо*, *хоршолул*) для выполнения определенных задач, например, заготовки сена. Некоторые же из этих ассоциаций, предназначенные для долговременного функционирования, были более устойчивы.

Ассоциация «Богатый белый хоршолул» была образована в 1992 г. опытным бригадиром по разведению лошадей в прежнем нэгдэле. Он управлял 2000 лошадей и пользовался большим уважением. Десять семей, которые образовали ассоциацию, кроме родственников, включали и посторонних людей – как богатых, так и бедных. Члены ассоциации объединили всех своих животных в общее стадо. Около 3000 голов скота паслись на пастбищах, об использовании которых старший группы договаривался с районными чиновниками.

Руководителем в ассоциации был не ее основатель, а молодой человек, по профессии водитель, который отдал организации в пользование свой автомобиль. Предприятие должно было самоокупаться, и поэтому, кроме скотоводства, оно занималось заготовкой собственного сена, производством пива, алкоголя, выращиванием картофеля и кукурузы. Внутри группы отношения строились на паритетной основе: женщины, люди из бедных семей и молодежь работали на равных началах; разделение труда было развито слабо (женщины иногда пасли лошадей, мужчины окучивали картофель); дети оказывали большую помощь в пастыбе скота. Этот хоршолул имел свою зимнюю базу с колодцем, расположенным недалеко от сенокосных угодий, со строениями для хранения сена и загоном для скота.

Группа была ориентирована на рынок, и ее основатель определил источники дохода в следующем порядке: продажа кашемира и шерсти, мяса, картофеля; продажа сена зимой; сдача внаем легкового автомобиля и грузовиков; продажа фуража, выработанного из кукурузы. Они не торговали молоком, потому что соседняя ферма производила его дешевле. Хотя дела в ассоциации, казалось, шли успешно, никто не был полностью

уверен в будущем. Все сохранили часть личного скота в своей собственности, и некоторые женщины имели также другие места работы в г. Чойбалсане. По словам членов ассоциации, группа будет распущена, если деятельность ее не будет прибыльной по истечении года.

Из этого примера видно, что в Монголии существует большое разнообразие и пестрота видов деятельности и их организационных форм в традиционно скотоводческих районах. Даже в таком небольшом сельском районе, как Сумбер, можно встретить людей, обладающих миллионами тугриков и живущих рядом с очень бедными домохозяйствами. Но важно то, что самые богатые получают свой доход не от занятия животноводством, а от бизнеса или антрепренерских сделок. Для достижения успеха необходимы клиентурные связи с чиновниками из района и всей страны [Sneath, 1993], а источники больших доходов все чаще находятся вне Монголии. Это относится даже к такому району, как Баянтумен, хотя он и не расположен на границе.

Государство значительно сократило прямое инвестирование в животноводство. Таким образом, с одной стороны, нынешнее разнообразие учреждений является положительным моментом, так как отвечает различным интересам людей, с другой стороны, большие организационные возможности нэгделов были потеряны вместе с утратой преимуществ специализации производства. Задачей администрации сума является координация деятельности различных групп и домохозяйств, которые производят одну и ту же продукцию, поскольку между животноводами возрастают конкуренция и конфликты.

3.2. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЖИВОТНОВОДСТВОМ И КАЧЕСТВО ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Вопрос сохранения стабильности в общем смысле очень важен для сельской Внутренней Азии. Степень экономической надежности и безопасности определяет то, к каким видам организаций присоединяются люди и кого они поддерживают. Это напрямую влияет на процесс аграрного землепользования в регионе. Во всех трех субрегионах, где проводились наши исследования, одна из основных проблем животноводства – повышение его капиталоемкости.

В результате наших наблюдений выяснилось, что наибольшие проблемы с капиталовложениями существуют в российской части региона. Здесь, чтобы сохранить прежний уровень жизни, необходимы более высокие вложения капитала в хозяйство. В Монголии сельское население в целом способно существовать без больших дополнительных денежных вливаний, даже если и существуют жалобы по этому поводу. В России же сравнительно большая часть людей не занята в материальном производстве (бухгалтера, секретари, медсестры, учителя и т.д.) или связана с постоянным использованием техники (трактористы, шоферы и т.д.). Эти люди живут в деревнях, где не могут обойтись без электричества, а в некоторых населенных пунктах без центрального отопления. Они имеют слабое представление о том, как организовать самостоятельную сельскохозяйственную деятельность скотоводов, т.е. утратили специфический опыт и умение вести собственное хозяйство.

Примерный паритет власти между коллективом и местной администрацией и слабость обоих создают конфликты на уровне их руководителей, а также между колхозниками и частными фермерами. Коллективы стараются избегать этих конфликтов, разгорающихся в основном из-за пастбищ, путем строгого размежевания земли частных фермеров. Однако с точки зрения некоторых опрошенных в Тыве и Бурятии право хозяйств делить землю было спорным, так как зачастую люди не знали причин и мотивов перераспределения пастбищ. Как правило, сначала они принадлежали одним, затем их передавали другим – это приводило к конфликтам и ссорам. Такая же ситуация, хотя и менее острая, существует и в Монголии, поскольку там земли больше, по крайней мере в тех местах, которые мы изучали. В Дашбалбаре и Сумбере, согласно давней традиции, животноводы могут эксплуатировать пастбища соседних районов, не встречая возражения. В Китае же право местной администрации распределять пастбища не подвергается сомнениям. Вместе с тем споры могут возникнуть между районами, особенно, когда скотоводам одного из них нужно проходить по земле другого, чтобы добраться до выделенных им пастбищ.

Случаи дезорганизации сельскохозяйственного производства в России – это не только реакция на бедность, но и активный фактор экономической дезинтеграции. Создался разрушительный цикл: экономика механизированного общественного животноводства несостоятельна без координированной работы

каждого сектора хозяйства (сено, корм, уход и т.д.). Чем больше приходит в упадок какой-либо сектор, тем у людей появляется больший соблазн использовать его для личных нужд, продать на стороне и т.п.

Относительно стабильные коллективы в полной мере используют землю и держат достаточное количество скота. Большинство хозяйств в течение последних 10 лет сократили поголовье скота, но не настолько, насколько это рекомендуется с природоохранных позиций [Gomboev et al., 1995]. Представляется, что использование механизированной технологии для заготовки кормов останется до тех пор, пока стадо будет состоять из неместных пород. Более широкое применение кочевой технологии, позволяющее рационально использовать различные пастбища, могло бы улучшить положение в относительно крупных хозяйствах – например, в таком предприятии, как «Гигант» (Читинская область), и повысить качество природной среды. Однако это вряд ли случится, поскольку оседлость уже укоренилась в бурятской культуре.

В связи с этим важно привести положительный пример совхоза в Ойвуре (Тыва). Здесь, несмотря на большие размеры стада, вред, наносимый им окружающей природной среде, минимальный. Объясняется данный факт прежде всего тем, что тувинцы продолжают использовать местные породы, и это позволило им применять более мобильный тип животноводства. Животные местных пород могут жить на открытом пастбище чуть ли не весь год, и их не нужно держать в закрытых и отапливаемых помещениях. Соответственно, потребность в заготовке кормов здесь намного меньше. Этот совхоз почти не пользуется фуражом и расходует относительно небольшое количество сена. Руководители хозяйства осознают проблемы при большом поголовье скота и намереваются его стабилизировать.

В Китае развитие животноводства в течение последних 10 лет также породило много проблем в деле сохранения природной среды. Во многих местах наблюдается деградация пастбищ, например, в Харганте и Чингел Булаге, хотя численность стад, согласно оценкам китайских специалистов, там не самая высокая. Государственная политика распределения самых скудных типов пастбищ среди частных хозяйств отчасти ответственна за это. В результате снизилась мобильность животноводческих хозяйств, что вызвало чрезмерное использование пастбищ в некоторых местах [Sneath, 19956].

Китайские чиновники в первую очередь заинтересованы в стабильности годовых районных доходов и в том, чтобы собирать у животноводов налоги, взносы и осуществлять возвраты займов, игнорируя при этом факт увеличения поголовья. Именно это вместе с фиксированным распределением пастбищ потенциально опасно для поддержания их продуктивности и сохранения природной среды.

В Харганте, как уже отмечалось, животноводы победнее группируются вокруг центральной деревни, с тем чтобы свести к минимуму расходы на транспорт, реализацию молока и т.д. Расселившись здесь и построив дома, они уже не кочуют на сезонные пастбища. Это увеличивает площадь песчаных дюн, и по мере того, как уменьшается травяное покрытие вокруг деревень, ветер развеивает песок и образует песчаные дюны по соседству.

Похоже, что результатом относительного понижения уровня чиновничьих зарплат по сравнению с доходами животноводов стало то, что они соперничают с людьми, которыми должны руководить. Может показаться, что указанное наблюдение не имеет отношения к окружающей среде, но косвенно это подтверждается положением на местах. В Харганте, например, естественные кормовые угодья могли прокормить больше скота, чем его было на самом деле [Hurelbaatar, 1995], и в то же время эти земли сильно деградировали. Одной из причин сложившейся ситуации является то, что большая их часть была определена районными властями как сенокосные угодья, и животноводам не разрешалось пасти там скот, т.е. площади под пастбища были значительно сокращены. Скотоводы могли в определенных местах заготавливать сено, но обширный надел территории чиновниками был обозначен как собственность сума. Большую часть сена район продавал; богатые скотоводы должны были договариваться с районным начальством о выделении земель для заготовки сена.

Очевидно, что недостаток средств вынуждает власти использовать сенокосы в качестве источников районных доходов, поэтому у животноводов остаются менее удобные и меньшие по площади пастбища, чем те, которые они могли использовать до отчуждения части естественных кормовых угодий. Как следствие, создается конкуренция животноводов с их собственными руководителями, при этом ухудшается качество самих лугов, а земли в районе используются нерационально.

Состояние природной среды в Монголии лучше, чем в России и Китае. Объясняется это не только сравнительно невысокой плотностью поголовья скота в стаде, но и обширной площадью пастбищ. Сельские монголы придают большое значение чистоте окружающей среды. У них существует сложная система планирования кочевков, отслеживания роста различных разновидностей трав и определения времени для кочевки в соответствии с поведением животных. Некоторые районы на северо-востоке страны относительно оседлые (например, Дашбалбар), но местные жители в полной мере осознают свою ответственность за состояние стада и организуют свою деятельность так, чтобы не вызвать деградации кормовых угодий и ландшафтов (кроме отдельных мест – например, у колодцев и т.п., где этого сложно избежать).

Это обеспечивается подвижностью скотоводческих групп и соединением больших и малых производственных единиц. Важно, что в этом отношении их можно сравнить с теми, которые существовали до коллективизации. Конечно, современная общественная обстановка совершенно другая, но, с точки зрения организации и технологии животноводства, новые группы зачастую обладают теми же достоинствами и недостатками, которые были присущи скотоводческим объединениям в то время.

Однако современная организационная структура животноводства стремится быть менее подвижной, чем до революции или в социалистический период. Раньше нэгдэлы обязывали людей совершать плановые кочевки. Но у небольших компаний и ферм нет механизированного обеспечения, чтобы передвигаться на длинные расстояния, и в ряде мест их доступ к пастбищам более ограничен. Некоторые частные животноводы стремятся оставаться поближе к районному центру, т.е. к рынку. Это похоже на ситуацию в Харганте во Внутренней Монголии.

Другая практика: городские жители могут купить скот и оставить его у родственников близлежащих районов с тем, чтобы они пасли его. Родственники не отводят этих животных, особенно молочных коров, на дальние угодья, а оставляют их недалеко от поселения. Это плохо отражается на пастбищах, которые находятся в непосредственной близости к районным центрам. Однако в Монголии, по крайней мере в тех районах, которые мы изучали, большинство профессиональных скотоводов принадлежат к тем или иным корпорациям или ассоциациям, и их кочевки находятся под контролем районных и мест-

ных властей. Это обеспечивает согласованное использование пастбищ.

Институциональные изменения важны и в экономическом отношении. Появление множества малых производителей привело к потере специализации и экономической интеграции периода нэгдэлов. Совхозы и нэгдэлы производили продукцию в больших количествах для государственных организаций, и у них были специальные программы по разведению скота. Сейчас в целом животноводы одновременно производят одну и ту же продукцию, что приводит к понижению цен и падению спроса на нее из-за небольшого числа гарантированных покупателей. В настоящее время часть молодых скотоводов вынуждена оставить животноводство, особенно в районах, отдаленных от дорог и покупателей. Они переезжают в городские и районные центры, но во многих случаях по-прежнему владеют скотом, который оставляют с родственниками в какой-нибудь ближайшей сельской местности. Это приводит к тому, что некоторые отдаленные пастбища не используются в полной мере, в то время как на близлежащих к городским поселениям наблюдается перевыпас, что губительно для пастбищ.

В Монголии животноводство играет в национальной экономике гораздо более важную роль, чем в России или Китае. В этих странах местные власти не могут препятствовать, если земля у них изымается для промышленных, военных или других целей. Раньше так было и в Монголии, например, при размещении воинских частей. Но теперь для этого нужно получить разрешение аймачных и районных властей, которые имеют право давать окончательное согласие на сооружение потенциально загрязняющих производств. Так, в Баянтумене власти запретили строительство фабрики по мытью шерсти на том основании, что химические вещества загрязнят р. Херлен. Удивительно, что такое возражение вообще было сделано, так как завод был бы экономически выгоден для всего района. Хотя в Монголии остра проблема бедности, местные учреждения достаточно сильны, чтобы определить такие направления развития территорий, какие они считают нужным.

Итак, следует констатировать, что формы организаций, принятые местными управляющими и хозяйствующими учреждениями, являются чрезвычайно важным аспектом природопользования, влияющим на животноводство и, соответственно, на отношения между человеком, его хозяйством и окружающей

средой. Местные учреждения играют посредническую роль в родственных и хозяйственных взаимодействиях, описанных Снитом [Sneath, 1995a], нередко выступают в качестве этнических и регионально дифференцированных социальных сообществ, рассмотренных Цуи [Tsui, 1995a]. Снит показывает, как гибкие общественные отношения, базирующиеся в основном на родственных связях в Монголии и Бурятии, отличаются от появляющихся иерархических отношений «патрон–клиент» во Внутренней Монголии. Цуи разъясняет, как появление разнообразных экономических форм организации производства в северном Синьцзяне породило новые этнические и региональные связи. Он считает, что это может обострить конкуренцию экономических интересов и, следовательно, стать причиной большего давления на окружающую среду.

Государственное регулирование местных хозяйственных единиц во всех изучаемых странах ослабевает. Однако ситуация во всей Внутренней Азии весьма разнообразна, так как в каждой части региона устанавливаются свои новые институциональные формы. Анализ показывает, что проблемы возникают или когда правительственные учреждения слишком ослаблены, как в Бурятии и Читинской области, или когда имеется недостаток посреднических корпоративных и ассоциативных организаций, как во Внутренней Монголии и Синьцзяне. Лучшим выходом из ситуации должно быть сбалансированное соотношение управляющей и производственной деятельности государственных учреждений, корпораций, ассоциаций и частных (единоличных) хозяйств.

3.3. СЕЛИТЬБА И ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА И АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Важное значение в понимании закономерностей эволюции аграрного землепользования во Внутренней Азии имеет анализ систем поселений в сельской местности региона, их взаимодействия с традициями природопользования и с окружающей средой.

Общепринятая терминология, принятая для описания расселения и типов хозяйств, сводится к трем категориям понятий: кочевой, оседлый и полукочевой. Они отражают и тип землепользования. Формы кочевых поселений ассоциируются с животноводством; оседлые типы относятся к растениеводству и стойловому животноводству; полукочевые – к смешанному жи-

вотноводческо-растениеводческому землепользованию. Но они, однако, не представляют адекватно образцы поселений и характер землепользования во Внутренней Азии. Результаты экспедиционных работ в регионе свидетельствуют, что вышеприведенная терминология не способна отразить сложность типов жилищ (стационарных и мобильных), их число на одну семью и сезонные миграции сельских жителей Внутренней Азии. Термины «кочевой» и «оседлый» приобрели идеологический характер в работах социологов, касающихся Внутренней Азии. Фактически они стали ассоциироваться с понятиями «отсталость» и «развитие» [Жимбиев, 1991].

Бурят традиционно считают кочевым народом, но исторические исследования показали, что еще с ранних времен у них были оседлые жилища и сельское хозяйство. В конце XIX в. это было документировано Комиссией Куломзина [Материалы..., 1898]. Важным выводом, основанным на анализе материалов Комиссии, является то, что термины «кочевой» и «оседлый», при помощи которых описывали типы жилищ, не в полной мере совпадают с определенными типами хозяйства. Согласно этим документам, в то время почти половина бурятских семей занималась и кормилась растениеводством, а другая половина – животноводством. Однако типы жилищ представляют совершенно другую картину: около 80 % бурятских хозяйств использовали только стационарные дома (18 % семей жили в одном доме и не мигрировали, в то время как у 61,4 % семей было несколько домов, расположенных на сезонно используемых местах). Только 6 % семей эксплуатировали исключительно войлочные юрты, и 14,6 % – имели и стационарные, и мобильные строения [Жимбиев, 1991].

Таким образом, анализ зависимости между типом землепользования и видами строений, характерными для бурят, показывает, что наряду с «кочевыми скотоводами» и «оседлыми фермерами» было много людей, чье описание в прежних категориях нарушает стереотипы: их можно назвать «кочевыми фермерами» и «оседлыми животноводами» [Там же].

Важно отметить, что единоличное хозяйство во Внутренней Азии является социально гибкой единицей. Под словом «домохозяйство» мы подразумеваем группу людей, которые имеют общую экономику, жилища и питание. Численность группы в течение года может варьироваться. В качестве основы для объединения могут выступать различные семейные типы, например,

«патрон-клиент», и социальные связи. Домохозяйство использует комплекс жилых помещений – стационарных и мобильных, вместе с сараями, курятниками, амбарами, банями и т.д. Оно большей частью функционирует, примыкая к другим домохозяйствам в одной жилой группе (как, например, аил в Монголии), но в определенное время года может существовать отдельно. Домохозяйство может также послать кого-либо из своих членов на кратковременную или сезонную пастьбу скота (*отор*). Поэтому невозможно при определении домохозяйства основываться только на критерии совместного питания. Домохозяйство изменяется не только в течение годового цикла, но также и в результате смены поколений в семьях, являющихся его основой. Таким образом, в течение ряда лет оно может трансформироваться само или поменять свои жилые комплексы. Место семьи среди других форм хозяйственных организаций, основанных на типе семьи и совместном проживании, обсуждается в работе Снита [Sneath, 1995a].

Во внутрирайонных поселениях, состоящих из стоянок, сельских поселений или поселков, мы различаем «оседлые» и «сезонные». Эта дифференциация подразумевает круглогодичное присутствие в первых большинства жителей. Оседлые поселения включают не только дома людей, которые постоянно там живут и не кочуют, но также некоторые жилища, используемые только сезонно (например, «зимние» дома), хотя сами строения стационарны.

Физическая характеристика здания не всегда адекватна его использованию. В Монголии мобильные постройки (юрты) часто играют роль постоянных жилищ в оседлых поселениях. Нужно также заметить, что в Монголии даже районный административный центр может быть сезонным поселением. Так, например, в Ховд суме центральный поселок кочует два раза в год из летних стоянок на зимние. В каждом месте имеются стационарные дома, офисы и т.д., но большинство населения проживает в подвижных жилищах – юртах.

Нами, в соответствии со схемой социолого-этнографического обследования (см. рис. 2), собрана информация о жилищах 18 домохозяйств каждого ключевого участка. Жилищные комплексы разделены на 4 типа: только один постоянный дом; более одного постоянного дома; постоянный дом и передвижное жилище; одно или несколько мобильных жилищ. По данной классификации ключевые участки Ховд и Сумбер в Мон-

голии имеют самые мобильные типы жилищ, в то время как Аргада и «Гигант» в России – самые стационарные.

Если рассмотреть по 9 животноводческих домохозяйств из 18 имеющихся в каждом месте, то обнаружатся некоторые интересные различия между российскими, монгольскими и китайскими частями. В Монголии две трети всех животноводов имеют только мобильные жилища и одна – стационарные и мобильные. В Китае большинство животноводов владеют постоянными и сезонными мобильными зданиями и только 7 из 36 семей – только мобильными домами. В России около половины животноводов живут в стационарных постройках, которые используются круглый год, в то время как большинство других имеют по крайней мере два дома. Тыва – единственное место на российской территории Внутренней Азии, где сохранились войлочные юрты. Различия в зажиточности животноводов – как в России, так и Монголии – в характере жилых комплексов прослеживаются не совсем четко. В Китае же только бедные животноводы живут исключительно в мобильных жилищах.

Исследования, проведенные среди бурят с конца XIX в. и в последующем, показывают, что процентное соотношение семей, использующих различные типы жилищных комплексов, не было одним и тем же, особенно в течение долгих промежутков времени [Жимбиев, 1991, Humphrey, Zhimbiev, 1995]. Фактически потребовалось около ста лет для того, чтобы буряты перешли к почти полной оседлости. Например, в настоящее время 60 % бурятского населения живут в городах и поселках, а не в сельской местности; 95 % жителей села имеют единственное стационарное жилище, а оставшиеся 5 % наряду с основным домом владеют еще и сезонными стационарными. С недавнего времени немногие животноводы начали эксплуатировать подвижные жилища – войлочные юрты или вагончики, которые используются при пастьбе коллективного стада на летних пастбищах. Последнее важно отметить, так как половина из 18 семей, включенных в обследование, являются животноводами, что не типично для большинства бурятского сельского населения. По сравнению с народами других частей региона среди бурят относительно мало животноводов, которые ведут полностью кочевой образ жизни.

Существует мнение, что до того как стать подданными русского царя в конце XVII в., буряты использовали только передвижные жилища (юрты), а затем постепенно стали переходить

на оседлый образ жизни, и стационарные дома появились только под влиянием русских. Однако документы свидетельствуют, что в XVII в. буряты имели все типы жилищ, хотя в конце XIX в., не говоря уже о сегодняшнем дне, они были представлены в иных пропорциях.

Типы жилого комплекса в XVII в. были более подвижными. Процессы оседлости и урбанизации семейств и поселений в российской части региона были тесно связаны с включением бурят в товарную экономику русского населения. Эти процессы принудительно ускорились во время всеобщей коллективизации и массового перехода кочевое население на оседлый образ жизни в 20–30-е гг. XX в. Только после недавней приватизации очень немногие бурятские скотоводы начали снова экспериментировать с более мобильными формами животноводства. Характер поселений меняется и в других районах Внутренней Азии. Очень сложно описать явление в динамике, не обращаясь к истории в каждом случае. В течение последних 15 лет во всей Внутренней Азии реализуется переход к более оседлому типу жилого комплекса и происходит увеличение населения административных центров.

Это наглядно проявляется в следующих примерах. В Восточной Монголии (Дорнодский аймак, сум Баянтумен) с 40–50-х гг. XX в. оседлость возрастает за счет использования вагончиков или небольших домов на колесах – наряду с традиционными войлочными юртами на пастбищах или вместо них. Такие вагоны нуждаются в транспортных средствах (тракторах и грузовиках) для перемещения и не могут передвигаться по неровной местности. Мы убедились в том, что многие из них уже не могли перемещаться, поскольку вся их ходовая часть пришла в негодность. Их способность к перекочевке в данном случае скорее символическая, чем реальная. Вагончики использовались несколькими семьями круглый год. В то же время административный центр района Баянтумен увеличился в размере в течение последних 20 лет благодаря близости к городу Чойбалсан. В некоторых случаях он выступает как пригород, и рабочие каждый день уезжают в город на автобусе, родственники же городских жителей живут в Баянтумене, где пасут их многочисленный скот. Все это привело к деградации пастбищ вблизи районного центра.

На юге Центральной Монголии (Дорноговский аймак, Сумбер сум) численность населения административного центра Сум-

бер сильно возросла с 1960-х гг. Около половины его населения живет в войлочных юртах, но они используются так, как будто это постоянные стационарные жилища: там есть деревянные полы, их окружают изгородью, хозяйственными постройками, сараями и т.д. Население деревни сокращается летом, когда дети и старики уезжают к своим родственникам на пастбища. Расположенные на них поселения также становятся все более постоянными. На зимних стоянках сейчас живут дольше, чем раньше (около пяти месяцев), и здесь также имеются деревянные сараи для скота. Это означает, что животноводы возвращаются из года в год в одно и то же место.

Оседлость, с недавних пор усиливающаяся в Восточной Внутренней Монголии (Харгант сум, Хулунбуирская префектура), сокращает число скотоводов, живущих исключительно в передвижных жилищах. Администрация сума закрепила за каждой семьей зимне-весенние пастбища, и теперь они превращаются в круглогодичные угодья для выпаса скота многих хозяев. Большинство животноводов имеют зимне-весенние дома, построенные из кирпича или глины, и они или живут там весь год, или передвигаются на короткие расстояния в другие жилища на летнюю и зимнюю пастьбу отор. Некоторые стали высаживать картофель рядом с домами. Отдаленные летние земли, использовавшиеся скотоводами до 1949 г., сейчас расположены вне границ района, но даже ближние пастбища внутри сума эксплуатируются в основном богатыми животноводами. Среди бедных скотоводов существует уже упоминавшаяся тенденция строить дома ближе к административному центру, поскольку так легче отвозить молоко на продажу. Чрезмерное использование этих близлежащих пастбищ вызвало, как отмечалось выше, сильную их деградацию.

И, наконец, население Чингел Булага во Внутренней Монголии стало более оседлым после экономических реформ начала 1980-х гг. Пастбища были поделены на участки преимущественно в границах бывших производственных бригад, и затем почти все угодья были снова «разбиты» на пастбища домохозяйств на различных сезонно используемых территориях внутри гашаа*. Более зажиточные животноводы в настоящее время все имеют дома на зимне-весенних участках. Многие животно-

*Гашаа – административно-территориальная единица во Внутренней Монголии, соответствующая уровню сельской администрации в России.

ственные службы сосредоточивались в центральном населенном пункте. В обеих странах и доныне существует мнение, что оседлость означает движение к цивилизации. Такие представления бытовали меньше в Монголии, где кочевые традиции были более распространены, чем, например, в Бурятии. Тем не менее оседлость во всей Внутренней Азии нужно рассматривать в контексте административно-бюрократической системы управления и планирования. При социалистическом строе в планах сельского хозяйства указывалось, какие люди (по профессии) где будут жить, и должны ли они жить оседло или кочевать. В отношении животноводов также существовали директивы, куда и когда они должны кочевать. Такая оседлость по приказу сопровождалась принудительной же сезонной миграцией.

В то же время важно отметить, что государственное планирование противоречило коренным традициям и практике животноводства, которые отличались друг от друга в различных местностях. С этим связан вопрос о роли культурных ценностей по отношению к оседлому образу жизни коренных жителей региона. Внутренняя Азия имеет достаточно однородную культуру; данный регион, в известном смысле, был общей культурной ареной населяющих его народов. Значительные продвижения групп народов (группы тувинцев, мигрировавших в Монголию, а затем в Китай; казахов – в Монголию; бурят – во Внутреннюю Монголию и т.д.) это подтверждают. Внутренняя Азия имеет общие культурные традиции, которые проявляются и в вопросе оседлости. Эти традиции не имеют четко выраженных территориальных границ, так как накладываются друг на друга. Мы считаем, что внутри региона существуют устоявшиеся способы и направления землепользования, приемы и навыки животноводства, строительства и ремесел и т.д. Иными словами, представлено все то, что подходит под общее определение «культура», означающее совокупность принципов, используемых людьми при более или менее оседлом образе жизни в социумах. Однако внутри практически единой для народов Внутренней Азии культуры, естественно, имеются варианты. Один из них обусловлен географическими отличиями культуры, сложившейся при хозяйственной деятельности в течение двух сезонов, от культуры, которая развивалась на основе круглогодичной хозяйственной деятельности, т.е. в течение четырех сезонов.

Двухсезонный образ хозяйствования (лето и зима) характерен для бурят. Задолго до революции буряты, особенно запад-

ные, в основном кочевали из зимнего поселения, располагавшегося вдоль реки или у плодородных и орошаемых сенокосов (утугов) на летние стоянки, находящиеся на более высоких местах. Восточные хоринские буряты мигрировали на более длинные расстояния, но в основном и у них была двухсезонная система.

В нашем исследовании Аргада, «Гигант» и Дашбалбар – это преимущественно бурятские поселения, хотя первые два расположены в России, а Дашбалбар – в Монголии. В культурном отношении все указанные районы имеют много общего: люди сохранили клановые традиции, кочуют на короткие расстояния, предпочитают жить в деревянных домах, заготавливают сено для животных, живут оседлой жизнью в течение года в двух местах, занимаются земледелием (выращивают овощи и картофель) и строят деревянные заборы и сараи для скота. В отличие от Аргады и «Гиганта», Дашбалбар расположен к югу от лесной полосы, и леса там мало. Тем не менее, когда дашбалбарские буряты переместились в открытую степь, они продолжали строить деревянные дома, хотя это было дорого и трудно. Несмотря на то, что система утугов прекратила существование после коллективизации, современные относительно оседлые поселения этих трех сообществ традиционно построены из дерева, сохраняется заготовка сена. Однако следует отметить, что дашбалбарские животноводы используют сейчас четырехсезонный пастбищный режим, сложившийся, возможно, под влиянием халха-монголов.

Но характерные особенности образа жизни трио Аргада – «Гигант» – Дашбалбар не означают, что существует отдельная «бурятская» культура, совершенно отличная от других культур Внутренней Азии. Представители населения Харганта во Внутренней Монголии – их называют *барга* – имеют общие клановые имена с бурятами из «Гиганта» и Дашбалбара. У них традиции шаманизма и другие культурные особенности такие же, как и у бурят, хотя есть и различия. До социалистического периода некоторые животноводы барга из Харганта кочевали далеко на летние пастбища, и, видимо, имели разные пастбища на каждый сезон. В основном они использовали только войлочные юрты. Однако, возможно, что животноводческая практика отличалась от способа поселения общества в целом, т.е. кочевать отправлялось не все общество, и часть населения оставалась на двух стоянках – зимней и летней. В настоящее время жители Харганта, как правило, имеют один основной дом на летне-зимнем пастбище (где некоторые люди живут круглый год) и, иногда, дру-

гой – на летнем участке. На остальных сезонных пастбищах животноводы используют палатки. Новая тенденция строить дома около центра сума в Харганте является в какой-то степени следствием правительственной рыночной политики, поскольку это облегчает реализацию продукции из-за близости к месту сбыта.

В Центральной Монголии и западном горном поясе картина другая. В обоих этих регионах практикуется четырехсезонная пастба и все семейство сопровождает стадо (очевидно, что практика ведения животноводства влияет на характер поселения). В обоих регионах традиционно живут в кочевых войлочных юртах, и до недавнего времени сена использовали мало.

Большое значение скотоводы придают частым кочевкам. В Тыве передовой скотовод кочует больше 10 раз в течение года. До революции самые богатые и энергичные животноводы кочевали на самые длинные расстояния [Sneath, 1995b]. В общем самая высокая подвижность присуща западной зоне, и связано это с экологической рациональностью использования разнообразных ландшафтов гор – высотной поясностью, разнообразной растительностью, режимом осадков и т.д. [Humphrey, Sneath, 1995; Sneath, 1995b].

Хотя все рассматриваемые общности высоко ценят мобильность, культуры западной зоны имеют этнические и религиозные различия. В Хоштолгое и Ховде проживают западные монголы-буддисты, в то время как Хандагат населен казахами-мусульманами, а Солчур – тувинцами с традициями буддизма и шаманизма. Это несходство имеет отношение к оседлости, поскольку оно влияет на браз жизни людей (привычки, ценности, характер и навыки хозяйственной деятельности и т.д.). Так, например, казахи-мусульмане из Хандагата не держат свиней, как и торгудские монголы из Хоштолгоя, живущие по соседству. Монголы из Ховда и Сумбера имеют самые «чистые» монгольские традиции, высоко ценят животноводческие продукты и не воспринимают продукты более оседлой деятельности (свиноводства, огородничества и птицеводства). Но при этом не все отвергают продукты хозяйства оседлой жизни: так, монголы в течение столетий покупают, например, шелк, чай, табак. Помимо природных условий, производство ряда продуктов лимитировалось еще и традициями и ранее вообще не практиковалось среди других степных народов. Поэтому структура хозяйственной деятельности является хорошим индикатором развития процесса оседлости в настоящее время.

Несмотря на то, что на протяжении всего XX в. во Внутренней Азии происходил процесс перехода к оседлости, важно отметить, что он менее всего касался животноводов. Даже сегодня может пойти обратный процесс. В течение последних нескольких лет монгольские горожане стали заниматься скотоводством [Erdenebaatar, 1995]. Теперь, когда снято идеологическое неодобрение кочевого образа жизни, в «Гиганте» некоторые животноводы стали прибегать к использованию передвижных жилищ (вагоны на колесах).

Анализ связи между поселениями разных типов и состоянием окружающей среды, в частности – деградацией пастбищ, приводит к заключениям, которые не во всем согласуются с традиционными взглядами на эту проблему.

Детальное рассмотрение соотношения между оседлым и кочевым населением в каждом ключевом участке основывалось на выявлении пропорции между населением, проживающим в центральном населенном пункте, и теми, кто обитает в отдаленных поселениях.

Во всех трех российских участках (Новой Заре, Аргаде и Солчуре) абсолютное большинство населения (около трех четвертей) располагается в центральной усадьбе, и относительно немного людей живут в отдаленных и небольших поселениях.

В Китае эта пропорция иная: в Хоштолгое и, в меньшей степени, в Хандагате население центров возросло благодаря приезду сюда многочисленных работников, занятых в растениеводстве. При этом на двух ключевых участках во Внутренней Монголии живет намного меньше постоянного населения, чем, например, в Бурятии. Около половины (Харгант) и двух третей (Чингел Булаг) жителей обитает на пастбищах.

В Монголии равновесие между людьми, проживающими в районном центре и за его пределами, тоже неустойчиво. Дашбалбар и Ховд представляют собой типичные сельские районы. Но Сумбер, один из немногих довольно крупных сельских поселений в Монголии, расположен около железной дороги, и его население увеличилось за счет рабочих из разных отраслей промышленности и сферы обслуживания, связанных с железной дорогой. Сравнение соотношения жителей, проживающих в центральных поселениях и в отдаленных пунктах, с разной степенью деградации пастбищ в этих местах, показывает, что тесной зависимости между ними нет. Солчур, Хоштолгой и Сумбер – с высокой долей проживающих в районном центре – имеют хо-

рошо сохранившиеся пастбища. Например, значительный по численности жителей поселок Сумбер окружен почти неповрежденными пастбищами. Это указывает на то, что появление больших центральных деревень, где проживает большинство населения района, не обязательно сопровождается перегрузкой пастбищ.

При анализе взаимозависимости плотности населения в ключевых участках, с одной стороны, и состояния пастбищ – с другой, прямой связи между этими параметрами не наблюдается. Например, в «Гиганте» при низкой плотности сельского населения степень деградации пастбищ очень высокая. Колхоз не обладает значительной площадью земель, и большинство населения живет в центральной деревне. Правда, в Аргаде, с ее наибольшей плотностью населения, наблюдается и наибольшая деградация пастбищ, но в Хоштолгое и Хандагате, с их сравнительно высокой плотностью сельского населения, деградация пастбищ незначительна.

Наши данные показывают, что, безусловно, существует тесная связь между оседлостью и деградацией пастбищ. Это можно видеть на примере Аргады и «Гиганта» в России и Харганта и Чингел Булага во Внутренней Монголии. Здесь имеют место перевыпасы на пастбищах, когда скотоводы не кочуют далеко, а стада большие. Особенно страдает местность около поселков и колодцев. Тем не менее оседлость не всегда сопряжена с проблемами сохранения пастбищ. В Дашбалбаре люди ведут достаточно оседлый образ жизни, причем это относится и к большому числу животноводов, и к остальным жителям поселка, но площадь пастбищ настолько велика, что перевыпаса практически не отмечается. В целом, однако, можно констатировать, что оседлость жителей и особенно животноводов ведет к деградации пастбищных угодий.

3.4. КОЧЕВОЕ ЖИВОТНОВОДСТВО И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Во Внутренней Азии в ее различных географических регионах существуют различные животноводческие системы, а в некоторых районах они с давних пор сочетались с земледелием и выращиванием зерновых культур. Мы считаем, что территориальная приспособляемость является важным показателем при выявлении путей оптимального использования животноводческих ресурсов в большей части степей Внутренней Азии.

Система традиционного монгольского животноводства является основой при оценке изменений в управлении животноводством. Традиционным животноводством можно назвать животноводство XIX и XX вв. вплоть до коллективизации. С конца XVII и до XX в. и Внутренняя Монголия, и Монголия управлялись Маньчжурской династией Цин, которая прекратила свое существование в 1911 г. Революция произошла в Монголии в 1921 г., во Внутренней Монголии – в 1949 г., коллективизация в этих частях региона была проведена в 1930-х и 1950-х гг. соответственно. Поэтому для характеристики традиций животноводства мы считаем нужным рассматривать дореволюционный и доколхозный периоды.

В монгольском обществе Маньчжурии все еще господствовали феодальные отношения. Монгольские историки, такие как Нацагдорж [Natsagdorj, 1967] и Сандждорж [Sanjdorj, 1980], – убедительно доказывают, что в маньчжурский период монгольское общество было в основном феодальным. Поэтому мы принимаем термин Баудена [Bawden, 1968] «феодальный» для описания стратифицированного социального порядка.

Считалось, что земля принадлежала маньчжурскому императору и управлялась его чиновниками. Главным административным районом был хошу (баннер), управляемый или засагом – князем мирского хошу, или Хубилганом (реинкарнацией главного ламы) – главой духовного хошу. В повседневной жизни светский или религиозный глава имел право использовать пастбищные земли по своему усмотрению, т.е. именно хошу, а не более мелкие подразделения внутри него (такие как сум или еще меньший баг), был самым важным звеном в управлении пастбищными землями. Как было написано в официальном письме от 1877 г., только управляющий и засаг могут распоряжаться травой и водой данной местности [Natsagdorj, 1967].

Внутри хошу скотоводы закреплялись за сумом и более мелкими багом или отогом – самой меньшей административной единицей. Скотоводам обычно предписывалось не переходить границы бага или отога зимой и весной. Внутри же этих низших административных звеньев, видимо, была гибкость в правах землепользования.

Насколько мы можем восстановить картину организации животноводства до революции, оно выглядело следующим образом. Большими стадами владели князья и монастыри. Что касается тех, кто практически пас скот, то, видимо, это были

члены отдельных семей, самые бедные из которых могли работать на богатые семьи (знать или простолюдинов). Хотя большинство семей владели несколькими видами животных, в них были и специалисты, которые ухаживали за большими стадами определенной породы (особенно лошадьми), принадлежащими знати или духовенству.

Такой метод ведения скотоводческого хозяйства продолжал существовать до XX в. В Монголии пастбища продолжали контролироваться чиновниками, хотя в 1920–1930-х гг. знать и духовенство уже не имели ни власти, ни богатства. Даже после революции, до коллективизации, богатые скотоводы все еще действовали как покровители для бедных семей. Последние как бы брали скот в аренду и пасли его, оставляя себе часть животных, и по требованию возвращали животных или снабжали хозяев мясом. Согласно опросам, такие сделки не имели формального характера и были типичны и для Монголии, и для Внутренней Монголии. Позднее богатых скотоводов различными способами принудили сократить поголовье своего стада и присоединиться к общественным хозяйствам. Особенно большую роль в этом сыграл прогрессивный налог на собственность.

А.Д. Симуков [1934] был одним из первых, кто составил схему классификации монгольского животноводства и соответствующего ему землепользования [Ишмурадов, 2002б]. Он проводил свои исследования в начале 1930-х гг., еще до коллективизации. Эта классификация построена по географическому принципу и каждый из шести выделенных типов кочевков получил название местности, к которому он был приурочен.

Первый тип, выделенный Симуковым, – *западный*, характеризовался летними стоянками высоко в горах на пастбищах, которые было невозможно использовать в другое время. Осенью кочевники спускались к подножию гор, на равнины или распадки. На зиму поднимались на нижние части склонов гор, а чтобы защитить стада от ветра, и весну проводили недалеко от этих зимних стоянок. Диаметр таких ежегодных миграций был большим — около 100 км. Интересно заметить, что эта система животноводства относительно похожа на современную, примером которой является Ховд — один из пунктов нашего изучения.

Овюрхангайский тип является разновидностью западного. По этой системе лето проводили на верхних речных плесах Хангайского хребта; зимние пастбища находились далеко к югу – в

районе Говь-Алтая. Осенью и весной животноводы продвигались на очень большие расстояния, часто делая кратковременные остановки. Протяженность таких миграций была особенно большой – 150–200 км.

Третья система обозначена исследователем как *хангайский* тип, для которого также характерны летние и зимние пастбища. Симуков при этом отметил связь между высокой вариативностью продуктивности пастбищ в некоторых регионах и необходимостью высокой мобильности в животноводстве. Ученый объясняет, что в хангайском регионе продуктивность пастбищ из года в год высока и постоянна, поэтому здесь не было необходимости совершать долгие кочевки из-за засухи. Расстояние ежегодных передвижений было небольшим – не более 7–8 км.

В некоторых случаях летний лагерь находился не дальше 2–3 км от зимних пастбищ. Летние лагеря обычно разбивались в открытых низких долинах, а зимние стоянки – на относительно высокой местности. Скотоводы предпочитали летние пастбища около зимних стоянок, которые располагались на склонах, защищенных от ветра и обогреваемых солнцем.

Степной тип, по классификации А.Д. Симукова, характеризуется наличием летних пастбищ в открытых местах, предпочтительно около воды, и зимних лагерей – на южных склонах гор или в лощинах, чтобы защититься от ветра. Вместо воды животные зимой ели снег, но на летних пастбищах требовались другие источники влаги. Осенние стоянки выбирались в зависимости от близости к источникам естественной соли или соды. Протяженность ежегодных кочевков составляла 30–50 км или даже больше, с относительно частыми изменениями стоянок и пастбищ.

Пятый – *восточный* тип отнесен А.Д. Симуковым к восточным монгольским степям. Летние пастбища в основном находились на севере (часто у р. Харлен). Часть населения двигалась на юг для использования зимних пастбищ в защищенных ложбинах с пустынно-степным типом растительности. Эта система походила на овюрхангайский тип своими длинными кочевками с севера на юг весной и в обратном направлении – осенью с многочисленными остановками. Протяженность ежегодных миграций составляла около 100 км.

Последний тип – *гобийский*, при котором животноводы в течении года продвигались на короткие расстояния, за исключением случаев засухи, когда они откочевывали на 150–200 км от обычных лагерей. Летом они обычно оставались на ровной

открытой местности, зимой мигрировали в горы или холмы – кроме владельцев верблюдов, которые зимы также проводили на равнине. Часть скотоводов, названных *горно-гобийскими*, не уходили на равнину, а обычно оставались в горах. Некоторые богатые животноводы, как отмечает А.Д. Симуков, пасли верблюдов на равнинах, а овец, коз и лошадей – в горах. Среднее расстояние передвижений в незасушливые годы составляло от 30 до 40 км.

Классификация А.Д. Симукова на первый взгляд кажется слишком общей и создает впечатление, что у всех скотоводов одного региона одна и та же система кочевков. Однако, судя по описанию их различных типов, становится ясно, что по крайней мере в отдельных местностях нескольких районов практиковались различные системы кочевков. Это видно из более детального их анализа в овюрхангайском хошу, сделанного ученым; и даже в общем обзоре у него есть упоминание о различных стратегиях кочевков у «некоторой части» населения, или, как в случае с гобийским типом, замечание о том, что те, кто специализируется на выращивании определенных пород скота, имеет другие системы кочевков.

Работа А.Д. Симукова [1936], посвященная хошу Баянзурх Улун – это пример, в котором дана ясная картина доколлективного животноводства и даже более раннего дореволюционного периода, когда местность находилась в ведении монастыря. Он считает, что до революции 1921 г. около 70 % населения хошу пасли скот для монастыря и были разделены на группы, специализирующиеся на выращивании определенных пород скота. Ими руководили специальные люди, назначенные монастырем, которые организовывали кочевки, распределяли пастбища и обязанности пастухов. Как отмечает исследователь, бедные семьи часто занимались к богатым или к тем, кто пас скот для монастыря в обмен на продукты животноводства. Богатые скотоводы обычно не пасли монастырские стада, так как у них было много своих животных; наоборот, они использовали труд наемных рабочих: отношения между ними были типа «патрон–клиент».

Самыми подвижными из специализирующихся скотоводов были те, кто держал лошадей, овец и верблюдов для монастыря; они использовали летние пастбища в горном хангайском регионе, а на зиму уходили далеко на юг, в Гоби. Именно эти группы совершали ежегодные длительные кочевки в направлениях север – юг, которые А.Д. Симуков описывает в овюрхан-

гайском типе с большими кочевками в 150–200 км. Остальные группы – те, которые пасли крупный рогатый скот монастыря и своих животных, – передвигались на меньшие расстояния. Например, пастухи крупного рогатого скота обычно перемещались внутри хангайских пастбищ, не покидая их, а личный скот остального населения хошу даже не перегоняли дальше Хангая к северу. А.Д. Симуков отмечает, что только богатые гобийские семьи имели относительно большой радиус кочевков на юге хошу.

Монастыри были упразднены в 1929 г., и исследователь считал длинные кочевки феодальными пережитками, которые все еще практиковались в то время. Он пришел к выводу, что уничтожение феодальных отношений привело к сокращению радиуса миграций, и отметил, что он встречал временных соседей, которые использовали одни и те же пастбища в один из сезонов, хотя один из них кочевал на 20 км в течение года, а другой – на 200 км. Как ни странно, и те и другие считали свою систему кочевков самой лучшей. Как можно объяснить различные кочевые стратегии в одном и том же регионе? Ситуация в хошу Баянзурх Уулун – не единственный случай. Как отмечает А.Д. Симуков, животноводы соседних хошу имели такую же практику.

Для того чтобы лучше представить модель доколлективного животноводства, вмещающую все разновидности производственных стратегий, описанных А.Д. Симуковым [1934] и другими учеными [Hell, Quere, 1993], мы, вслед за Хэмфри и Снитом [Hemphrey, Sneath, 1999], представляем животноводческое хозяйство как единство двух крайностей: с одной стороны – как *специализированное*, или *максимальное* производство, и с другой – как *домашние* средства обеспечения существования. Эти два способа производства взаимопроникающие и фактически первый способ – *максимальный (специализированный)* – опирался на *домашний (самообеспечивающий)* для поддержки рабочей силы.

Максимальный (специализированный) способ возможен только в хозяйствах с большим количеством животных в одних руках, принадлежащем обычно знатной семье, духовным заведениям, правительственным учреждениям или богатым простолюдинам. Он характеризовался специализированным животноводством с большими стадами, часто одного типа, с длинными кочевками, особенно лошадей, верблюдов и овец. Скотоводы, которые по контракту должны были отдавать определенную норму продукции, а себе оставлять излишки, были заинтересованы в получе-

нии максимальной прибыли от своей деятельности. Этот способ производства основывался также на том, что на содержание больших стад животных тратилось не намного больше усилий, чем на небольшие стада.

К XIX в. большинство монгольской элиты было в долгу у китайских купеческих фирм, поэтому в дореволюционный период большая часть продукции в районах, управляемых князьями и главными ламами, шла на покрытие этого долга [Sanjdoj, 1980]. Фактически Монголия стала экономической периферией Китая, поскольку большое количество животных (возможно, свыше двух миллионов овец в год) переправлялось в Китай [Там же]. Такие владельцы стад вследствие своей задолженности китайцам были ориентированы на китайский рынок и, естественно, стремились получить как можно более высокий доход от занятий животноводством. Крупные стада, которые им принадлежали, диктовали другой способ производства и землепользования, чем тот, который был целесообразен для самообеспечения продуктами. В этом смысле монастыри эксплуатировали аратов. Поскольку они стремились к прибыли и им было доступно экстенсивное землепользование, они поддерживали длинные кочевки определенных специализированных стад.

С другой стороны, *домашний (самообеспечивающий)* способ был ориентирован на удовлетворение собственных нужд и характеризовался тем, что каждая животноводческая семья или семейная группа не могла обходиться без небольшого поголовья различных домашних животных, которые удовлетворяли их нужды в мясе, молоке, зимней одежде, транспорте и т.д. В этом случае скот был личной собственностью семьи и не содержался по контракту для других. Все животноводческие семьи были так или иначе вовлечены в такой вид производства, особенно молочных продуктов; но те, кто были в основном ориентированы на такую организацию своего хозяйства, не работали на владельцев крупных стад. У них отсутствовала необходимость кочевать на длинные расстояния, поскольку стада были небольшими и животным хватало корма на ограниченной площади. Те животноводы, которые ухаживали за стадами крупных собственников, таких, например, как монастыри, и получали от этого свою долю продукции, получали доход и от другого рода деятельности. В случае, описанном А.Д. Симуковым [1936], монастырь также производил пшеницу, и снова значительный

объем работы выполнялся бедняками в зачет их феодальных обязательств перед монастырем.

Это объясняет описанный исследователем парадокс о временных соседях с совершенно различными системами кочевков. Кочевники, перемещающиеся со стадами на длинные расстояния, были или достаточно ответственными и умелыми людьми для того, чтобы монастырь их выбрал пасти свой скот, или сами владели животными, могущими переносить длительные кочевки. Они считали свой метод оптимальным, а тех, кто кочевал на меньшие расстояния – ленивыми. Люди победнее держали меньше монастырских или других животных, и у них не было нужды совершать длинные кочевки, поэтому они пасли скот в относительно небольшом радиусе от жилья, и это их удовлетворяло.

После свержения феодального порядка, перед коллективизацией, начался спад в максимальном (специализированном) производстве феодальной и духовной знати, но произошел рост доли домашнего (самообеспечивающего) производства, хотя богатые по-прежнему использовали труд бедных семей в организации длинных перегонов животных. Одним из самых значительных изменений в монгольском скотоводстве после падения феодального строя в 1920-х гг. было заметное увеличение числа всех видов животных. Дореволюционная знать имела значительный доход и прибыль от своего скота. Теперь, в связи с расстройством прежних традиционных путей сбыта, участие их в рынке пошло на убыль, так как производители, ориентированные на домашний (самообеспечивающий) метод, стремились увеличивать размеры стада и не продавать столько же животных, сколько продавали приверженцы иного – максимального (специализированного) метода.

Видимо, подобная же ситуация возникла и во Внутренней Монголии, согласно исследованию Хелла и Кьери: «После освобождения Внутренней Монголии коммунистами в 1947 г. мы можем наблюдать установление смешанных режимов кочевков. Бедные скотоводы две трети поголовья скота в течение круглого года держали в одном регионе с очень ограниченными кочевками; более крупные владельцы скота и их работники продвигались на 100 или 200 км к югу вплоть до пастбищ вокруг селения Шилинхот» [Hell, Quege, 1993, p. 254].

Эти различия в экономической ориентации богатых и бедных скотоводов широко упоминаются в ряде исследований. Те-

лал Асад описал два типа производства среди арабского племени *бахтяри*, людей которого он подразделял на свободных кочевников, с одной стороны, и владельцев земли – с другой [Asad, 1979]. В некоторых африканских животноводческих сообществах, таких как *ботсвана*, происходило то же самое. В обоих случаях местная знать отличалась от животноводов, зарабатывающих только свое пропитание, тем, что ее стратегия была направлена на получение максимального дохода от своих стад. Возможно, что существование специализированного животноводства позволяло мелким производителям помещать часть животных в более крупные стада, получая таким образом выгоду от более масштабного производства.

Очевидно, что для системы кочевого животноводства во Внутренней Азии деятельность, направленная на самообеспечение, не является естественной. Для организации кочевков требуется такая политическая организация, которая сделала бы доступными для скотоводов с их стадами большие площади земли, кроме того, необходим транспорт – телеги, вьючные животные и другие средства кочевков. Только в таком случае можно рассматривать экстенсивное землепользование как своеобразный способ интенсификации производства. Это требует как капитальных вложений, так и политической власти. Не удивительно, что оседлые и степные правители имели различные точки зрения на организацию производства. Оседлая знать интенсифицировала производство и обустроивала его таким образом, чтобы получать большую прибыль и поддерживать свою репутацию. Они вкладывали деньги в громадные объекты, подобные Великой стене. В таком обществе бедные были странствующими нищими. Напротив, степные скотовладельцы расширяли производство другим путем: распространяя свою власть на обширные площади, организуя длительные кочевки. В данном типе общества бедные кочевали меньше остальных.

Экономическое объединение производства играло такую же большую роль в истории степных территорий Внутренней Азии, как и в других частях Азии. Обладая большими стадами животных и контролируя труд своих работников, степная знать с давних пор занималась кочевым, специализированным животноводством, ведя крупномасштабное производство.

В некоторых отношениях изменение феодальной формы организации на коллективную было менее радикальным, чем переход к рыночной экономике, попытки осуществления кото-

рого наблюдаются во Внутренней Азии в настоящее время. И в феодальный, и в коллективный периоды существовали административно-территориальные политико-экономические единицы и их чиновничий аппарат, регулировавший места проживания населения, использование пастбищ, изымавший часть прибыли, реализуя свои права на скот. Во многих случаях эти центры географически расположены в тех же местах. В оба периода простые люди имели юридические обязательства перед своими лидерами. При феодализме они должны были платить оброк в виде животных или продукции. В коллективный период члены хозяйств выполняли трудовую норму, которая устанавливалась руководством.

Подобно феодальной и монастырской формам организации производства, коллективные хозяйства обустроивали места кочевков, составляли стада в соответствии с породой скота и распределяли пастбища. Примечательно, что коллективных или государственных животных называли *албан мал*, т.е. «официальные животные», а корень слова *алба* означает оброк, который должны были платить подданные своему феодалу. Крепостных называли *албат*, что значило «человек с оброком».

В коллективных хозяйствах существовал так называемый максимальный (специализированный) метод производства, в который были вовлечены все животноводы и большая часть скота. Оставшийся небольшой сектор с домашним (самообеспечивающим) производством был представлен небольшим количеством животных, которых разрешалось держать в частной собственности. Коллективные хозяйства организовывали кочевки своих членов и таким образом способствовали передвижениям скотоводов.

Вслед за А.Д. Симуковым в настоящее время ведущие монгольские специалисты используют классификационную схему кочевков, построенную по географическому принципу, т.е. с выделением географических зон. Например, Базаргур, Чинбат и Ширев-Адья [Bazargur, Chinbat, Shiirev-Ad'yaа, 1989] дают описание кочевков в каждом аймаке Монголии, отмечая вариации, которые можно встретить в том или ином суме. Их описания более обстоятельные, чем предыдущие работы, но в Национальном атласе Монголии [1990] эти географы наряду с другими предложили схему, которая, подобно классификации А.Д. Симукова, также включает 6 типов кочевков скота: *хентийский*, *архангайский*, *говь-алтайский*, *ховдский*, *центральный халхский* (Су-

хэбатар), *дорноговский*. Первые два типа систем кочевок были классифицированы как варианты более общего *хангай-хентийского* типа, в котором горные ландшафты используются для зимних пастбищ, а низкие земли – для летних. Третий и четвертый типы были также сгруппированы в *алтайский* тип, в котором летние пастбища расположены на больших высотах, а зимние – ниже. *Центральный халхский* тип характеризуется тем, что летние пастбища находятся в северной части административных районов, а зимние лагеря – на юге. В *дорноговском* типе зимние пастбища расположены в защищенных лощинах, а летние – на открытых местностях.

Эти модели в большой степени основываются на привязке к рельефу и высотной поясности, таким образом, при организации кочевок используются те или иные преимущества рельефа и естественных ландшафтов для учета особенностей природных условий, которые могут влиять на людей и скот. Кроме того, в теплые и холодные сезоны года к пастбищам предъявляются различные требования. Летние пастбища должны обеспечивать доступ животных к воде и иметь прохладный и ветреный тип погоды, чтобы животные могли спастись от насекомых. Зимние же пастбища должны быть по возможности наиболее теплыми, защищенными от холодных северных ветров, хотя иногда доступ к холмистой местности бывает предпочтителен, так как ветер сдувает снег, если он становится слишком глубоким.

В моделях А.Д. Симукова и современных монгольских географов есть много общего, и если рассматривать отдельно каждый тип, то можно заметить, что многие черты организации животноводства сохранились до нашего времени, особенно сезонное использование высотных поясов и рельефа. Это демонстрирует высокую степень преемственности между дореволюционными и коллективными типами животноводства.

Западный тип А.Д. Симукова [1936] в большой степени соответствует современной, *ховдской* системе кочевок, при которой летом используются высокогорные пастбища выше 2500 м, а осенью – наиболее низкие – между 1000 и 1500 м. Зимние пастбища располагаются на высоте около 2000 м, а весенние – на нижних склонах между 1000 и 2000 м. Это показывает, что в системе кочевок мало что изменилось со времен изысканий А.Д. Симукова, за исключением того, что ежегодное расстояние кочевок снизилось со 100 до 60–90 км. Система, практикуемая в аймаке Баян-Олгий, также сходна с описанной и характе-

ризуется высокими летними пастбищами на отметках выше 3000 м и осенними стоянками намного ниже – на равнинах и в долинах рек на высоте около 1700 м. Зиму проводят на горных перевалах и долинах на высотах между 1900 и 2700 м, весенние пастбища находятся в целом ниже уровня 2000 м и расположены по возможности у озер.

Кочевки скота в Говь-Алтайском аймаке, описанные монгольскими авторами [Bazargur, Chinbat, Shirev-Ad'yaа, 1989], основываются на тех же принципах: лето проводится в горах на высотах между 2400 и 3000 м, осень – в гобийских районах на высотах от 1200 до 1400 м. Зимние пастбища расположены на склонах Алтая на высотах от 1800 до 2400 м, а весной скот перегоняют вниз к подножию гор или к перевалам на высоте от 1400 до 1800 м. Количество передвижений и протяженность кочевок намного меньше, чем в модели А.Д. Симукова, и нередко ограничивается расстоянием в 15–30 км.

Ар-хангайская система кочевок близка к *хангайскому* типу, по классификации А.Д. Симукова, хотя ежегодное расстояние передвижений в некоторых случаях увеличилось на 7–8 км по сравнению с моделью последнего и достигло 35 км и более. В обеих системах присутствуют два основных ареала пастбищ – летние и осенние – в долинах рек; зимние и весенние – более высоко на южных склонах гор (около 1700–2100 м). В *хентийской* модели кочевок, так же, как и в *архангайском* типе, зимние пастбища расположены относительно высоко, а летние стоянки – обычно ниже 1200 м в долинах рек. Эта система следует тем же принципам, что и *хангайский* тип А.Д. Симукова, хотя здесь снова предполагается более высокая подвижность; среднегодовое расстояние кочевок в данном случае варьируется от 7 до 50 км.

Центральный халхский тип характеризуется тем, что летние пастбища расположены в северной части административных районов центра Монголии, а зимние стоянки на юге – на высотах от 1000 до 1100 м, как на большей части Сухэбаторского аймака. Летом скот пасется немного ниже, в долинах и равнинах на высоте около 900–1000 м. Ежегодное расстояние кочевок обычно невелико (около 15–30 км), но отмечается, что иногда из-за отсутствия осадков скот приходится перегонять намного дальше, чтобы найти соответствующее пастбище [Bazargur, Chinbat, Shirev-Ad'yaа, 1989]. Это несколько напоминает *восточный* тип А.Д. Симукова тем, что сохраняет размещение лет-

них пастбищ на севере, а зимних – на юге, но в современном типе количество и расстояние ежегодных кочевок намного ниже.

По описаниям *дорноговской* системы летние стоянки располагаются в открытой местности возле источников воды, зимние и весенние пастбища – в защищенных лощинах или на возвышенностях, часто выше 1000 м. Осень проводится на равнинах у водных источников, иногда у соленых болот. Расстояние кочевок не очень большое, кроме случаев засухи; ежегодный диаметр перемещений часто варьирует между 7–20 км.

При сравнении систем кочевок, описанных А.Д. Симуковым [1936] и существовавших начиная с коллективного периода (вплоть до настоящего времени), выясняется, что принципы проведения кочевок, выбор места для сезонных пастбищ остались почти неизменными. Тем не менее есть и важные различия. В дореволюционный период было намного больше кочевок в направлениях север–юг, что отражалось на форме хошу, часто принимавших форму гигантских меридионально ориентированных полос земли, включавших южную засушливую часть и более увлажненную северную (рис. 17). Форма и размер этих территорий определялись не только длинными ежегодными кочевками всех животноводов в направлениях север–юг, но и, прежде всего, потребностями феодалов и других крупных собственников стад в использовании таких «ленточных» пастбищ для дальних перемещений, ассоциируемых с максимальным (специализированным) животноводством. Действительно, протяженность кочевок, о которых пишет А.Д. Симуков [Там же] (особенно в районе с наиболее мобильным доколлективным животноводством), была большей, чем в настоящее время. Информанты старшего возраста также обращали внимание на то, что в доколлективный период животноводы Монголии кочевали больше. Тем не менее системы кочевок в период коллективизации адаптировались к новым условиям и кардинально не изменились.

В нескольких участках исследования респонденты старшего возраста считают, что большинство текущих проблем животноводства связаны с упадком мобильности и сокращением частоты смены пастбищ. По оценкам местных жителей, в Ховде, Хараганте, Сумбере, Чингел Булаге и Дашбалбаре в той или иной степени все пастбища пострадали по этой причине. Описание А.Д. Симуковым животноводства в начале XX в. подтверждает мысль о том, что до коллективизации оно было более кочевым.

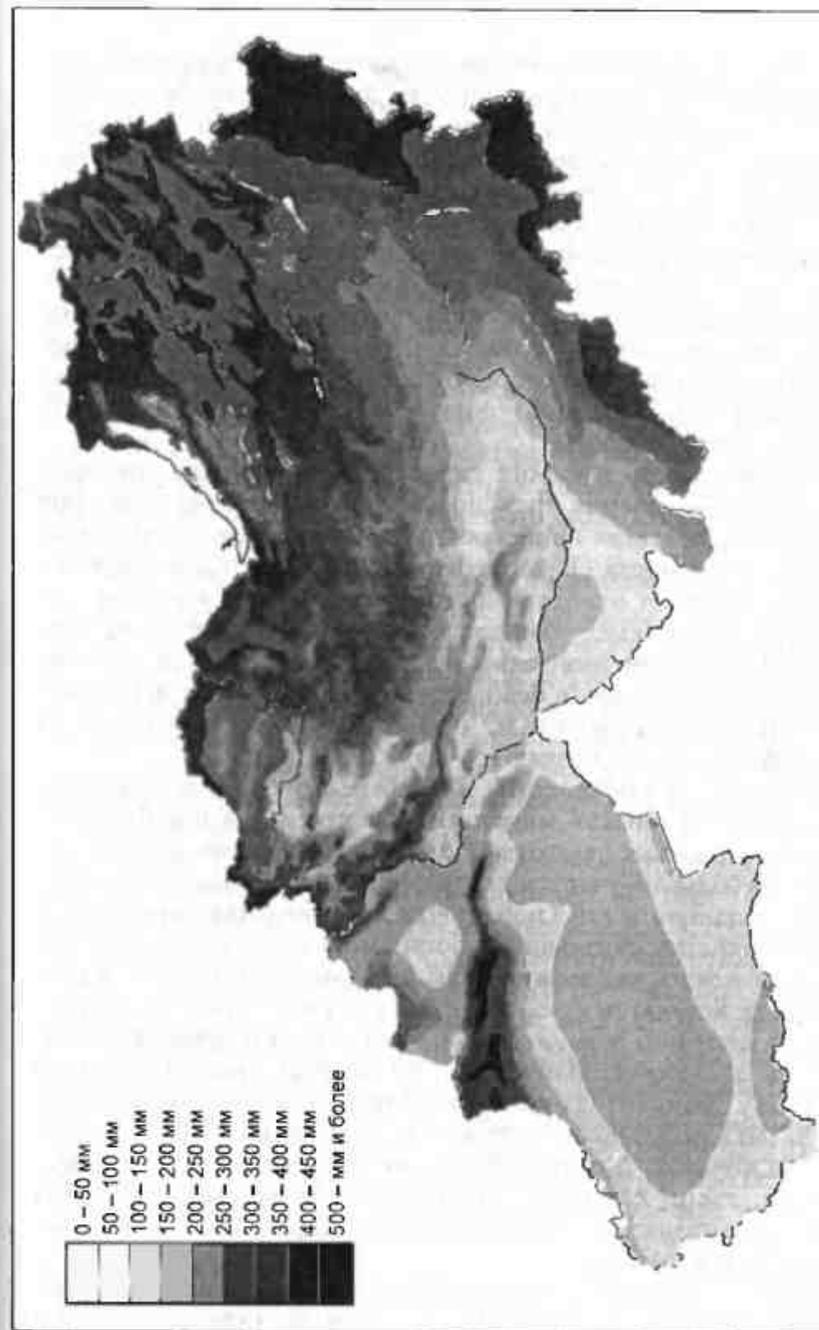

Рис. 17. Значение среднегодовых осадков во Внутренней Азии.

Но и тогда не все животноводческие хозяйства кочевали на дальние расстояния, некоторые, видимо, двигались довольно мало. Отчасти это объясняется инертностью, свойственной малокоучущим хозяйствам, занимающимся только самообеспечением, а отчасти тем, что кочевка как важная составляющая животноводческой стратегии считалась сложной технологией, требующей высокого профессионализма. Многие животноводы из всей Внутренней Азии положительно оценивают практику отор и движение животных для ротации пастбищ, подчеркивают высокий престиж работы скотоводов. С этим мнением совпадает и стратегия элиты – представителей богатой верхушки, также стремящейся поднять культурную и экономическую значимость кочевков животноводства.

Особое место в работе скотоводов-кочевников занимает проблема обеспечения транспортом. Во многих регионах при длительных кочевках прибегают к использованию механизированного транспорта. В Монголии из-за нехватки последнего многие признают необходимость использования вьючных животных и верблюжьих телег как транспортного средства. К тому же во Внутренней Монголии сокращение ежегодных кочевков особенно заметно среди бедных семейств, у которых нет ни машин, ни вьючных животных, ни такого количества скота, из-за которого стоило бы кочевать.

Некоторые информанты в Сумбере отмечают лень как основную фактор низкой миграции. Например, в Ховде были отдельные нерадивые домохозяйства, которые круглый год использовали небольшие участки территории, и когда зима была необычно холодной и снежной, почти все животные погибали. В Ховде хозяйства, считавшиеся богатыми и ответственными, старались кочевать как можно дальше. Глава одного из подрайонов багов Ховдского сума объяснял это так: «Площадь используемого пастбища зависит от количества и расстояния кочевков. Если ты достаточно двигаешься, ты можешь иметь достаточно пастбищ». Действительно, в относительно безлюдных регионах Увс аймака есть зависимость между площадью пастбищ и масштабом кочевков. Домохозяйства, кочевавшие на длинные расстояния, таким образом, использовали больше пастбищ, чем менее подвижные, и это можно считать характеристикой «максимальной» стратегии.

Представляется, что теоретическое обоснование закрепления во Внутренней Монголии пастбищ за индивидуальными

домохозяйствами согласуется с теорией «трагедии общего пользования» Хардина [Hardin, 1968]. По его мнению, при общественной форме хозяйствования в интересах каждого собственника скота держать как можно больше животных, даже если угодье истощается в результате перевыпаса. Эта модель базируется на ряде предположений, в особенности на концепции поддерживаемой продуктивности. Выход из этого деструктивного положения, по мнению Хардина, заключается в передаче пастбищ в частное владение собственникам скота, заинтересованным в поддержании плодородия земли. Эта модель отвергалась многими специалистами по животноводству, например, Сандфордом [Sandford, 1983], но в некоторых случаях (например, в Китае) послужила основой для реформ в животноводстве. Эксперты из Пекина Ма Ронг и Ли Оу отмечают: «Поскольку пастбища находятся во владении частных домохозяйств, скотоводы вынуждены составлять долгосрочный план их использования» [Ma, Li, 1993, p. 70].

Ограничение количества скота в китайской части региона также базируется на идее, что пастбище имеет порог использования, так как каждый определенный участок пастбища способен прокормить определенное число животных, и превышение этого порога нарушает равновесие между животными и кормовыми угодьями (землей). Эта концепция была принята не всеми и исследования последних лет показали ее спорность, поскольку продуктивность пастбищ зависит также и от количества и режима осадков.

Эллис, Когхенор и Свифт предположили, что на некоторых пастбищах система нагула животных не может быть нормирована, так как из-за неравномерных осадков и, соответственно, различной урожайности трав количество животных меняется из года в год. Авторы назвали такую организацию «неустойчивыми системами» [Ellis, Coughenour, Swift, 1993]. Действительно, «неустойчивая» модель нагула животных показывает, что возможность гибкого использования большой площади пастбищ и мобильности скотоводов намного эффективнее простого распределения ограниченных участков среди семейных хозяйств [Behnke и Scoones, 1993]. Это исследование предполагает, что там, где коэффициент вариаций ежегодных осадков превышает 0,3 (30 %), систему нагула скота лучше организовывать не по обычным меркам, а как «неустойчивую». Для территории Внутренней Азии мы оценили величину коэффициента вариаций

среднегодовых осадков, взятых на более чем 280 метеорологических станциях по всему региону, выделив площади, на которых коэффициент колебаний превышает 0,33 (33 %).

Полученные данные были сопоставлены с дореволюционными административными границами в Монголии богдыханского периода в 1918 г. Обнаружилось, что самыми большими по размеру территории административными районами (хошу) были те, где колебания оказались самыми высокими. Это наблюдение является весомым аргументом в защиту теории о связи мобильности кочевков с количеством и колебаниями осадков. Потребности животноводства в дореволюционное время формировали достаточно большие по территории административные единицы именно для того, чтобы скотоводы могли совершать передвижения внутри них, и только изредка, в случае кризисов, — в другие районы.

В связи с этим можно констатировать, что большая часть Центральной и Северной Монголии, Восточной Внутренней Монголии, Синьцзяня, Тывы, Читинской области и Бурятии имеют сравнительно более устойчивые природные характеристики, чем южные части Монголии и западные части Внутренней Монголии. Это означает, что при высоком уровне колебаний осадков адаптивный доступ к пастбищам имеет преимущество, так как чабаны могут перегонять свои стада на пастбища с лучшей травой. Однако в действительности положение таково, что чабаны кочуют в основном по одним и тем же маршрутам, и их стоянки достаточно локализованы даже в районах с неравномерными осадками. Такое же положение было и до коллективизации. Видимо, в большинстве случаев состояние растительного покрова на пастбищах предсказуемо в той мере, чтобы можно было привычно пользоваться определенными их участками. Хотя колебания осадков в той или иной местности могут быть очень значительными, частота колебаний на отдельном пастбище не так высока, чтобы нельзя было получить средние результаты на достаточно обширной территории. Кроме того, колебания урожайности трав сглаживаются весенним поступлением талых вод. В результате миграция и сезонное землепользование остаются относительно стабильными из года в год, хотя полная повторяемость стратегии вряд ли возможна. Так, например, в районах Гоби масштаб ежегодной миграции в целом невелик (как в до-, так и в постколлективный периоды), однако в случае засухи или каких-либо других неблагоприятных природ-

ных явлений скотоводам приходилось перегонять скот на длинные расстояния. Собранные данные свидетельствуют о том, что широкий доступ к пастбищам наиболее востребован в регионах с наибольшими колебаниями осадков.

В течение всего периода народных коммун политика китайского правительства привела к сокращению кочевого скотоводства во Внутренней Монголии. Видимо, деградация пастбищ началась именно в это время, а не возникла неожиданно в результате введения частной собственности на скот. Вероятно, основной причиной деградации пастбищ явилось сокращение масштабов кочевий, и если это так, то частное право на землю только усугубило положение вещей. Вследствие того, что в западной части Внутренней Монголии наблюдаются резкие колебания выпадения осадков, возникает необходимость пересмотра критериев оценки перевыпаса как проблемы, а с ней и политики распределения пастбищ с определенными нормами плотности скота как решения этой проблемы.

На самом деле положение во Внутренней Монголии кажется почти парадоксальным. Несмотря на то, что пастбища были распределены между отдельными домохозяйствами, самую большую нагрузку испытывает центральная территория сумов в Чингел Булаге и Нараганте. Если эта тенденция закрепится как повсеместная, то она может послужить примером обратного сценария по возвращению к «трагедии общего пользования земель» Хардина [Hardin, 1968]. Получается, что общинная земля до коллективизации и во время ее не была повреждена в такой степени, в какой она повреждена, будучи в частном пользовании. Возможно, что долгосрочное закрепление пастбищ не столь важно для отдельно взятого хозяина, как для учреждений, распределяющих их. При этом некоторые скотоводы, чтобы заработать достаточно денег, в короткое время спешат максимально использовать природные ресурсы. Такие стремления связаны с желаниями и надеждами многих сельских жителей Внутренней Монголии на то, что их дети смогут когда-нибудь покинуть деревню, оставить занятие животноводством и найти работу с достойной зарплатой в городском центре.

Интересно рассмотреть практику высокомобильных классических кочевков экстенсивного землепользования доколлективного периода, которую мы относим к максимальному (специализированному) типу, применительно к общественной полезности мобильности в животноводческих системах Внутренней Азии.

Ни до, ни после коллективизации не было высокой подвижности стад в относительно хорошо обводненных районах Хангая и Хентея. Можно предположить, что богатые скотоводы пользовались хорошими участками там, где местный климат позволял кочевать на относительно небольшие расстояния. В большей же части степных и гобийских зон феодальная знать ежегодно организовывала длинные кочевки для своих стад в целях получения наибольшего количества продукции [Симуков, 1934]. Поскольку в то время существовало немного центров, где проживала знать, районы были большими, и подданные, поставлявшие свою продукцию, вынуждены были кочевать на большие расстояния. Такой подход предполагает, что по мере возрастания количества центров и поселков расстояние кочевий должно было естественным образом сократиться. Если бы этот аргумент был справедливым, то не следовало бы связывать длинные миграции скотоводов в прошлом с поиском производственной или экологической эффективности. Такой подход означал бы, что величина района отражала жизнеспособный (целесообразный) размер административной единицы. Так, чтобы сохранить жизнеспособность, южные районы с их сухими пастбищами и меньшей плотностью людей и животных должны были быть большими по территории. Следовательно, с увеличением поголовья скота территориальный размер жизнеспособных административных единиц должен был уменьшиться.

Однако это не совсем так. Во-первых, дореволюционная знать в ряде случаев основывала новые административные центры, особенно монастыри. Вряд ли возможно, чтобы они не видели смысла в больших административных районах. Во-вторых, власти могли организовать сбор продукции в подцентрах и доставку ее в центр (что, скорее всего, можно ожидать, если не было смысла в длинных перегонах всех стад).

Далее, сама форма феодального административного деления была далеко не случайной. Она была нужна не просто для того, чтобы прокормить определенное число людей и животных. Многие дореволюционные административные районы были вытянуты с севера на юг. Часто хошу простирались на юг с целью включить в себя засушливые гобийские территории, чтобы можно было их использовать зимой (и действительно, многие респонденты свидетельствовали о ценности гобийской растительности для зимних пастбищ и организации оторов в зимние месяцы).

Наиболее простое и убедительное объяснение состоит в том, что богатые скотовладельцы поняли, что легче получить более высокий доход от упитанных животных и большого поголовья скота в условиях частых кочевок с использованием различных типов пастбищ. Для того чтобы прокормить большие стада в этом регионе, нужно было кочевать и использовать оптимальные периоды природных циклов различных экологических зон этого района [Behnke, Scoones, 1993]. Такое объяснение совпадает с взглядами многих опрошенных скотоводов, подчеркивающих пользу кочевок. Шомбодон [Shombodon, 1995] также считает, что дореволюционная и ранняя стадия коллективного землепользования были основаны на оптимальном использовании естественных условий. Он указывает на то, что после коллективизации социальные, образовательные и медицинские услуги стали важными сдерживающими факторами в кочевом животноводстве и землепользовании.

И все-таки остается открытым вопрос: можно ли считать экстенсивное животноводство с длинными миграциями более эффективным в абсолютном смысле (с точки зрения получения максимальной прибыли от конкретных природных ресурсов) или оно было наиболее эффективным для светской и духовной знати в относительном смысле (извлечение прибыли от своих подданных). Для крупной производственной единицы, владеющей скотом и способной перегонять его на большие расстояния, гораздо выгоднее «снимать сливки» с нескольких пастбищ, чем с одного. Знать использовала экономику специализированных стад, при которой более выгодно концентрировать большое поголовье скота в одном месте, а не распределять его небольшими партиями среди своих подданных. Отсюда следует, что чем выше была концентрация животных, тем больше требовалось кочевий. Чем богаче семья и чем больше животных владелец хочет держать под своим личным присмотром, тем больше им приходилось кочевать. Это ни в коем случае не противоречит предположению, что специализированное животноводство с длинными кочевками также давало хороший доход для владельцев скота. Такие специализированные кочевки, видимо, были особенно пригодны для стад лошадей и верблюдов. Поэтому и в коллективный период во многих местах (таких как Хоштолгой) их продолжали собирать вместе и перемещать на большие расстояния.

Процесс приватизации во Внутренней Азии, при котором скот был распределен между отдельными домохозяйствами, при-

вел к увеличению *домашнего (самообеспечивающего)* метода производства и спаду объемов производства в коллективных и других *максимальных (специализированных)* хозяйствах. Все это говорит о том, что мы являемся свидетелями замедленного приобщения животноводства Внутренней Азии к рынку.

Животноводство во Внутренней Азии ни в прошлом, ни в наше время не является полностью произвольной «несбалансированной» пастбищной системой, какой она представлена в гипотезе Хардина [Hardin, 1968]. Во-первых, в большей части региона она в основном сбалансирована, так как влечет за собой регулярную ротацию пастбищ. Тем не менее в ней есть случаи использования «свободной» стратегии выбора пастбищ в случае неблагоприятных природных условий. Об этом можно судить по договоренностям между властями о возможности перегона скота на пастбища других районов в случае крайней нужды, особенно в суровые зимы. Во-вторых, в гобийских районах в дореволюционные времена (до 1921 г.) предпринимались протяженные кочевки, чтобы спастись от засухи, как это описано А.Д. Симуковым [1934]. Нерегулярность выпадения атмосферных осадков и изменчивость погодных условий в этих районах (включая, например, Сухэбаторский аймак) и в настоящее время иногда приводят к тому, что чабанам приходится кочевать со стадом на большие расстояния, чем обычно. Гибкость проявляется также в практике отора, при которой относительно свободная местная стратегия влечет за собой высокую мобильность стад с целью использования лучших сезонных пастбищ и их селекции. Обширные территории Внутренней Азии, для которых характерны несбалансированная пастбищная динамика и традиционная многовековая практика скотоводства, определяют большое значение адаптивного использования обширных участков земли для животноводства в этом регионе.

Как выяснилось в ходе натурных обследований районов Внутренней Азии, высокий уровень деградации пастбищ обнаруживается там, где низкая мобильность кочевий и где, например, как в российской части Внутренней Азии, была внедрена механизированная система заготовки кормов. Если допустить, что все пункты обследования были расположены в номинально засушливых районах со средним количеством годовых осадков 200–350 мм в год, можно ожидать, что более правильным объяснением деградации пастбищ является перевыпас как результат завышенной плотности поголовья скота. Однако эта связь от-

четливо проявляется только в экстремальных условиях. В районах Читинской области и Бурятии с наибольшей плотностью скота, где проблемы деградации пастбищ стоят особенно остро, кочевая система животноводства почти отмерла или вообще отсутствовала. Однако в Солчуре (Тыва) при второй по величине плотности поголовья скота деградации пастбищ не наблюдается, и, что примечательно, там сохранилось относительно кочевое животноводство при поддержке механизированного транспорта с использованием умеренно высокой доли сена в составе кормов. Напротив, в Харганте при самых низких показателях плотности скота процесс деградации пастбищ проявляется особенно сильно из-за того, что скот содержался у населенных пунктов круглый год. В Хоштолгое (Синьцзянь) плотность скота была немного выше, чем в Чингел Булаге, но деградация пастбищ намного меньше. Плотность скота в суме Ховд, аймак Увс с широкими кочевками была выше, чем в относительно статичном животноводстве в Харганте (и только на 10 % ниже, чем в Чингел Булаге), но без какой-либо деградации пастбищ. Объясняется это тем, что пастбища во всех этих местах хотя и относятся к горным, но отличаются разнообразием биоклиматических условий.

Некоторые ученые [Ma, Li, 1993] с оптимизмом относятся к перспективе устойчивого животноводства во Внутренней Монголии теперь, когда участки пастбища распределены между индивидуальными хозяйствами. Результаты такой политики выяснятся со временем, но такой подход пока противоречит исторически сложившейся идеологии животноводства во Внутренней Азии и некоторым последним изысканиям относительно значения кочевого животноводства в условиях низких или неравномерных осадков. Как писал Тушету Хан Цэцэндордж из Халха в 1717 г.: «Большая территория – средство к жизни <...>, для увеличения стада необходимо расширить территорию для прокорма скота» [Natsagdorj, 1967, p. 266].

Из анализа изменений, произошедших в животноводстве в XX в., следует, что во Внутренней Азии выявляется общая тенденция сокращения продолжительности и расстояний кочевков, ослабевающая только в горных западных регионах. Особенно этот процесс заметен в Читинской области и во Внутренней Монголии, и именно в этих регионах наблюдаются наиболее острые проблемы с деградацией пастбищ. Аргада в Бурятии является заметным исключением, поскольку здесь наблюдается наиболее высокий процент деградированных пастбищ при

низком уровне развития кочевого животноводства, в том числе и в дореволюционное время. В коллективный же период в землепользовании произошли изменения, которые привели к повышению концентрации животных в отдельных местах.

При анализе структуры животноводческих систем Внутренней Азии в региональном аспекте выявляется, что в ее бурятских и читинских частях сельское хозяйство имеет высокий уровень механизации и почти полную оседлость, а кочевое скотоводство почти отсутствует. Типы землепользования здесь значительно отличаются от доколлективного периода: для них характерны высокая плотность животных на отдельных пастбищах и высокая потребность в кормах. Пастбища все еще распределяются властями и не являются частным владением. Деграляция пастбищ очень высокая.

Животноводство в Тыве в основном сохранило традиционные черты кочевого хозяйства и образа жизни населения и в большинстве случаев обслуживается механизированным транспортом. Показатели плотности скота и потребления сена – от умеренных до высоких (хотя и не достигают уровня Читинской области и Бурятии). Пастбища все еще распределяются районными властями, и деграляция пастбищ небольшая или отсутствует совсем.

Монголия сохранила многие черты доколлективного землепользования: дальние расстояния перемещения стад, сравнительно низкое потребление сена и комбикормов, все еще гибкое распределение пастбищ властями. Концентрация домашних животных незначительна, а общая деграляция пастбищ слабая.

Животноводческая система Внутренней Монголии претерпела значительное изменение со времен коллективизации: выросло потребление сена и кормов, сократились расстояния передвижений скота. Большинство пастбищ находится в частном ведении. Уровень плотности поголовья животных в стаде на обследованных участках высокий, но в пределах норм, установленных местным правительством. Деграляция пастбищ высокая.

В Синьцзяне кочевое хозяйство и скотоводство сохранилось в горных животноводческих районах и напоминает дореволюционную систему кочевков. Чабаны используют небольшое количество сена и другого заготавливаемого корма. Здесь так же, как и во Внутренней Монголии, численность поголовья скота в стадах высокая, но контролируемая правительственными нормами. Деграляция пастбищ варьирует от низкого до среднего уровня.

Глава 4

ОРГАНИЗАЦИЯ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В РАЙОНАХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ (на примере ключевых участков)

Детальное исследование организации аграрного землепользования в районах Внутренней Азии и его трансформации производилось на ключевых участках, которыми представлено природное, хозяйственное и культурное разнообразие региона (рис. 18).

4.1. РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

4.1.1. Республика Бурятия

Выше мы определили, что сельскохозяйственное животноводческое землепользование является ведущим территориальным элементом во всех регионах Внутренней Азии. Подтверждением этого положения служит динамика структуры сельскохозяйственных угодий в Республике Бурятия с 1923 по 2001 г. За этот период как размещение основных ареалов сельскохозяйственных земель, так и их площади остались практически неизменными. На этом фоне изменялась их внутренняя структура (рис. 19). До середины 1980-х гг. размеры пахотных земель постоянно увеличивались и достигли более 1 млн га, а с конца 1980-х гг. начался обратный процесс.

Начало интенсивного освоения земель под пашню относится к середине 1950-х гг., когда было распахано более 500 тыс. га. Ранее мы упоминали, что в Республике Бурятия сельскохозяйственное землепользование приурочено лишь к межгорным котловинам и речным долинам, поэтому территории, пригодные как для распашки, так и для заготовки сена и для пастбы, ограничены естественно-географическими условиями, и резерва для их увеличения практически нет, кроме как за счет изменения структуры уже используемых земель.

Это и явилось причиной распашки пастбищ и сенокосов, что, безусловно, подорвало естественную кормовую базу содер-

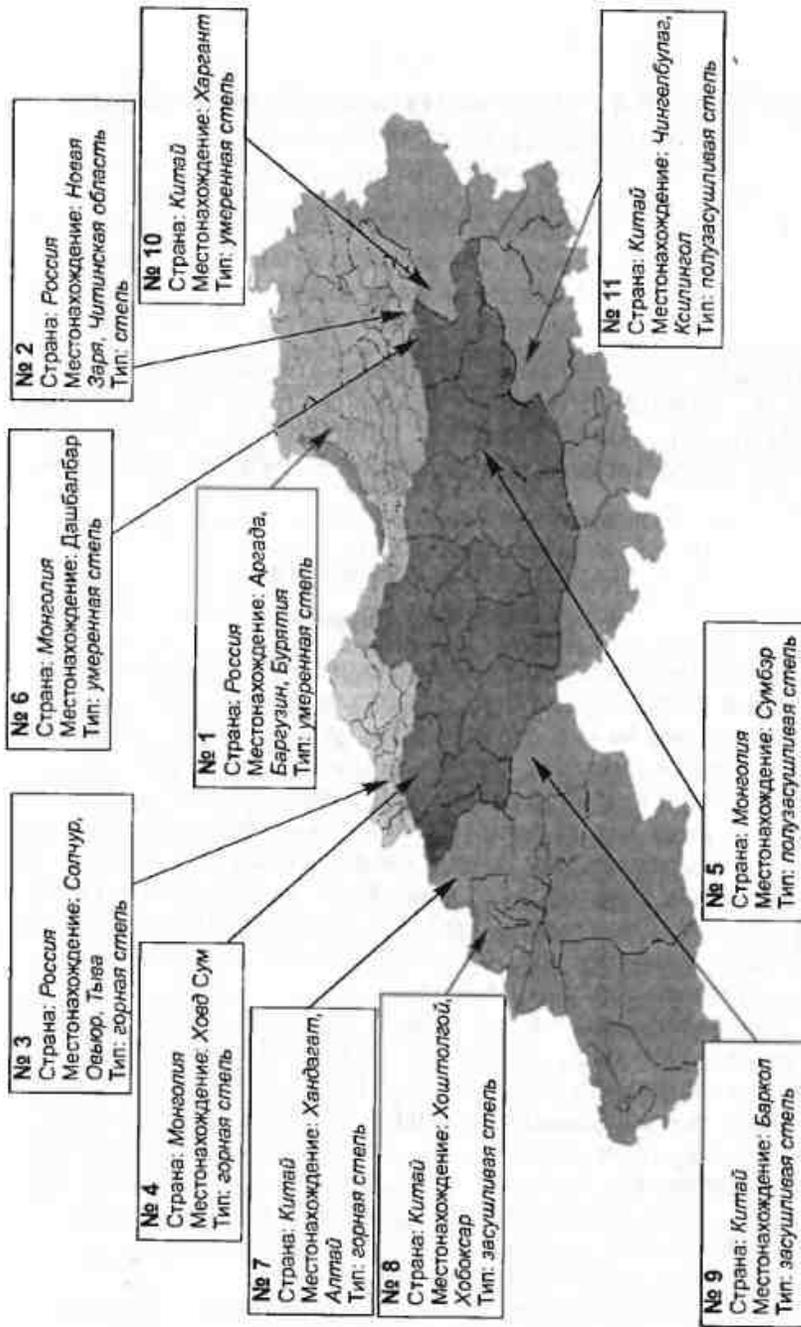

Рис. 18. Ключевые участки Внутренней Азии.

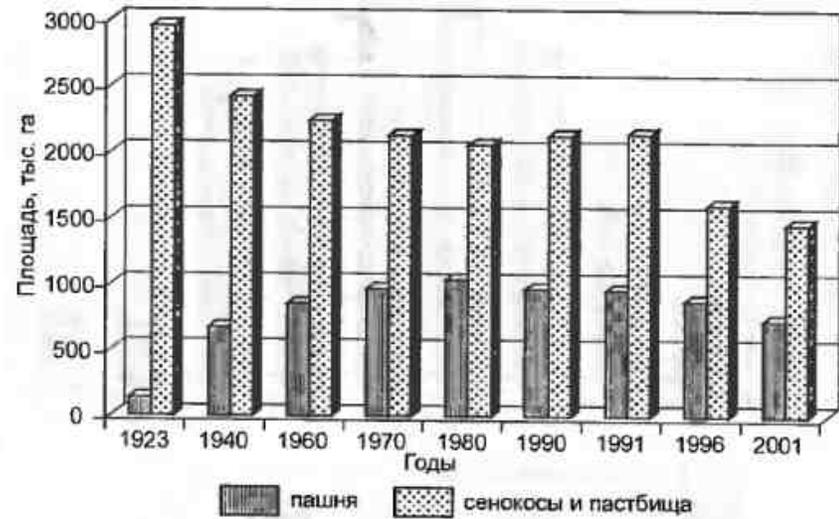

Рис. 19. Динамика сельскохозяйственных угодий в Бурятии.

жания животных в пастбищный период. Сокращение площади пастбищ, как и всех естественных кормовых угодий, продолжалась вплоть до середины 1980-х гг., при этом с начала 1920-х до середины 1980-х гг. непрерывно увеличивалось поголовье животных, за исключением лошадей (рис. 20; в 1923 и 1940 гг. данных о численности лошадей не обнаружено). Особенно возросло поголовье овец – почти на порядок. Соответственно, повысилась плотность скота на единицу площади естественных кормовых угодий – с 0,6 условных голов в 1920-х гг. до 2 условных голов скота на 1 га в середине 1980-х гг. (Одна овца принята нами за 1 условную голову скота, и перерасчет других видов скота на условные головы сделан с учетом зоотехнических показателей животных во Внутренней Азии [Тайшин, 2000].) Необходимо отметить, что фактическая плотность скота в середине 1980-х гг. в Бурятии была значительно выше статистической и достигла 3,5–4 условных голов на 1 га кормовых угодий, тогда как площадь пастбищ, наиболее интенсивно используемых сельскохозяйственными предприятиями и личными подсобными хозяйствами, составляет немногим более 1 млн га. Согласно же исследованиям, проведенным для условий типичных степных пастбищ в Бурятии (разнотравно-типчаковые, злаково-полынные, вострещово-осоковые), оптимальная нагрузка на них в те-

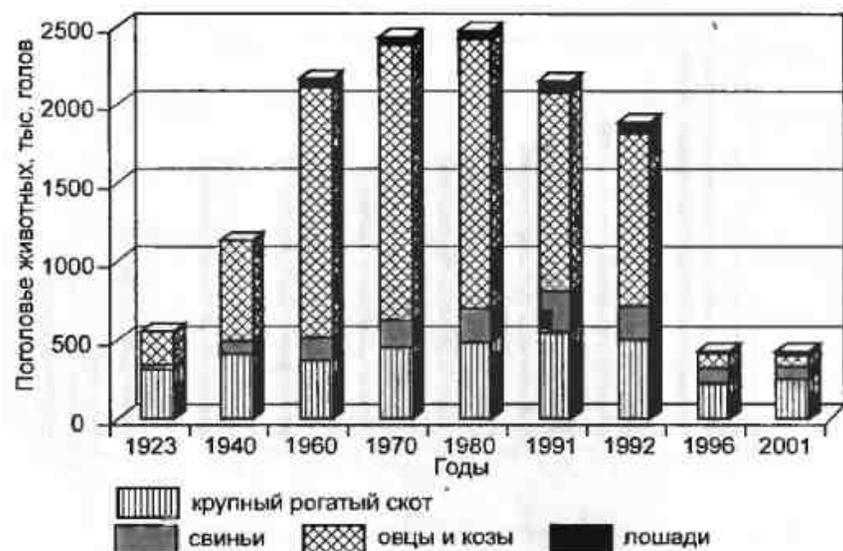

Рис. 20. Динамика соотношения численности различных видов домашних животных в Бурятии за период 1923–2001 гг.

чение пастбищного периода в 150 дней должна колебаться от 0,7 до 1,2 головы овцы или условной головы скота на 1 га [Харитонов, 1980]. Это свидетельствует о значительном превышении допустимой нагрузки на пастбища в Бурятии в 1960–1980 гг.

Таким образом, рассматриваемый период развития сельскохозяйственного землепользования в Бурятии характеризуется наличием трех взаимосвязанных тенденций, негативно повлиявших на состояние природной среды и землепользования. Первая – увеличение площади пахотных земель, произведенное без учета конкретных хозяйственных и природных условий в районах распашки. Вторая – сокращение площади и ухудшение качества пастбищ, поскольку распахивались, как правило, лучшие кормовые угодья. И третья – одновременное существенное увеличение количества скота и изменение структуры стада при значительно возросшей доли овец. Все это самым неблагоприятным образом повлияло на состояние сельскохозяйственных угодий. В настоящее время более 50 % пахотных земель в различной степени подвержены водной и ветровой эрозии. Мы не располагаем данными о площади пастбищ, подверженных негативному антропогенному воздействию на всей территории Бурятии. В то же время об их

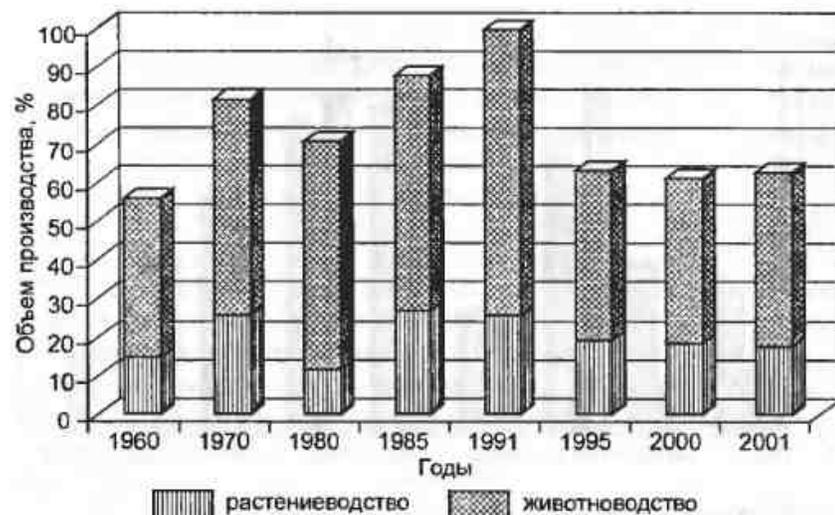

Рис. 21. Динамика производства продукции сельского хозяйства (растениеводства и животноводства) в Бурятии (в сопоставимых ценах 1994 г., объем производства в 1990 г. принят за 100).

состоянии можно судить на примере обследованных нами сельских администраций и районов Баргузинской котловины.

В последние годы в Бурятии происходят положительные изменения в структуре и процессе землепользования с учетом конкретных природных условий. Однако проблемы, порожденные в прежние годы, продолжают сказываться на состоянии сельскохозяйственных угодий и режиме их использования.

Структуру сельскохозяйственного землепользования в Бурятии формируют два основных вида деятельности – животноводство и растениеводство. По объему производства продукции животноводство всегда было главной отраслью сельского хозяйства Бурятии (рис. 21), а растениеводство занимало второстепенные позиции. Это особенно отчетливо проявляется в соотношении между внутривладельческим потреблением и государственными закупками зерна в Бурятии, в валовом сборе зерновых культур в республике, которые в разные годы занимали от 50 до 90 % от общей посевной площади (рис. 22; в 1996 и 2001 гг. данных о государственных закупках и внутреннем использовании зерна нет). Подавляющая часть продукции растениеводства потребляется внутри хозяйств, ее производящих. Структура по-

Рис. 22. Динамика соотношения внутреннего потребления и государственных закупок в валовом производстве зерна в Бурятии.

требления включает в себя создание двух фондов: семенного и кормового для общественного и личного скота. Благодаря этому в советский период развития общественного сельскохозяйственного производства здесь произошла смена основных источников питания скота в зимнее время с естественных кормовых ресурсов на продукцию растениеводства с пахотных земель. Возникает вопрос – была ли эта замена удачной? Для ответа на этот вопрос необходимо учитывать изменения, произошедшие в традиционном укладе жизни местного сельского населения, в структуре сельхозугодий и, соответственно, в состоянии природной среды. Увеличение пахотных земель до известных пределов было позитивным явлением, однако только до тех пор, пока оно не стало подрывать естественные угодья – источники питания скота в летнее время, размеры которых стали существенно сокращаться из-за их распашки. Кроме того, чрезмерная распашка земель, экологически не подходящих для земледелия, вызвало деградацию как самих пахотных угодий, так и пастбищ, нагрузка на которые возросла вследствие сокращения их площадей, увеличения количества скота и изменения структуры стада, о чем упоминалось выше.

Следует отметить еще одно последствие чрезмерной распашки земель в Бурятии. При практически неизменной площади посевов в последние десятилетия валовый сбор зерна очень сильно колеблется по годам. Урожайность зерновых культур в отдельные годы не превышает в среднем 5 ц/га. Таким образом, перестройка традиционной кормовой базы здесь породила ее неустойчивость и вследствие этого – недостаток кормов в зимнее время, ухудшение продуктивных показателей скота и его падеж. В таких условиях животноводство становится весьма рискованным видом хозяйствования.

Баргузинская котловина. Структура землепользования в Баргузинской котловине, охватывающей два административных района Бурятии – Курумканский и Баргузинский, в своих основных чертах сходна со структурой землепользования в целом по Бурятии.

Оба района занимают 8,8 % территории и 8,1 % сельскохозяйственных угодий Бурятии, возможности расширения которых в Баргузинской котловине крайне ограничены, так как все пригодные для использования земли уже освоены. При этом урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота остаются на низком уровне. Обеспеченность животноводства кормами не превышает 70 %, а в отдельные годы составляет 50–60 % от общей потребности. Это объясняется не только неблагоприятными агроклиматическими условиями (недостаток влаги, пыльные бури, засухи, суховеи и др.), но и экстенсивными методами использования пахотных земель и естественных кормовых угодий, бессистемностью выпаса и высокой нагрузкой скота на 1 га пастбищ, что привело к деградации пастбищ, распространению на них ветровой и водной эрозии.

Для пахотных земель Баргузинской котловины характерны широкие масштабы эрозионных процессов. По данным Бурятского филиала института «Востсибгипрозем», более 80 % пашни в различной степени подвержено здесь ветровой и водной эрозии (1998 г.). При этом отмечается, что основные массивы земель больше всего страдают от ветровой эрозии, водная же распространена незначительно. Особое беспокойство вызывает поражение земель дефляцией на Куйтунах (возвышенная срединная часть Баргузинской котловины), где расположены основные пахотные массивы.

По тем же данным удельный вес кормовых угодий и особенно пастбищ, подверженных эрозионным процессам, намного ниже – 19,2 %. Однако на последних наибольшую опасность

представляет уплотнение почвы вследствие нерегулируемого выпаса. Так, в Курумканском районе сбитые пастбища занимают более 70 % от общей площади. Аналогичная ситуация наблюдается и в Баргузинском районе и во всей Баргузинской котловине. Пастбищные угодья на территории ряда сельских администраций сильно деградированы. В урочище «Туракино», территория которого входит в Аргадинскую сельскую администрацию, пастбища почти полностью уничтожены: на огромном массиве вытоптан почвенный покров, активно развивается процесс опустынивания. Интересно отметить, что еще в первой половине XI в. эта местность описывалась как разрушаемая ветрами и превратившаяся в пески [Румянцев, 1965].

Природно-климатические условия района предопределили формирование в Баргузинской котловине почв легкого механического состава, низкая естественная устойчивость которых обуславливается действием ряда природных факторов [Баргузинская котловина, 1993]:

- сильной расчлененностью рельефа и наличием больших площадей склоновых поверхностей различной крутизны с их опасными гравитационными процессами (обвалами, осыпями и т.д.);
- развитием многолетней мерзлоты и сопряженных с ней процессов (солифлюкции, суффозии, криогенной эрозии);
- широкомасштабным распространением пролювиальных, делювиальных, лессовых четвертичных отложений, неустойчивых к изменениям термического режима и проявлениям различных эрозионных (плоскостного смыва, размыва, дефляции) и гидродинамических (оползни, сели) процессов;
- преобладанием почвообразующих пород легкого механического состава, слабоустойчивых к механическим нагрузкам;
- мозаичностью (мелкоконтурностью) почвенного покрова, определяющей его экологическую уязвимость;
- активностью процессов биохимического выветривания при интенсивном физико-механическом дроблении почвообразующей породы, что определяет малую химико-минералогическую изменчивость исходной материнской породы в ходе почвообразовательного процесса, образованием почв рыхлого и рассыпчатого механического строения, легко поддающихся неблагоприятным природным процессам;
- низкой и замедленной скоростью биологического круговорота, в значительной мере определяющего слабые защитные и восстановительные свойства почв;

– маломощностью горно-лесных почв, снижающей их сопротивляемость к внешним воздействиям.

Эти обстоятельства обуславливают острую потребность в повышении плодородия почв Баргузинской котловины путем обогащения их органическим веществом, усиления мер борьбы с эрозией, рационального использования мелиорированных земель, регулирования пастбищеоборота и совершенствования агротехнических приемов возделывания земель.

Для разработки комплекса мероприятий по восстановлению качества земельных и почвенных ресурсов, их естественного плодородия необходимо принимать во внимание не только природные факторы, но коренные причины деградации природной среды Баргузинской котловины, среди которых можно выделить социально-экономические, исторические, этнические и другие антропогенные факторы, развязывающие негативные процессы в использовании земель.

Однако основная причина ухудшения качественного состояния сельскохозяйственных угодий кроется в нерациональном ведении сельского и лесного хозяйства в регионе.

На примере лесных земель Баргузинской котловины можно достаточно четко проследить функции различных типов земель, территориально не совпадающих друг с другом: земель долин, используемых в сельском хозяйстве, и горных лесных земель, на которых ведутся лесное хозяйство и заготовка древесины. Выше мы отмечали, что различные территории могут нести целый набор функций – от средообразующих до социальных, включая экономические. Основной функцией земель Баргузинской котловины является средообразующая, так как именно здесь формируется главный сток речных систем, влияющий на функционирование экосистем в долине. Вместе с тем широкое развитие здесь получила и функция лесных земель как источника древесины. Широкое промышленное использование лесов в ущерб другим функциям территории негативно повлияло на состояние и использование земель в сельском хозяйстве, которое, несомненно, является главным видом хозяйственной деятельности в Баргузинской котловине. Подрыв агропроизводительности земель происходит вследствие изменения режима речного стока, так как лесные земли переводят поверхностный сток в подземный и делают его режим более устойчивым и равномерным. Сведение лесов на большой площади в верховьях рек стало причиной резкого возрастания амплитуды

речного стока, при котором в периоды паводков и половодья реки разливаются, а в засушливый период происходит пересыхание русел мелких рек и ручьев. Изменение водного режима приводит в дождливый период к затоплению сенокосных угодий и части пастбищ, а нередко и потере уже заготовленного в стогах сена и, напротив, в засушливый период – к сокращению источников полива орошаемых земель. Очевидно, что деятельность человека увеличила неравномерность природных явлений и процессов, негативно сказавшихся на структуре и характере землепользования в и без того неблагоприятной для ведения сельского хозяйства среде.

Проследим динамику размеров посевных площадей в Баргузинской котловине на протяжении последних ста лет, это позволит выявить изменения структуры землепользования и проанализировать его современное состояние.

С конца XIX в. площадь пахотных земель последовательно увеличивалась вплоть до конца 1970-г гг. и с того времени оставалась примерно на одном уровне до начала 1990-х гг. До конца 1930-х гг. посевные площади занимали незначительную площадь. В дальнейшем, особенно с организацией совхозов, началась массовая распашка земель. В 1950-е гг. в Бурятии развернулась компания по освоению целинных и залежных земель, которая для Баргузинской котловины в скором времени обернулась бедой вследствие широкомасштабного развития эрозии на поднятой целине. Рост посевных площадей сопровождался сокращением площади паров, на долю которых в середине 1970-х гг. приходилось лишь 11–13 %. Но не только эти факторы способствовали активному развитию эрозионных процессов. В земледелии долины был взят курс на производство продовольственного зерна – яровой пшеницы, которая, по сути, стала монокультурой, это привело к нарушению севооборотов, так как пшеница высевалась по пшенице. Прежде она не была в севообороте основной культурой, предпочтение отдавалось яровой ржи, овсу. Так, например, в 1896 г. под яровой рожью было занято 58 % посевных площадей, под пшеницей – 14, под овсом – 22 % [Материалы..., 1898], в 1923 г. соответственно – 48, 32, 13 %. В 1955 г. в хозяйствах котловины удельный вес пшеницы в площади зерновых составлял 35,8 %, к 1965 г. он поднялся до 67,6, а в 1970-е гг. превысил уже 70 % [Статистический сборник..., 1993]. Все это вместе взятое – и природные особенности почв, и низкая культура земледелия в неблагопри-

ятных биоклиматических условиях (засушливость и сильные ветра в весенне-летний период) – способствовало падению плодородия почв (снижению содержания гумуса, развитию на пахотных землях всех видов эрозии).

Современное состояние животноводства, которое является ведущей отраслью сельского хозяйства в долине, также не отвечает ее природным условиям. Анализ имеющихся статистических материалов свидетельствует о том, что в прежние годы у местного крестьянства складывалось оптимальное соотношение различных видов скота, адаптированных к почвенно-климатическим условиям территории. Приоритет в развитии животноводства отдавался крупному рогатому скоту и лошадям. Учитывая, что почвенный покров местности по механическому составу легкий, быстро поддающийся разрушительному воздействию, животноводы стремились не увеличивать поголовье овец, поскольку последние в силу физиологических особенностей при неумелой пастбе вытаптывают и выбивают растительный и почвенный покров сильнее всего.

Вероятно, наиболее близкой к оптимальной была численность и структура поголовья скота до коллективизации, а в дальнейшем началось сокращение поголовья лошадей и большой рост поголовья овец. Численность же крупного рогатого скота не претерпела столь резких колебаний. Последовательное увеличение поголовья свиней также является косвенным свидетельством роста посевов зерновых культур, служащих основным источником корма для этого вида животных (рис. 23). Подвергались опасному и отрицательному воздействию непомерно возросшего поголовья овец и пахотные земли в периоды выпаса отар по пожнивным остаткам и в зимние месяцы, что также способствовало развитию эрозионных процессов.

Другие негативные процессы сельскохозяйственного землепользования связаны с использованием при распашке и других полевых работах машин и механизмов, не приспособленных к местным условиям.

Как показал опыт последних десятилетий, дальнейшее развитие сельского хозяйства в Баргузинской котловине на экстенсивной основе пагубно, поскольку существующий способ хозяйствования и, следовательно, процесс и структура землепользования вступили в противоречие с возможностями самовосстановления качества земли и существования природных биогео-

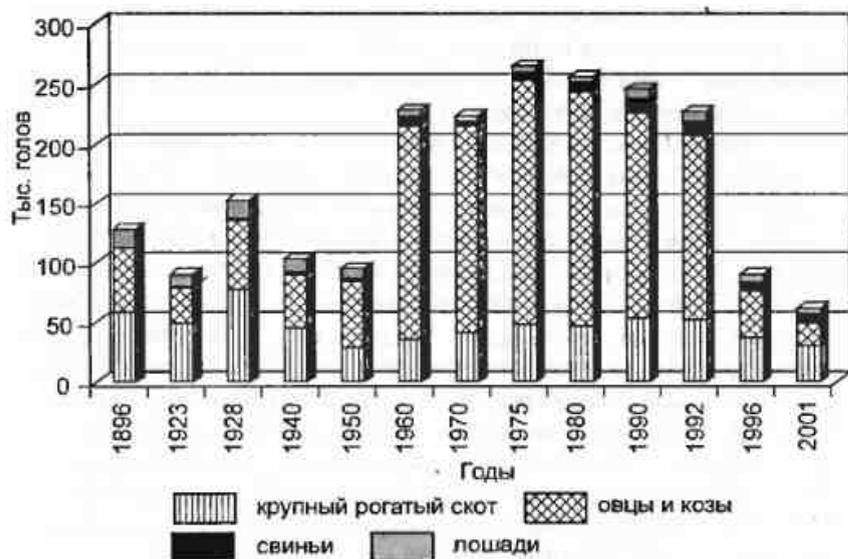

Рис. 23. Динамика соотношения численности различных видов скота в Баргузинской котловине за период 1896–2001 гг.

ценозов. Главными факторами ухудшения состояния природной среды являются:

- нерациональные методы ведения сельского и лесного хозяйства;
- массовая распашка пастбищ и малопродуктивных земель (песчаных, супесчаных и солонцовых);
- неправильная агротехника с нарушением противоэрозионных правил;
- отсутствие агролесомелиорации;
- отсутствие мелиорации и агромелиоративных приемов земледелия по улучшению кормовых угодий;
- перевыпас скота на пастбищах;
- несогласованный с экологической емкостью территории рост поголовья овец.

Таким образом, современная структура землепользования в Баргузинской котловине не отвечает хозяйственным и местным природным условиям и подрывает основные источники кормления животных и, как следствие этого, – основные средства существования местного населения.

Аргадинская сельская администрация, Курумканский район. Указанные выше типичные недостатки землепользования в Баргузинской котловине в полной мере характерны и для территории Аргадинской сельской администрации, и для отдельных домохозяйств. Анализ структуры и процесса землепользования на уровне низового административно-территориального образования и на уровне домохозяйств является важнейшим, так как именно здесь проецируется общественная ситуация, которая, преломляясь в конкретных природных, социальных и культурных условиях, определяет образ жизни местного населения.

Территория Аргадинской сельской администрации занимает 34 754 га, в том числе сельскохозяйственных угодий – 29 509 га, из них пашня – 8348 га, сенокосы – 3933 и пастбища – 11 228 га [Данные..., 1998], остальная территория занята населенными пунктами, лесами и болотами. Здесь проживает 649 семей, а общая численность населения составляет 2643 чел.

Из структуры землепользования на территории Аргадинской сельской администрации видно, что основным видом хозяйственной деятельности в настоящее время здесь является сельскохозяйственное производство с преобладанием животноводства. Такое же положение существовало здесь и до коллективизации.

Однако сама структура и процесс современного землепользования в Аргале коренным образом отличаются от таковых во времена до коллективизации. Кроме этого, в середине 1950-х гг. произошла широкая распашка сухостепных участков на Куйтунах, где прежде были пастбищные и сенокосные угодья. В связи с укрупнением населенных пунктов с начала 1970-х гг. и концентрацией населения в центральной усадьбе изменилась и система расселения на территории сельсовета при неизменной общей численности жителей. В летнее время часть населения кочует на летние стоянки, но большинство жителей остается в Аргале.

Необходимо отметить важную роль системы расселения людей на характер сельскохозяйственной деятельности. До коллективизации система расселения отличалась от современной, имела вид рассредоточенных хуторов, когда в одном месте селилось от 3 до 30 домохозяйств, или от 15 до 150 чел., т.е. население и скот размещались менее концентрированно на территории и нагрузка на землю оказывалась гораздо меньшей.

Однако более важным фактором является трансформация сезонного и пространственного использования земель, которая

достаточно отчетливо отражает причины возникновения существующих в настоящее время на территории Аргадинской сельской администрации проблем в землепользовании.

При традиционной системе расселения местных жителей, существовавшей до коллективизации и в ее начальный период – до начала 1940-х гг., на территории Аргадинской сельской администрации (так же, как и в целом в Баргузинской долине) зимние стоянки были расположены в пойменной части рек Аргада и Баргузин. Такое землепользование сложилось вследствие существовавшей практики использования территории. В зимний период скот находился преимущественно на стойловом содержании, и местное население заготавливало большое количество сена, достаточное для прокорма скота. Значительная часть сенокосов состояла из угугов – удобренных навозом луговых угодий [Буянтуев, 1959; Батуева, 1992]. Они располагались главным образом на более высоких участках пойм и на надпойменных террасах рек, здесь же находились зимники, так как местному населению было необходимо запастись навозом для удобрения сенокосных угодий. С ранней весны утуги использовались для выпаса скота. С начала лета скот выводился на пастбища, расположенные в то время на Куйтунах, и не допускался на сенокосные угодья до тех пор, пока травы не созреют и сено не будет убрано, т.е. до конца лета. После уборки сена вплоть до снегопада утуги снова служили местами выпаса скота. Таким образом, для местного населения было привычно разностороннее использование одних и тех же земель, выполнявших различные хозяйственные функции в разные периоды года – и в качестве сенокосов, и в качестве пастбищ.

В настоящее время в Аргаде существуют три ареала пастбищ (рис. 24). Первый расположен у с. Аргада, где в течение всего пастбищного периода (начало мая – конец октября) выпасается личный скот местных жителей, в основном дойные коровы и телята. Второй и самый крупный ареал находится в южной части территории сельсовета, в низовьях р. Аргада, где в летнее время выпасается общественный и личный скот. Здесь в это время сосредотачивается до 65–70 % всего поголовья скота. Третий ареал расположен в западной части Аргадинской сельской администрации.

Общая схема процесса пастбищного землепользования в Аргаде в настоящее время выглядит следующим образом. В летнее время личный и общественный скот содержится на трех

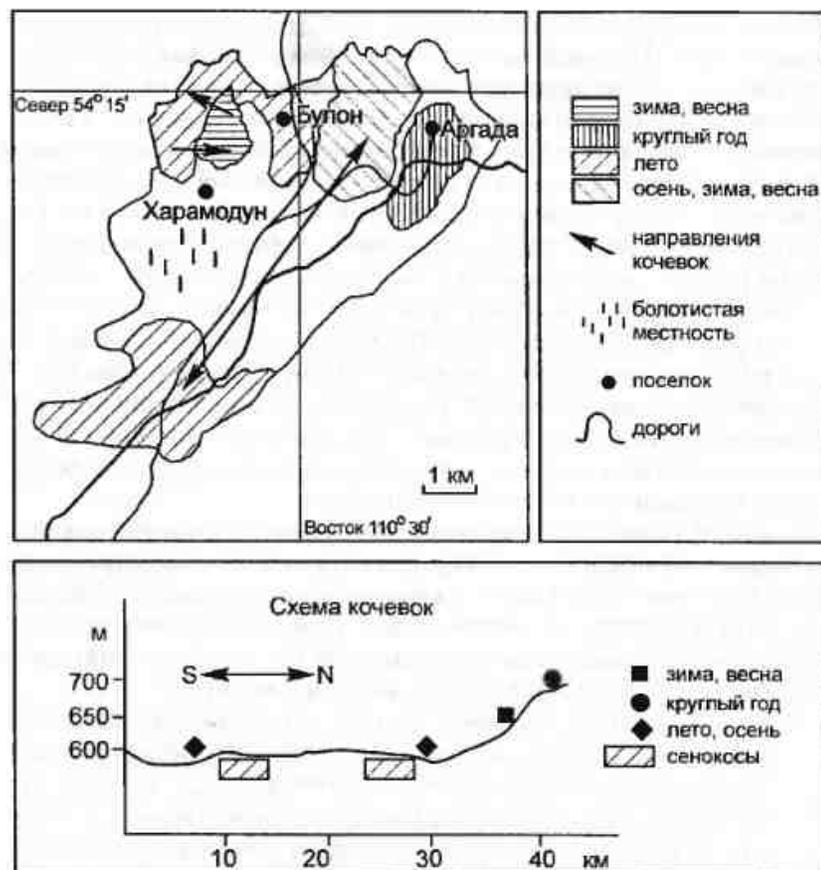

Рис. 24. Расположение пастбищ и схема кочевок на ключевом участке I. Аргадинская сельская администрация, Баргузинский район, Республика Бурятия.

указанных ареалах пастбищ. В осеннее время, после уборки урожая на Куйтунах и окончания сенокосных работ, большая часть скота переводится на стоянки, расположенные на пахотных угодьях на Куйтунах, и на сенокосные угодья. Таким образом, в настоящее время здесь, казалось бы, по-прежнему сохраняется дифференцированное использование земель. Однако если выпас скота на сенокосных угодьях после окончания сенокоса можно считать оправданной мерой, то перевод скота осенью на пахотные угодья – вынужденный шаг, поскольку состояние земель

здесь существенно ухудшается вследствие уплотнения почвы животными. Местное население хорошо понимает пагубные последствия такой практики. Однако внешние факторы при резком сокращении площадей кормовых угодий вследствие их распашки обусловили такой способ использования земель. Выше уже упоминалось о том, что резервы увеличения сельскохозяйственных угодий в Баргузинской долине, как и в целом по Бурятии, крайне ограничены. Подобная ситуация наблюдается и на территории Аргадинской сельской администрации. Современная структура сельскохозяйственного землепользования здесь сложилась посредством перераспределения земель, уже вовлеченных в различные виды использования, главным образом за счет распашки естественных кормовых угодий. Увеличение количества скота, особенно овец, без учета экологической емкости естественных кормовых угодий и привело к сильной деградации пастбищ и пахотных земель.

Таким образом, современная система землепользования территории Аргадинской сельской администрации сформировалась под влиянием социально-экономических факторов общественной жизни и развития производства. Наиболее важные изменения в землепользовании, происшедшие в Аргаде и в Баргузинской котловине, в целом заключаются в следующем.

1. Полностью изменилась система расселения. Исчезли мелкие населенные пункты, которые были сравнительно равномерно распределены по территории администрации. Это повлекло за собой, во-первых, общую перегрузку кормовых угодий, во-вторых, предельное угнетение части пастбищ вокруг крупных населенных пунктов, особенно у с. Аргада. Кроме того, зимние и летние стоянки поменялись местами, вследствие чего изменилось и сезонное использование пастбищ. Большинство весенних и осенних пастбищ в настоящее время удалено от основной территории сенокосных угодий. Негативным последствием этого явилась утрата многолетнего опыта использования утугов, так как сейчас ограничены возможности удобрения навозом луговых угодий из-за проблем его транспортировки (на расстояние до 30 км).

2. Большое распространение получили пахотные угодья, разместившиеся на месте пастбищ. Развитие полевого кормопроизводства изменило способы содержания личного и общественного скота. Сейчас местные жители не представляют свою жизнь без кормов для скота, получаемых с пахотных земель (солы, фуража, покупного комбикорма и т.д.). Такой тип корм-

ления скота в зимнее время привел также к тому, что в Аргаде стали уделять меньше внимания уходу за сенокосными угодьями, несмотря на хроническую нехватку кормов. Этот парадоксальный, на первый взгляд, факт объясняется, во-первых, недостатком рабочей силы и средств для ухода за сенокосами в летнее время; во-вторых, порочной системой снабжения кормами, сложившейся в коллективный период за счет внешних источников при неполном использовании внутренних резервов.

3. В современной социально-экономической ситуации в Бурятии, как и в целом по России, резко снизился уровень материального благосостояния большинства граждан. В этих условиях местное население в Аргаде вынуждено ориентироваться главным образом на обеспечение себя средствами существования за счет собственного производства. Основным источником остается продукция животноводства, удовлетворяющая до 70-75 % потребностей в продуктах питания. Это означает, что, с одной стороны, внешние условия вынуждают местных жителей увеличивать поголовье скота, особенно крупного рогатого, а с другой – уменьшить кормовую базу с естественных кормовых угодий и пахотных земель. Это порождает серьезное противоречие. Потребности местного населения в корме для скота намного превышают продуктивность земель, а существующая практика использования земель, когда плотность скота намного превышает допустимую, ухудшает и без того плохое состояние сельскохозяйственных угодий. В сложившейся ситуации следует признать, что традиционное пастбищное животноводство в Аргадинском сельсовете трансформировано в такой степени, что его невозможно и нецелесообразно восстанавливать в прежних формах, присущих ему в период до коллективизации и в ее начале. Решение этой проблемы требует поиска путей совместного развития растениеводческой и животноводческой отраслей сельского хозяйства, при сохранении ведущей роли животноводства, в выработке местной системы ведения хозяйства как единого целого, состоящего из животноводства и земледелия.

4.1.2. Читинская область

Читинская область занимает территорию в 431,5 тыс. км². Структура ее землепользования в основных чертах сходна со структурой землепользования в Бурятии. В целом она сформировалась под влиянием тех же факторов, что и в Бурятии.

Сельскохозяйственная освоенность территории Читинской области выше, нежели в Бурятии, так как юг области занят преимущественно степными ландшафтами, однако структура землепользования на уровне низового административного образования, выбранного в качестве ключевого участка, отличается от таковой в Бурятии.

Администрация села Новая Заря, Ононский район. Территория администрации села Новая Заря, где расположен совхоз «Гигант», занимает 41 тыс. га, из которых 38,4 тыс. га приходится на сельскохозяйственные угодья, в том числе на пашню – 8,0 тыс., сенокосы – 6,2 тыс., пастбища – 24,2 тыс. га, в свою очередь, из которых 21,3 тыс. га подвержено эрозии различной степени.

Структура землепользования на территории администрации в настоящее время коренным образом отличается от периода до коллективизации, когда система хозяйствования ограничивалась только кочевым скотоводством, основанным на сезонном использовании пастбищ. Местные животноводы кочевали в течение года на расстояния до 200 км.

В настоящее время все пастбища на территории администрации используются круглогодично, за каждым животноводом закреплено от 400 до 600 га пастбищ (рис. 25). Сформировались сравнительно большие площади распаханых земель на фоне сокращения естественных кормовых угодий, их перегрузки и деградации. Продукция растениеводства, получаемая на территории сельсовета, практически в полном объеме идет на содержание скота в зимнее время. Кроме этого, животноводы ежегодно заготавливают сено на площади 2,4 тыс. га на территории соседней Монголии. По словам местных жителей, сено, заготавливаемое и завозимое из Монголии, является одним из основных источников кормления скота в зимнее время, что свидетельствует о существенной зависимости местного животноводства от кормов, приобретенных извне. Таким образом, на территории администрации села Новая Заря произошла такая же замена кормовой базы животноводства, как и в Аргадинской сельской администрации в Бурятии.

Очевидно, что рассмотренные системы животноводства и землепользования Республики Бурятии и Читинской области находятся в противоречии с местными природными условиями и ресурсами, а развитие животноводства за счет внутренних резервов пока невозможно.

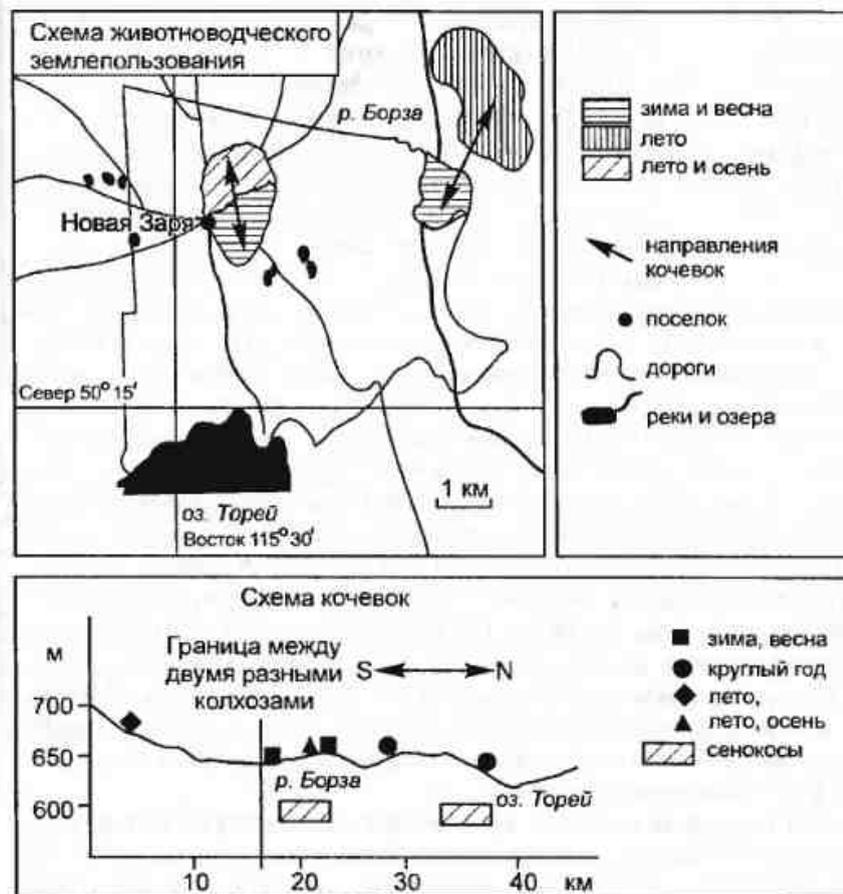

Рис. 25. Расположение пастбищ и схема кочевков на ключевом участке 2. Администрация села Новая Заря, Ононский район, Читинская область.

4.1.3. Республика Тыва

Республика Тыва занимает наименьшую площадь во Внутренней Азии – 168,6 тыс. км². Она также характеризуется абсолютным преобладанием сельскохозяйственного землепользования. Но, в отличие от Республики Бурятии и Читинской области, местное животноводство здесь практически полностью содержится на естественных кормовых угодьях.

Наиболее значительные площади степных пастбищ Тывы приурочены к Улуг-Хемской котловине. В ее пределах наблюдается высотная поясность в распределении естественных кормовых угодий. На севере котловины, на отрогах Уюкского хребта, попадающих в зону дождевой тени, распространены пустынные степи, центральную ее часть занимают сухие и настоящие степи, в южной части, на отрогах хребта Танну-Ола, располагаются луговые степи [Горшкова, Монгуш, 1992].

Естественные кормовые угодья в Тыве, по сравнению с другими регионами Внутренней Азии, отличается лучшей сохранностью и более высоким качеством и продуктивностью. Из общей площади эрозионно опасных земель подвержено различным видам эрозии около 700 тыс. га, или 18,1 % от общей площади сельхозугодий. Однако использование пастбищных земель животноводством создает ряд проблем. Практикующийся многие годы вольный выпас овец приводит к вырождению естественного степного травостоя, к замене коренных, достаточно продуктивных степных сообществ вторичными малопродуктивными, имеющими меньшую хозяйственную ценность. В этих условиях предлагается внедрение системы пастбищеоборота, в которой отдельные сочетания использования и ухода за сельхозугодьями чередуются по годам в определенной последовательности. Использование данной системы способствует быстрому восстановлению продуктивности пастбищ, что сказывается и на более высокой эффективности хозяйства.

Солчурская сельская администрация, Овюрский район. Солчурская сельская администрация Овюрского района (рис. 26) расположена в юго-западной части территории республики. Общая площадь администрации составляет 63,8 тыс. га, из которых 0,6 тыс. приходится на пашню, 0,9 тыс. – на сенокосы и 62 тыс. га занимают пастбища.

Такая структура земель свидетельствует о том, что доминирующим видом землепользования является пастбищное животноводство с преобладанием сезонного использования угодий. Практически все скотоводы кочуют круглый год, используя все виды сезонных пастбищ – летние, осенние, весенние, зимние, а некоторые содержат несколько стоянок в течение одного сезона. Таким образом, традиционное кочевое скотоводство с прежним укладом жизни и способом хозяйствования сохранилось на территории администрации практически неизменным. Этому способствовали удаленность района, как и всей Тывы, от ос-

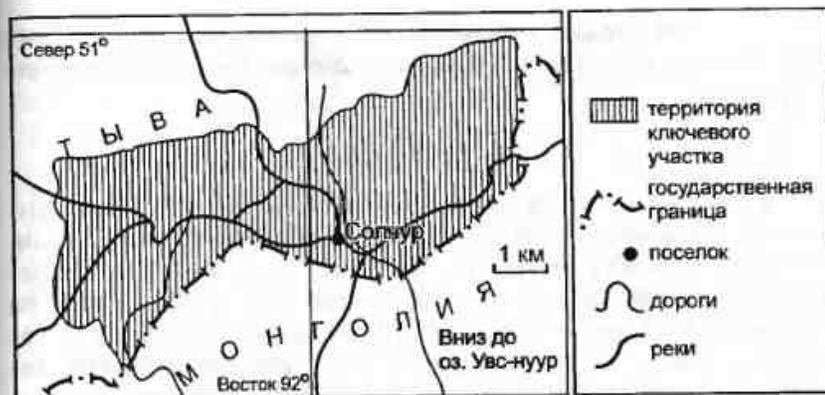

Рис. 26. Ключевой участок 3 (Солчурская сельская администрация, Республика Тыва).

новых транспортных магистралей Восточной Сибири, малая плотность населения и достаточная обеспеченность естественными кормовыми угодьями.

Сохранение пастбищного животноводства в качестве главной отрасли хозяйства на территории Солчурской администрации, неразвитость других видов хозяйственной деятельности сформировали современную структуру землепользования, где 97 % сельскохозяйственных угодий занимают пастбища. Наличие незначительных площадей под пахотными и сенокосными угодьями свидетельствует о том, что и в зимнее время главным источником кормов для скота на территории администрации служат естественные пастбища.

Интересно, что сравнительно высокая обеспеченность естественными кормовыми угодьями юга Тывы, где расположена Солчурская администрация, привлекают внимание к этим землям скотоводов из Монголии. На летние пастбища, расположенные у границы, перегоняют скот из соседних аймаков Монголии. На этой почве возникают конфликты, разрешение которых возможно лишь на правительственном уровне.

Современные формы хозяйствования на территории администрации не удовлетворяют потребностей местных жителей в продукции растениеводства. Внешних поставок в настоящее время не хватает, они нерегулярны, поэтому продукция растениеводства здесь стоит дорого. В связи с этим в Солчурской сельской администрации остается актуальной проблема

развития земледелия, однако лишь в масштабах, достаточных для местного потребления и не ухудшающих состояние природной среды.

4.2. МОНГОЛИЯ

Монголия является единственным целостным государственным образованием, входящим в территорию Внутренней Азии. Общая ее площадь составляет 1566,5 тыс. км², 98,2 % от вовлеченных в хозяйственное использование земель приходится на естественные кормовые угодья. Животноводческая отрасль хозяйства, основу которой составляет кочевое скотоводство, является одной из ведущих отраслей хозяйства Монголии.

Распределение различных типов естественных кормовых угодий по территории Монголии имеет ясно выраженную географическую закономерность. Данные о запасах, структуре и динамике растительности наиболее распространенных в Монголии сообществ сухих и пустынных степей, остепненных, настоящих и экстрааридных пустынь, осваиваемых скотоводами, указывают на исключительно резкое снижение продуктивности растительного покрова в широтном направлении (табл. 4.1).

Продуктивность надземного покрова растительных сообществ колеблется в пределах 30–80 % от среднегодовой в

Таблица 4.1

Показатели продуктивности сообществ степей и пустынь Монголии*

Показатель	Степи		Пустыни (Завалтайская Гоби)		
	Буглуровые со злаками остепненные	Караганово-тырсовые сухие (Ср. Халха)	Змеевково-ковыльковые пустынные (Сев. Гоби)	Ресмиориново-селитрянковые настоящие	Ильинские крайне-аридные
Осадки, мм	260	120	105	75	40
Индекс сухости	2,6	7,4	9,4	13	20
Надземная фитомасса, ц/га	10	2,5	2	2	0,06
Однолетняя надземная масса, ц/га	8	2	1,5	0,3	0,02

*Составлено по: [Казанцева, Даважамц, 1986].

сухие годы и от 125 до 200 % во влажные годы [Казанцева, Даважамц, 1986]. Столь значительные колебания продуктивности естественных кормовых угодий зависят от погодных условий конкретного года, что обуславливает объективную зависимость пастбищного животноводства Монголии от природных условий. Видовое разнообразие растительных кормов здесь также зависит от географических факторов. Наиболее богата кормовыми растениями горно-лесостепная зона (свыше 40 % видового состава кормовых растений Монголии), в степной и пустынно-степной зонах их меньше (примерно по 20 %) и на пустынную зону приходится не более 6 % [Юнатов, 1954].

Общая численность скота в Монголии с 1930-х гг. до настоящего времени остается примерно на одном уровне, она не претерпела столь драматичных колебаний, как, например, в Бурятии или в рассматриваемых частях Китая (рис. 27). Это указывает на относительную стабильность пастбищного животноводства в Монголии, причем структурное соотношение различных видов животных сохранилось в прежних пропорциях. Динамика численности поголовья скота достаточно тесно коррелирует с численностью сельского населения Монголии, которое в 1950-е гг. составляло около 80 % от общей численности населения страны. Несомненно, прежде доля сельских жителей была еще больше. Поэтому, исходя из имеющихся данных, можно предположить, что абсолютная численность сельского населения Монголии с 1930-х гг. увеличилась не более чем на 30–35 % (рис. 28). Вероятно, что изменений в численности жителей, занятых в сельском хозяйстве было еще меньше, то есть способы хозяйствования в пастбищном животноводстве Монголии весьма консервативны и сохранились в своих общих чертах в прежнем виде.

На территории Монголии было обследовано три ключевых участка в различных по природным и социально-экономическим условиям ее частях, которые имеют и разные модели землепользования.

4.2.1. Сум Ховд, аймак Увс

Сум Увс расположен на северо-западе Монголии в пределах Алтайской горной системы. Общая площадь сума составляет 297,2 тыс. га. Сельхозугодьями занято 292,5 тыс. га, в том числе 289,5 тыс. га составляют пастбища; 0,4 тыс. га занято сенокосами. На пашню приходится только 7 га.

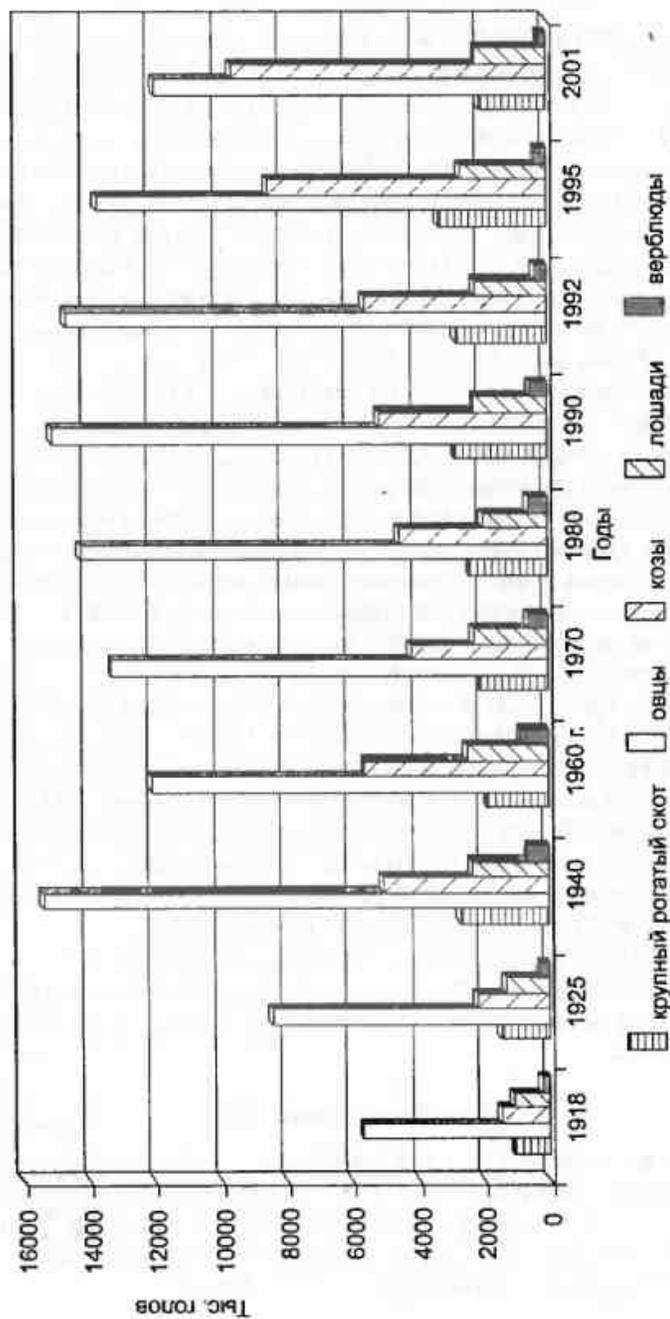

Рис. 27. Динамика соотношения численности различных видов домашних животных в Монголии.

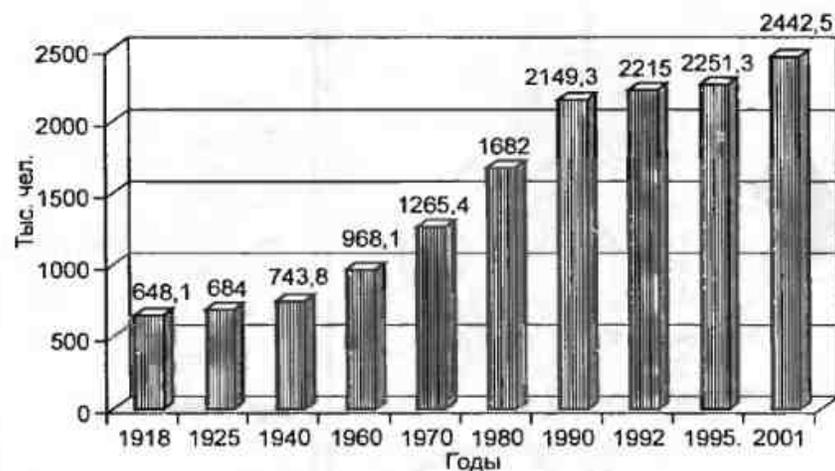

Рис. 28. Динамика численности населения в Монголии.

Приведенная структура землепользования указывает, что на территории сума практически полностью сохранилась система кочевого скотоводства. Сезонные пастбища имеют линейное расположение и вытянуты с юго-востока на северо-запад (рис. 29).

Использование естественных кормовых угодий в Ховде имеет ярко выраженную зависимость от местных природных условий. По причине непоследовательного чередования сезонных пастбищ для смены угодий одного сезона на угодья последующего необходимо пересечь пастбища других сезонов.

В суме остро стоит проблема снабжения местного населения продукцией растениеводства, особенно зерном и продуктами его переработки. Идентичная ситуация уже отмечалась и в Солчурской сельской администрации Тывы. В целом система землепользования в обоих низовых административных образованиях достаточно сходна. Главной объединяющей их чертой является доминирование кочевого скотоводства и практически отсутствие других форм землепользования.

4.2.2. Сум Дашбалбар, аймак Дорнод

Сум Дашбалбар расположен на северо-востоке Монголии и граничит на севере с Читинской областью Российской Федерации. Основой сельскохозяйственного производства здесь яв

Рис. 30. 21/11/02

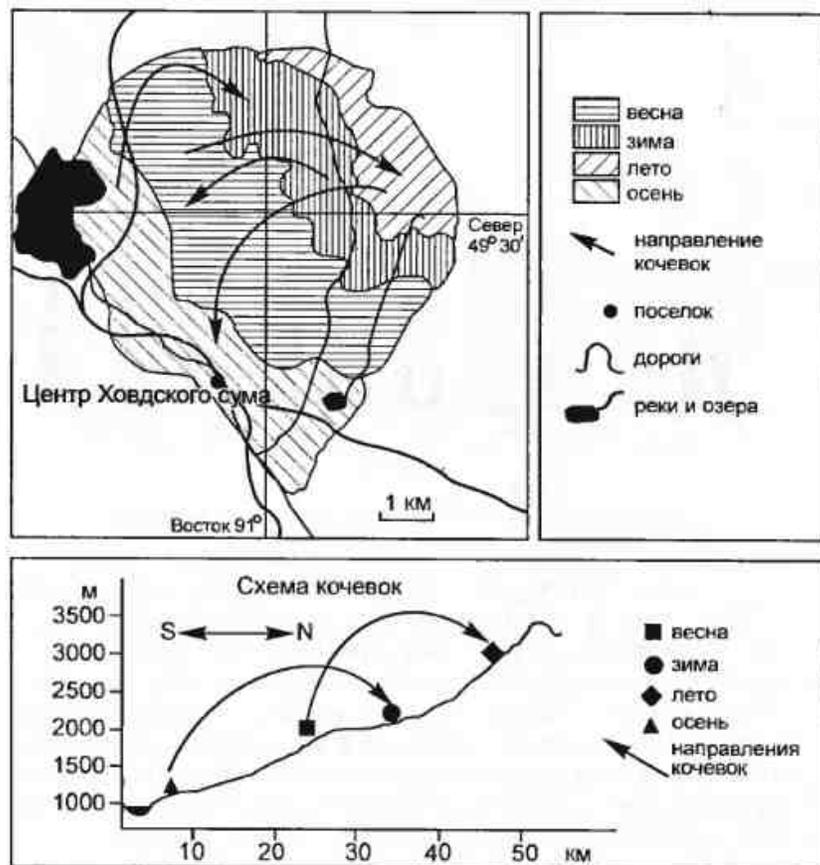

Рис. 29. Расположение пастбищ и схема кочевок на ключевом участке 6 (сум Ховд, аймак Увс, Монголия).

ляется также пастбищное животноводство. Оно базируется на сезонном использовании угодий (рис. 30).

В размещении пастбищ сума прослеживается строгая зависимость от природных условий, которая выражается в тесной корреляции между сезонными передвижениями местных скотоводов и высотным размещением естественных кормовых угодий. Ход температуры в течение года вынуждает пастухов следовать именно на те пастбища, где температурный режим наиболее благоприятен для домашнего скота.

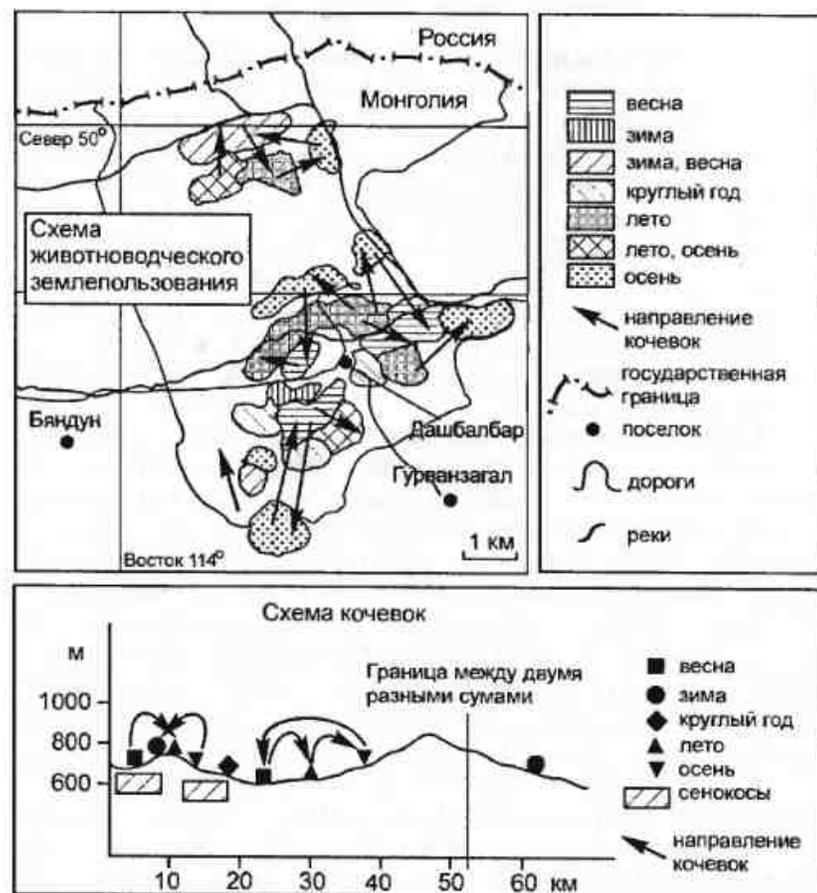

Рис. 30. Расположение пастбищ и схема кочевок на ключевом участке 7 (Сум Дашбалбар, Дорнодский аймак, Монголия).

Вместе с тем внешние условия оказали существенное влияние на традиционную систему землепользования в сумах. Так, изменение границ сумов заставило скотоводов изменить маршруты кочевок прежде всего на зимние пастбища. В настоящее время на территории сума существуют несколько автономных групп скотоводов, совместно использующих пастбища одной местности, приуроченной обычно к речной долине.

4.2.3. Сум Сумбэр, аймак Дорноговь

Сум Сумбэр расположен в Центральной Монголии в переходной зоне от сухостепных ландшафтов к пустынным. Общая его площадь составляет 540 тыс. га, из которых 451,8 тыс. га приходится на естественные кормовые угодья, пригодные к использованию; площадь пашни занимает около 100 га; остальная территория – это земли, не вовлеченные в хозяйственный оборот.

Структура землепользования сума указывает на преобладание пастбищного животноводства, основной формой которого является кочевое скотоводство. Таким образом, в Сумбэре, как и в других рассмотренных районах Монголии, доминирует сезонное использование пастбищ, обусловившее определенные формы землепользования.

На территории сума существуют три относительно автономные группы скотоводов, которые используют соответствующие территории (рис. 31). Смена сезонных участков осуществляется последовательно от зимних пастбищ через весенние на летние и обратно к зимним, через ту же территорию. Причем при использовании зимних пастбищ каждый скотовод имеет строго фиксированную территорию, знает размеры и расположение земель для выпаса. Меньшая территориальная привязанность наблюдается при использовании летних пастбищ, и, соответственно, наименьшая – время переходных сезонов (весной и осенью). Скотоводы выпасают скот в пределах традиционных ареалов этих пастбищ.

Модель кочевого скотоводства в Сумбэре по сравнению с периодом до коллективизации фактически полностью изменилась. В прежнее время она имела более согласованный характер, когда осуществлялось параллельное передвижение скотоводов со стадами в меридиональном направлении. Каждый из типов сезонных пастбищ располагался в пределах одной широтной зоны, благодаря чему система землепользования в этот период была более приспособлена к местным природным условиям, нежели в настоящее время.

Изменения в системе кочевого скотоводства были вызваны следующими причинами:

- корректировкой административных границ сума вследствие сокращения его территории, что ограничило расстояния кочевок местных скотоводов;

- отчуждением земель под другие виды землепользования, главным образом для военных нужд;

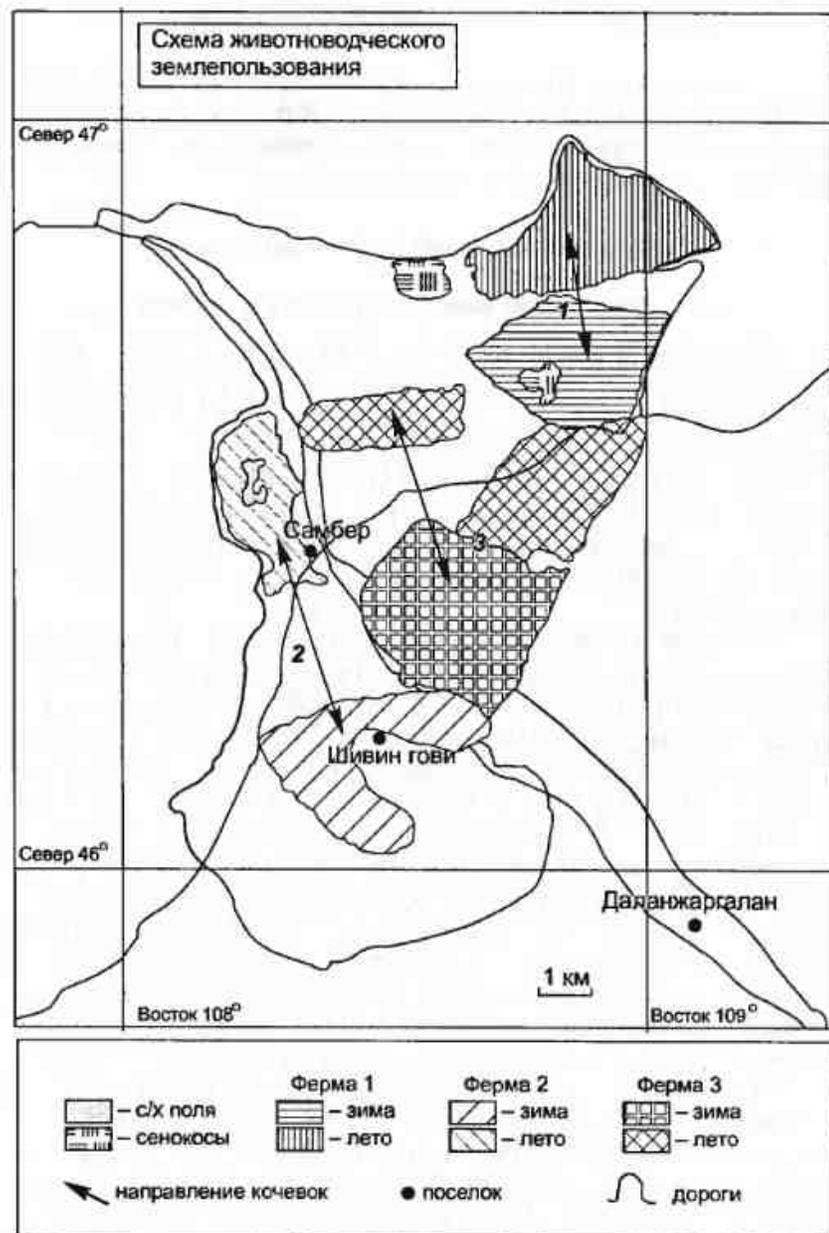

Рис. 31. Расположение пастбищ и схема кочевок на ключевом участке 5. Сум Сумбэр, Дорноговский аймак, Монголия. (Летом скот пасется и за пределами сума.)

– изменением структуры стада за счет смены местных пород овец на каракулевою, которая менее приспособлена к местным природным условиям и оказывает большее негативное воздействие на естественные кормовые угодья.

4.3. КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

4.3.1. Автономный район Внутренняя Монголия

Автономный район Внутренняя Монголия (далее – Внутренняя Монголия) занимает центральную часть Северного Китая. Общая его площадь – 1183 тыс. км², или 12,3 % площади Китая; численность населения – 21,2 млн чел.

Восточная часть Внутренней Монголии занята преимущественно Монгольским плато, в центральной части – в бассейне р. Хуанхэ – расположено плато Ордос, на западе преобладают песчаные и каменистые пустыни Алашанского плато [Grasslands..., 1992].

Различия в видовом составе растительности и продуктивности естественных кормовых угодий во Внутренней Монголии обусловлены главным образом различиями в атмосферном увлажнении [Там же]. Традиционно выделяют четыре основных типа растительных зон – от увлажненного востока до сухого запада [Liu, 1960; Li, 1962; Wang et al., 1979; Liu et al., 1987; Li et al., 1988]. Зона естественных луговых угодий, или луговой степи, расположена в восточной части субрегиона и характеризуется наиболее продуктивными естественными кормовыми угодьями. Типичные степи с травостоем средней продуктивности занимают обширные плато. В сухостепных ландшафтах, расположенных к западу от зоны типичных степей, преобладает низкорослая растительность, а на юго-западе (плато Буланчабу и Ордос) находится зона пустынных степей и песчаных пустынь.

Несмотря на то, что Внутренняя Монголия располагает огромными ресурсами пастбищных угодий, статистические данные последних десятилетий свидетельствуют о том, что их количество и качество неуклонно снижается. В 1989 г. здесь насчитывалось 86,7 млн га естественных кормовых угодий, из которых 18,7 млн га, или 21,6 % были отнесены к категории непригодных для использования, 29,9 млн га, или 34,5 % – к нарушенным в различной степени и только состояние 38,1 млн га было признано хорошим и пригодным для эксплуатации

[Grasslands..., 1992]. В этом же источнике приводятся данные за период с 1965 г. до начала 1990-х гг. о сокращении площадей естественных кормовых угодий на 6,2 млн га, расширении нарушенных пастбищ на 28,7 млн га и уменьшении общей продуктивности земель на 30 %.

Структура хозяйствования во Внутренней Монголии различно: от преобладания земледельческого вида использования территории на теплом и влажном юге до преимущественно скотоводческого – на холодном и сухом севере. При этом граница между ними начала сдвигаться на север вследствие земледельческого освоения поселенцами китайской национальности степных ландшафтов [Там же]. Эта экспансия ускоренно распространялась на новые территории с 1960-х вплоть до начала 1980-х гг. Ее прекращение связано с проведением государственной «Политики перемен и учета конкретных особенностей природной среды» в различных частях Внутренней Монголии.

Детальные особенности системы землепользования Внутренней Монголии рассмотрены нами на примере двух сумов, выбранных в качестве ключевых участков.

Сум Харгант, хошу Хушан Борг, аймак Хулумбуир. Территория Харганта занимает 180 тыс. га, из них 46,3 тыс. га приходится на естественные кормовые угодья. В Харганте сохраняется система сезонного использования пастбищ, претерпевшая, однако, существенную трансформацию в связи с централизованной политикой землепользования.

Территория сума вытянута с севера на юг (рис. 32). Здесь существуют два отдельных ареала сезонных пастбищ, первый из которых находится на севере Харганта, а второй – в пределах его средней и южной частей. Кроме этого, в средней части сума довольно большая площадь занята угодьями круглогодичного использования. Данное обстоятельство является одним из признаков трансформации традиционной и образования новой системы землепользования, так как прежде все пастбища были включены в оборот сезонного использования.

В Харганте достаточно широко развито сенокосение. Основная масса сенокосов расположена вблизи зимних стоянок скотоводов. Здесь напрашивается аналогия с системой расселения и эксплуатации угодий, присущей скотоводам в Аргадинской сельской администрации Курумканского района Бурятии до коллективизации. Это означает, что некоторые традиционные элементы процесса землепользования возникли в

Рис. 32. Расположение пастбищ и схема кочевок на ключевом участке II (сум Харгант, аймак Хулумбуир, Внутренняя Монголия, Китай).

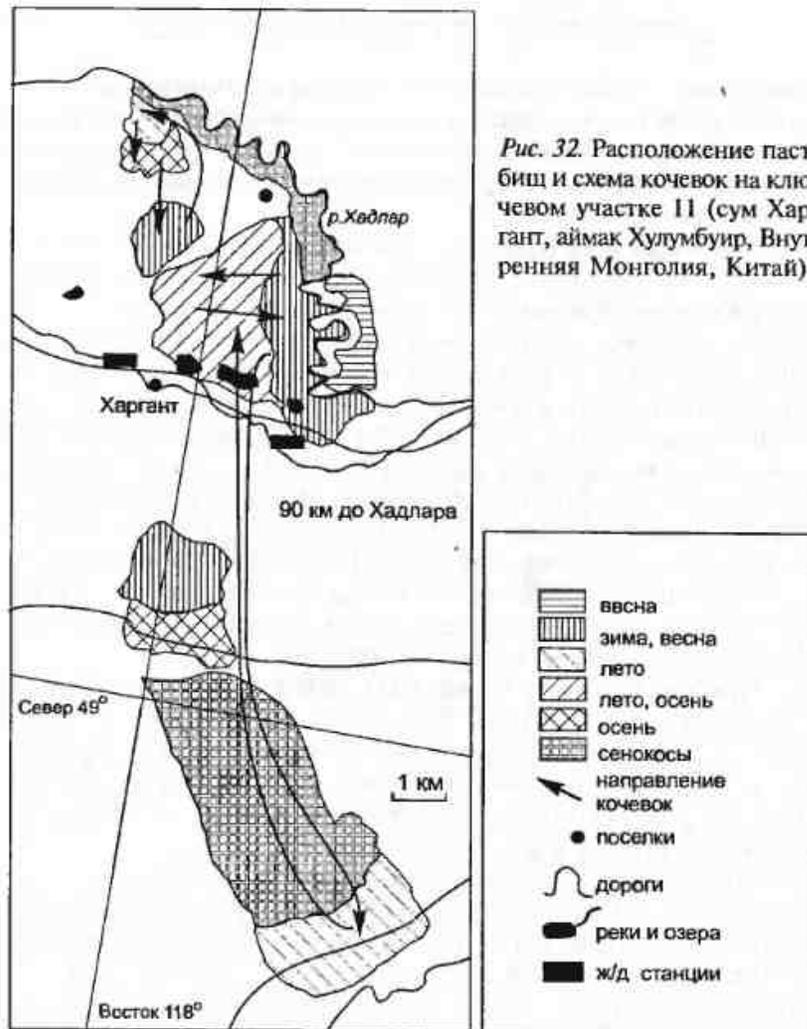

Схема кочевок

схожих природных условиях при одинаковых приемах хозяйствования.

С 1984 г. политика приватизации сельскохозяйственного производства, проводимая в Китае, начала реально осуществляться во Внутренней Монголии. Общественный скот был поделен между частными производителями, что в конкретных условиях Харганта существенно повлияло на практику землепользования. Прежде основная площадь летних пастбищ, используемых скотоводами Харганта, находилась за пределами территории сума, северо-восточнее г. Хайлара, за одноименной рекой. В коллективный период перегон скота осуществлялся по единственному мосту, находившемуся у г. Хайлара, для чего отводилось специальное время. После приватизации, когда вместо больших общественных стад появилось множество мелких, перегон скота через мост стал невозможным в связи с его загруженностью автотранспортом. Поэтому времени для прохождения животных без того, чтобы стада разных хозяев не смешивались, не стало. В связи с этим летние пастбища, использовавшиеся до 1984 г., выпали из оборота. В настоящее время основные летние пастбища Харганта расположены в южной части территории сума.

Следствием данного обстоятельства явилось увеличение площади пастбищ круглогодичного использования, о чем уже упоминалось выше. Это отчасти вынужденный шаг, поскольку местные скотоводы стали испытывать недостаток в сезонных пастбищах. Поэтому в Харганте уже нет прежнего четкого разделения между сезонными пастбищами, характерного ранее.

Другим негативным изменением в системе землепользования Харганта, происшедшим в последнее время, является концентрация кочевого населения и скота у административного центра сума и других постоянных поселений, что обусловлено потребностью скотоводов в сбыте своей продукции. Около 80 % скотоводов имеют стационарные жилища, причем преимущественно у зимних стоянок. Это порождает перевыпас скота на пастбищах, расположенных у населенных пунктов, снижение их продуктивности и обеднение видового состава растений в травостое.

Таким образом, в пастбищном животноводстве на территории Харганта сложилась система землепользования, нацеленная на сохранение преимущественно сезонного использования пастбищ при сильной трансформации их территориальной орга-

низации, отличающаяся перевыпасом на пастбищах и их деградацией вблизи населенных пунктов в связи с концентрацией на этих землях кочевого населения и скота.

Сум Чингел Булаг, хошу Арбак, аймак Силингол. Общая территория сума Чингел Булаг составляет немногим более 214 тыс. га, в том числе 207,7 тыс. приходится на естественные кормовые угодья, из которых 193,3 тыс. га пригодны для использования. Качественное состояние пастбищ очень сильно нарушено вследствие перевыпаса. Площадь деградированных пастбищ составляет 113,1 тыс. га, или 54 % от общей площади естественных кормовых угодий сума.

Территория сума вытянута с северо-запада на юго-восток. Для Чингел Булага характерно поясное размещение сезонных пастбищ, среди которых можно выделить три основных пояса (рис. 33), включающих все типы сезонных пастбищ (зимние, осенние, весенние и летние).

Для пастбищного животноводства в суме до последнего времени была характерна очень сильная зависимость от природных условий, причем не только в отношении их изменчивости по территории, но и от конкретных погодных условий в течение одного сезона. Данное положение очень наглядно иллюстрирует следующий пример. С 1950 г. вплоть до второй половины 1970-х гг. процент использования пастбищ, пригодных для выпаса в хошу Арбак, к которому относится и Чингел Булаг, последовательно увеличивался с 29,1 до 90 %. Общая численность животных к 1977 г. достигла 1 млн голов. Зимой 1978 г. на территории аймака выпали обильные снега, что сделало невозможным использование зимних пастбищ и повлекло за собой сильный падеж скота, численность которого сократилась до 250 тыс. голов, или в 4 раза. Таким образом, предельное использование естественных кормовых угодий и рост поголовья скота без учета их продуктивности и экологической емкости сделали чисто кочевое скотоводство весьма неустойчивым и нерентабельным.

После этого стихийного бедствия, до которого пастбищное хозяйство в Чингел Булаге было ориентировано только на использование кормов естественных угодий, формы хозяйствования здесь претерпели ряд изменений. Главные из них заключаются в следующем:

– наряду с использованием зимних пастбищ большую роль стала играть заготовка сена на зиму;

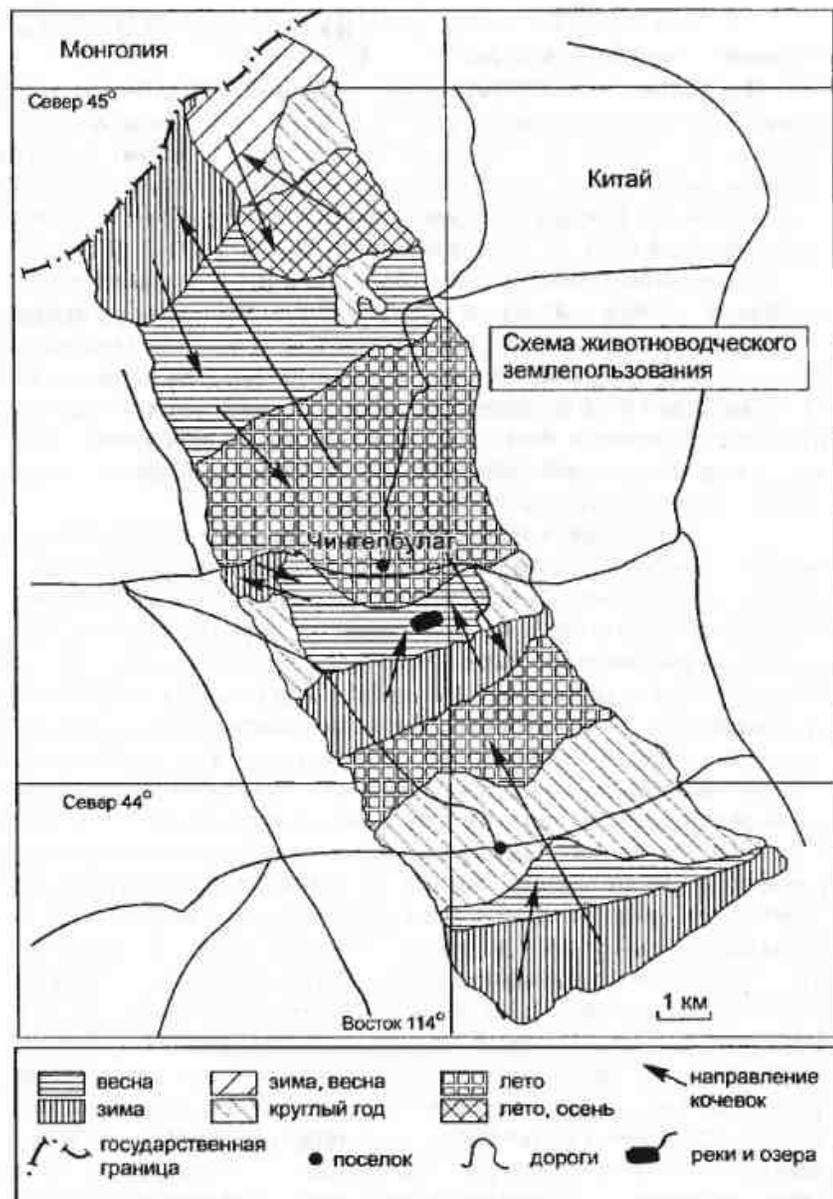

Рис. 33. Расположение пастбищ и схема кочевок на ключевом участке 12 (сум Чингел Булаг, аймак Силингол, Внутренняя Монголия, Китай).

– широкое распространение получило строительство оград, загонов и навесов для скота.

В результате этих перемен существенно уменьшилась зависимость животноводства от природных условий. Достаточно отметить, что в 1986 и 1992 гг. в Чингел Булаге снова прошли большие снегопады, сопоставимые с теми, что были здесь в 1978 г. Однако потери составили лишь 10 % от общего количества скота в 1986 г. и, соответственно, 3–5 % в 1992 г.

Система пастбищного землепользования в Чингел Булаге в настоящее время коренным образом изменилась по сравнению с совсем недавним прошлым. Основной причиной этого явилось внедрение системы «двойной ответственности», когда между скотоводами были поделены и общественный скот, и пастбища, причем первый был передан в частное пользование, тогда как земля осталась в государственной собственности – скотоводам передано лишь право пользования землей.

Таким образом, в Чингел Булаге вследствие разделения земель между скотоводами по количеству людей в хозяйстве произошло сокращение расстояний сезонных передвижений скота. Одним из последствий этого является ограничение возможностей передвижения скота, как при смене сезонов, так и в течение одного сезона, что, естественно, вызывает здесь смену традиционной технологии пастбищного скотоводства. Для того чтобы оценить ее, необходимо отметить, что это вынужденная замена, поскольку рост населения и поголовья скота сделал невозможным сохранение свободного использования пастбищ и ускорил ухудшение качества пастбищ, их деградацию. Территориальная фиксация угодий, по замыслу местной администрации, должна повысить ответственность скотоводов за состояние используемых пастбищ. Следовательно, с точки зрения сохранения природной среды, разделение естественных кормовых угодий между пользователями может иметь положительный эффект. С другой стороны, территориальное ограничение кочевков трансформировало традиционные способы землепользования, наиболее эффективные с точки зрения использования природного потенциала конкретных кормовых комплексов. По нашему мнению, эта проблема может быть решена путем разумного сочетания новых форм землепользования с традиционными методами пастбищного скотоводства, эффективно использующими особенности различных природных комплексов.

4.3.2. Синьцзянь-Уйгурский автономный район

Синьцзянь-Уйгурский автономный район (далее – Синьцзянь) занимает наибольшую территорию во Внутренней Азии. Ее общая площадь – 1657,5 тыс. км², из которых 583,1 тыс. км² относится к естественным кормовым угодьям. В соответствии с районированием растительности Китая (ЕСVC, 1980) и Синьцзяня (XIST/IOB, 1978), территория последнего разделяется на две растительные зоны и пять подзон. Здесь и далее в разделе данные приводятся по работе «Естественные кормовые угодья и их изучение в Северном Китае» [Grasslands..., 1992]. Северная зона находится в Алтае и относится к горной части евразийских умеренных степей. Пустынная зона покрывает наибольшую часть Синьцзяня. В целом для Синьцзяня характерны различные типы естественных кормовых угодий, включающие пустыни, оазисы, низовые луга на равнинной части бассейнов рек; разнообразные вертикальные растительные пояса степей, лугов и лесов в горах; холодные пустыни и степи на плато.

Естественные кормовые угодья Синьцзяня подразделяются на четыре типа: луговые угодья, которые относятся к наиболее качественным кормам и занимают 18,3 % площади естественных кормовых угодий Синьцзяня; степь, расположенная главным образом в горах, – 26,3; пустынные кормовые угодья – 39,2 % и редколесье с кустарниками – 2,3 % естественных кормовых угодий.

Более 90 % описанных земель представляют собой сезонные пастбища. Летние пастбища среди них представлены главным образом альпийскими и субальпийскими лугами и степями и могут использоваться в течение 2,5–3,5 месяцев в году. Зимние пастбища, расположенные в горных степях, части пустынных ландшафтов и долинных лугах, покрывают огромную территорию, однако их продуктивность составляет лишь 60 % производительности летних пастбищ. Они также могут использоваться в течение 2,5–3,5 месяцев в году. Весенние и осенние пастбища занимают пустынные и частично степные ландшафты в течение 1,5–2,5 месяцев в году. Летне-осенние пастбища широко распространены в среднегорье и альпийском поясе на юге Синьцзяня и на Памирском плато. Они состоят в основном из альпийских и субальпийских степей, полупустынных ландшафтов и долинных лугов и могут быть использованы с середины мая до начала ноября. Зимне-весенние пастбища за-

нимают пустынные ландшафты среднегорья и низкогогорья на юге Синьцзяня. Пастбища круглогодичного использования расположены в бассейне Тарима и в долинах его притоков и состоят из долинных лугов, редколесья и кустарников.

Летние пастбища занимают менее половины площади зимних пастбищ, но продуктивность их почти на 74 % выше. То же самое можно сказать и в отношении летне-осенних пастбищ. Это указывает на серьезный недостаток зимних и весенних пастбищ. Главными лимитирующими факторами пастбищного животноводства в Синьцзяне считаются следующие:

- деградация пастбищ вследствие перевыпаса в объеме 9,07 млн га, что составляет 19 % от общей площади пастбищ, пригодных к использованию;

- поражение естественных кормовых угодий грызунами – более чем 16,67 млн га земель;

- неблагоприятные климатические факторы, такие как снежные бури, низкие температуры, недостаток увлажнения;

- недостаток источников воды – 16,7 млн га пастбищных угодий в недостаточной степени обеспечено водой;

- неразвитость транспортной инфраструктуры, вследствие чего недоиспользуются пастбища хорошего качества;

- нехватка кормов в зимне-весеннее время, что обуславливает большой падеж домашнего скота и потерю веса в этот период;

- широкое распространение ядовитых сорных трав в результате перевыпаса и деградации пастбищ.

Таковы наиболее общие проблемы в пастбищном землепользовании Синьцзяня. Ниже рассматривается система землепользования на низовом административном уровне Синьцзяня – ксянг (эквивалент административно-территориального образования уровня сельской администрации в России).

Ксянг Хоштолгой, Монгольский автономный хошу Хобоксар, район Тарбагатай, Казахский автономный округ Или. На территории ксянга Хоштолгой пастбищное животноводство является основным видом хозяйственной деятельности. Большинство угодий, так же, как и в целом в Синьцзяне, используется в сезонном режиме.

Основные пастбища расположены в северной части ксянга. Большая площадь средней и вся южная часть территории Хоштолгой занята пустынными ландшафтами Джунгарского бассейна и практически не используется в настоящее время.

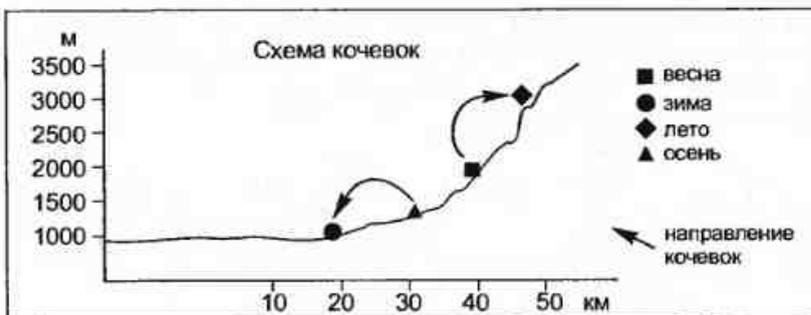
Продуктивность пастбищ в ксянге сокращается. Если в 1964 г. площадь выпаса для одной овцы в год составляла 20–30 му (1,33–2,0 га), то в настоящее время она увеличилась до 30–46 му (2,0–3,1 га) по причине перевыпаса скота. Данная ситуация в Хоштолгое сложилась под влиянием как внешних, так и внутренних факторов.

В Хоштолгое существует традиционная система сезонного землепользования в связи с конкретными природными условиями. Многовековая практика хозяйствования сформировала здесь своеобразный географический конвейер. Летние пастбища занимают предгорья алтайской горной системы (рис. 34) – альпийские и субальпийские луга с наибольшей продуктивностью. Зимние пастбища расположены в зоне распространения низкогорных пустынных степей, а осенние и весенние пастбища – между летними и зимними на низких закустаренных степях в долинах рек.

Главным естественным фактором, регулирующим количество скота в Хоштолгое, служит площадь зимних пастбищ. Их нехватка и низкая продуктивность не позволяют увеличивать поголовье скота. К тому же на зимних пастбищах наибольший срок пребывания животных – 150 дней в году. Это сформировало и соответствующую систему хозяйствования и землепользования в этом ксянге. Использование летних, осенних и весенних пастбищ не ограничено в территориальном отношении, так как их продуктивность позволяет содержать достаточно большое количество животных. Зимние же пастбища строго разделены и зафиксированы между скотоводами. В связи с этим после летнего и осеннего нагула излишек скота продается, так как проблема увеличения поголовья остается неразрешимой даже в пределах отдельного единоличного хозяйства. Следует добавить, что практика заготовки кормов (сена) на зимний период не получила широкого распространения в Хоштолгое. Основные сенокосные угодья расположены в пойменных частях рек на осенних пастбищах. Небольшие масштабы заготовки сена на зиму объясняются невысокой продуктивностью сенокосных угодий и их удаленностью от зимних пастбищ.

В практике скотоводческого хозяйствования в Хоштолгое за последние 35–40 лет произошел ряд изменений, негативно повлиявших на состояние пастбищных угодий. К ним относятся увеличение сроков выпаса на одном пастбище и изменение сроков размножения домашнего скота. Если прежде пастухи

Рис. 34. Расположение пастбищ и схема кочевок на ключевом участке 9 (ксянг Хоштолгой, Монгольский автономный хошу Хобоксар, Синьцзянь, Китай).

меняли пастбище в течение одного сезона через 10–15 дней, то теперь этот срок увеличился (в некоторых случаях до двух месяцев), что неизбежно вызывает деградацию угодий. Сокращение же сроков размножения (с двух-трех месяцев до двух недель) произошло в коллективный период в связи с широким внедрением искусственного осеменения. В результате в короткие сроки возросла нагрузка на землю, тогда как раньше это увеличение было растянуто по времени и, соответственно, более равномерно распределено по территории. Другим негативным фактором, повлиявшим на ухудшение состояния пастбищных угодий, явилось качественное изменение состава овец в сторону увеличения доли меринской породы, которая оказывает более сильное воздействие на пастбищные экосистемы и, кроме того, требует большого ухода.

Среди причин, сдерживающих развитие пастбищного животноводства в Хоштолгое, особую роль играет развитие других видов землепользования, в частности, земледелия угольной и промышленности, производства строительных материалов (цемента), а также рост числа населенных пунктов на традиционно скотоводческой территории. Причем развитие земледелия и отчуждение земель для целей добывающей промышленности происходит в основном на территории зимних пастбищ, увеличивая и без того высокую нагрузку скота на оставшиеся земли.

Таким образом, в Хоштолгое можно выделить внешние и внутренние факторы, негативно влияющие на состояние пастбищного животноводства.

Внешние факторы:

1. Развитие видов землепользования, более конкурентно-способных по сравнению с кочевым скотоводством в отношении удельной доходности на единицу площади – земледельческого и горно-промышленного.

2. Трансформация системы расселения, появление большого числа постоянных населенных пунктов, нарушивших традиционные маршруты кочевок.

Внутренние факторы, вызывающие перемены внутри кочевого скотоводства. Они связаны также и с внешними условиями:

1. Изменение традиционной технологии выпаса, порождающее дисбаланс в использовании пастбищ и ухудшение состояния земель на местах перевыпаса.

2. Сокращение сроков окотов и отелов домашнего скота в коллективный период, что также увеличило интенсивность эксплуатации на земли в короткие сроки.

3. Изменение структуры стада в сторону увеличения пород, оказывающих большее давление на землю по сравнению с местными породами.

Устранение негативного влияния перечисленных факторов будет способствовать достижению более устойчивого состояния природы Хоштолгоя и повышению материальной, производственной и общей культуры местного населения. Сейчас еще трудно говорить о каких-либо конкретных и детальных мероприятиях, однако общее решение указанных проблем уже находится на этапе поиска конкретных видов землепользования, обеспечивающих экологическую и экономическую стабильность на территории ксянга.

Ксянг Хандагат, округ Алтай. Ксянг Хандагат расположен в северной части Синьцзяня, в переходной зоне от южных отрогов Алтайской горной системы к пустынным ландшафтам Джунгарского бассейна. Общая его территория составляет около 120 тыс. га, из которых только около 0,6 тыс. га – пахотные земли, а практически вся остальная территория относится к естественным кормовым угодьям, следовательно, пастбищное животноводство является здесь доминирующим видом землепользования. Так же, как и в других ключевых участках, где кочевое скотоводство играет ведущую роль в местном хозяйстве, животноводство Хандагата базируется на сезонном использовании пастбищ, а значит, имеет большую зависимость от природных условий, нежели в тех местах, где традиционное скотоводство менее развито.

Территория ксянга вытянута с юга на север (рис. 35). В его южной части расположены зимние пастбища, примыкающие к пойме р. Ирчис, далее через северную часть Джунгарского бассейна осуществляется переход на весенние пастбища, которые также служат и для выпаса в осеннее время. Летние пастбища находятся на южных склонах Алтайской горной системы и отличаются наибольшей продуктивностью. Основным лимитирующим фактором увеличения количества домашнего скота в Хандагате является ограниченная продуктивность зимних пастбищ. Несмотря на то, что зимние стоянки здесь расположены у сенокосных угодий, так же, как и в Харганте (Внутренняя Монголия), обеспеченность кормами недостаточна для большего поголовья скота. В целом можно отметить, что система землепользования в Хандагате в основных чертах сходна с таковой в Хоштолгое.

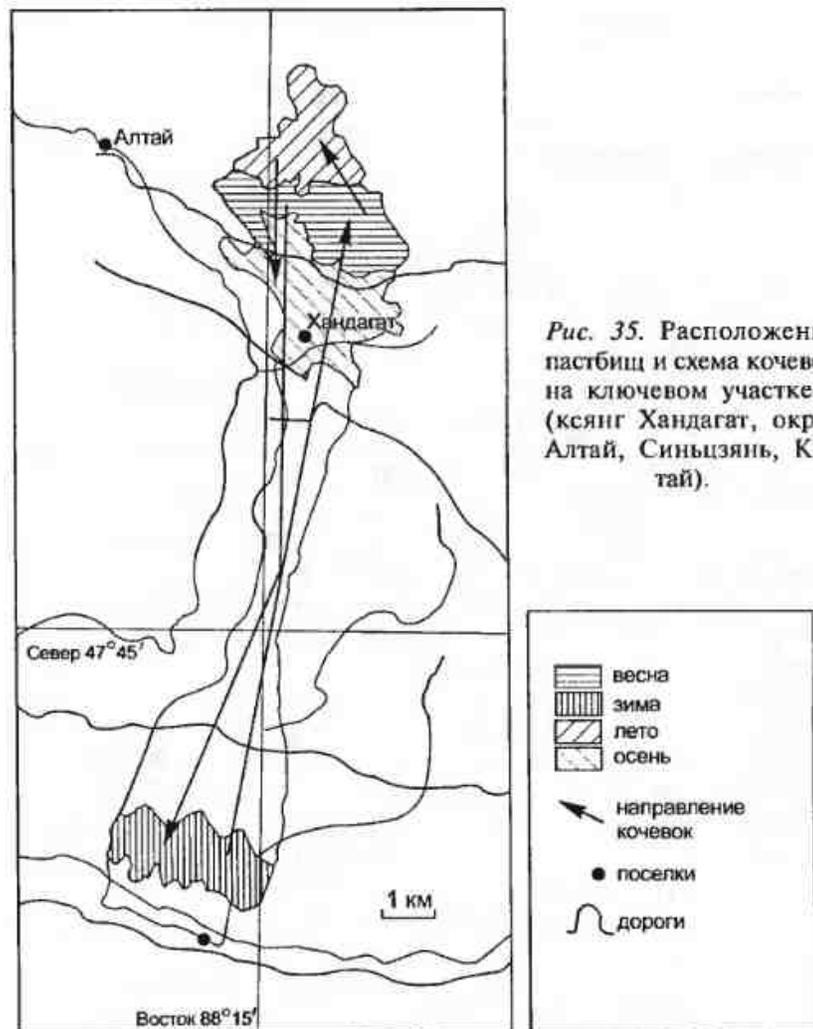
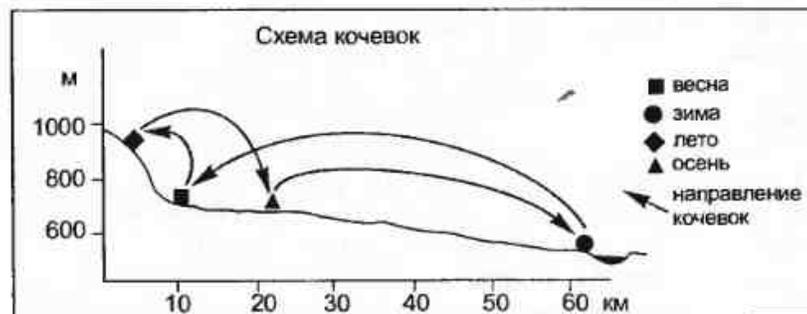

Рис. 35. Расположение пастбищ и схема кочевок на ключевом участке 8 (ксянг Хандагат, округ Алтай, Синьцзянь, Китай).

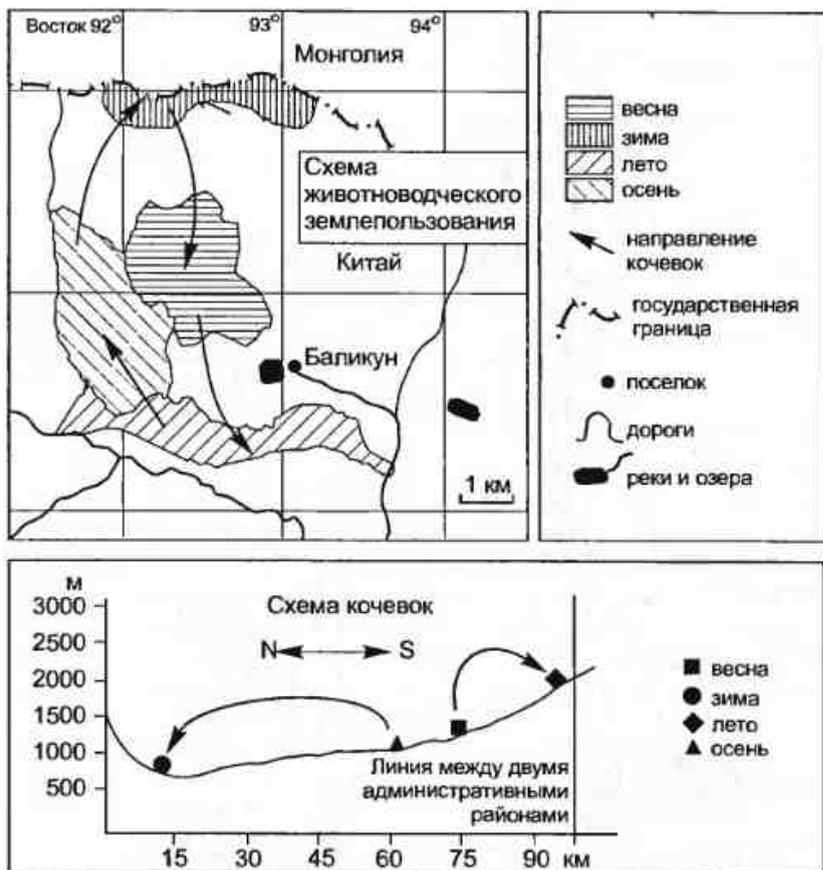

Рис. 36. Расположение пастбищ и схема кочевков на ключевом участке 10 (ксянг Шорчок, округ Баркол, Синьцзянь, Китай).

Ксянг Шорчок, округ Баркол. Ксянг Шорчок расположен в восточной части Синьцзяня на стыке отрогов Алтайской горной системы и Тянь-Шаня, на востоке Джунгарского бассейна. Общая его площадь составляет 626,3 тыс. га, из которых 50,9 тыс. га занято естественными кормовыми угодьями и 3,7 тыс. га приходится на пахотные угодья. Остальная территория занята пустынными и горными ландшафтами, не пригодными для сельскохозяйственного использования.

На территории Шорчока сохраняется пастбищное скотоводство в качестве одного из ведущих видов землепользования.

Однако большую роль здесь играет и земледелие, которое имеет здесь тысячелетнюю историю. На земледелие приходится более 50 % валового дохода, производимого в ксянге.

Пастбищное животноводство в Шорчоке также основано на сезонном использовании естественных кормовых угодий. Смена пастбищ от зимних к летним происходит с севера на юг, то есть в обратном направлении по сравнению с ксянгами Хоштолгой и Хандагат (рис. 36). Такой порядок передвижения обусловлен природными условиями ксянга. Зимние пастбища расположены на низких южных отрогах Алтайской горной системы, где преобладают ландшафты пустынных степей, и малое количество осадков позволяет использовать эти земли в зимнее время. Летние пастбища находятся в пределах Тянь-Шаня. Эти кормовые угодья наиболее продуктивны в летнее время, а зимой их использование затруднено из-за глубокого снежного покрова.

В настоящее время естественные кормовые угодья на территории Шорчока испытывают сильную антропогенную нагрузку. Общая численность населения ксянга выросла с 7,7 тыс. чел. в 1961 г. до 14,6 тыс. чел. в 1992 г. Соответственно, увеличилось и количество скота, которое в 1992 г. достигло 132 тыс. голов. В связи с этим большую роль в обеспечении животных кормами стала играть заготовка сена, поскольку и здесь продуктивность и размеры зимних пастбищ при существующем способе использования земель выступают в роли главного лимитирующего фактора роста поголовья и продуктивности скота.

4.4. ОРГАНИЗАЦИЯ КОЧЕВОК В КЛЮЧЕВЫХ УЧАСТКАХ ИССЛЕДОВАНИЯ

Организация исследований по ключевым участкам позволяет всесторонне анализировать разнообразие форм животноводческих кочевков во Внутренней Азии, его обусловленность различными факторами и выявлять экологические проблемы в состоянии окружающей среды, которые с этим связаны. Расстояния сезонных передвижений скота на ключевых участках региона, зависимость протяженности кочевков скота от объемов потребления кормов и степени деградации пастбищ показаны на рис. 37, 38, 39.

Сум Ховд, аймак Уве, Монголия. Общая модель кочевков показана на рис. 30. Летние пастбища расположены высоко в

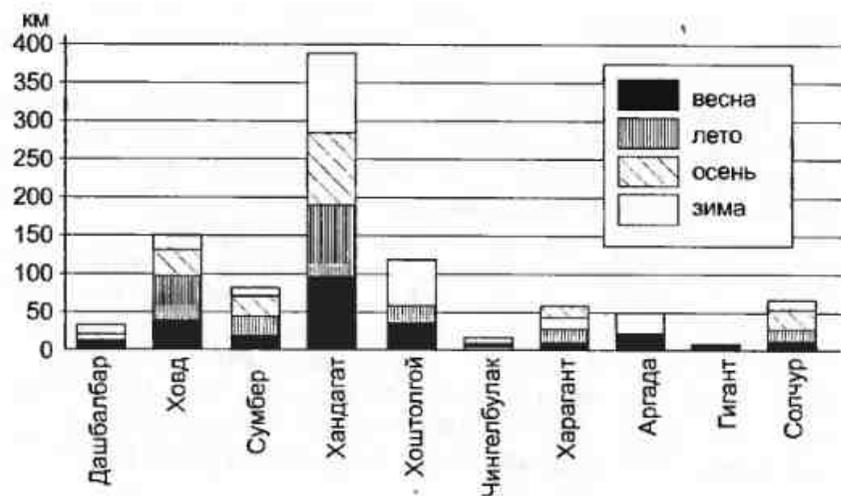

Рис. 37. Дальность сезонных передвижений опрошенных домохозяйств на ключевых участках.

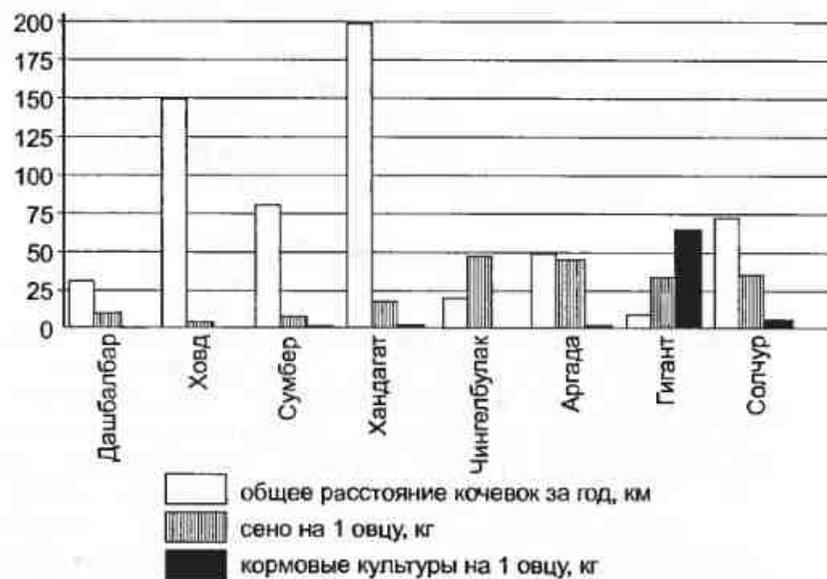

Рис. 38. Протяженность кочевков и потребление кормов на ключевых участках.

Рис. 39. Протяженность кочевков и степень деградации пастбищ на ключевых участках.

горах (обычно выше 2400 м), осенью семейные хозяйства животноводов спускаются вниз к озерам, на высоту примерно 1600 м. Зиму снова проводят на склонах гор (2200 м), весенние пастбища немного ниже (2000 м).

Такая организация соответствует «западным типам» классификации А.Д. Симукова. Что же касается выбора пастбищ, то различия в его критериях в различные исторические периоды не наблюдается. В последнее время только сократились расстояния ежегодных миграций, что связано с транспортными проблемами. Вот как в своем интервью оценивает ситуацию 67-летний скотовод:

«В прошлом (до коллективизации) я кочевал больше. Например, осенью я обычно переправлялся через реку Ховд на осеннюю стоянку, затем снова двигался на дальнейшее расстояние в нынешний Баян-Ольгийский аймак на зимнее пастбище. Ранней весной возвращался обратно или иногда проходил через нынешнюю территорию сума Бохморон, чтобы пересечь реку, там я пас скот весной, оставаясь обычно на территории этого сума только в летние месяцы».

По свидетельству информантов качество пастбищ оставалось хорошим, значит, можно предположить, что деградация

пастбищ в этом регионе была очень малой или отсутствовала совсем. Однако как и в большинстве других мест, старшие информанты связывают хорошее физическое состояние скота с большой подвижностью. Один из скотоводов объясняет это так: «Наши животные были в хорошей форме благодаря этим кочевкам. До коллективизации совершалось около 20 кочевок зимой и весной и намного меньше летом и осенью».

В период коллективизации на большей части Монголии увеличилось использование сена (особенно зимой и весной). В суме Ховд сено использовалось относительно мало. В опрошенных семейных хозяйствах скармливалось меньше 5 кг на овцу, но в 1992 г. общий объем использованного за зиму сена составил 1700 т, что составляет в среднем 12 кг на каждую единицу скота в районе в зимний период. Это относительно невысокий показатель, учитывая, что некоторые скотоводы вообще не использовали сена. Вот как объяснил это 69-летний скотовод: «Мы не заготавливаем сена, так как наше пастбище все время в очень хорошем состоянии. Но осенью мы собираем немного высококачественного сена из горных трав. Мы скармливаем это сено весной животным послабее, в основном молодняку. Но мы вообще не используем ни фураж, ни концентраты».

Из всей площади сума 97 % составляют пастбища, и только 20 га используется для растениеводства. В 1992 г. в суме насчитывалось 140 тыс. единиц скота в пересчете на овец (1679 верблюдов, 6159 лошадей, 6358 коров, 39 647 овец и 22 001 коз). Плотность скота низкая (около 0,48 единиц на 1 га в пересчете на овец), примерно равна аналогичному показателю в соседних тувинском и синьцзянском животноводческих районах.

Ксянг Хоштолгой, Хобоксарский округ, Синьцзянь, Китай. Общая площадь территории ксянга составляет 297 175 га, из которых на пастбища приходится 289 471 га, Хобоксар в Синьцзяне является горным районом. Как показано на рис. 35, зимовки проводятся в относительно низкой холмистой местности на уровне 1500 м, затем скот кочует на север, через Хобоксарскую долину вверх на летние пастбища, на высоту более 2000 м. Летние стоянки расположены на самых высоких пастбищах (2500–3000 м), а осенью скотоводы спускаются вниз в долину р. Хобоксар на уровень 1000–1500 м. Общее ежегодное расстояние кочевок составляет 120 км (при передвижении в одну сторону на 60 км). Нужно отметить, что южная часть района использовалась для специальных зимних кочевок отор (перегон

скота на лучшие, зачастую более отдаленные пастбища с частой сменой стоянок) более подвижных пород скота – лошадей и верблюдов. Такая практика соответствует тем традиционным принципам, которые были востребованы, по наблюдениям А.Д. Симукова [1934], в доколлективном «западном типе», и сейчас на монгольском участке исследования в суме Ховд, аймак Увс. Однако вместо зимовки на тех же горных пастбищах, только в расположении других сезонных угодий, скотоводы пересекают Хобоксарскую долину, выбирая для зимовки хоть и высокие места, но на более южных возвышенностях.

После коллективизации 1957 г. кочевые традиции не очень изменились, и менее всего среди пастбищ изменились горные земли. Однако вследствие влияния различных факторов, протяженность кочевок отдельных семей снизилась. Одной из причин этого было внедрение в процессе коллективизации (1950-е гг.) меринсовой породы овец, которая плохо приживалась в местных условиях. Вот что писал районный администратор: «В 1957 г. мы начали скрещивать монгольских овец с импортированными меринсами. Это продолжается и до сих пор. В результате мы получили помесь, которая из-за холода теряет шерсть и умирает от поноса. Многие из таких животных гибнут. Когда много снега, меринсы не могут добраться до травы, а в жаркое лето они сбиваются в кучу, не двигаются и не едят траву; они двигаются гораздо меньше, чем монгольские овцы, и поэтому не могут добраться до более отдаленных пастбищ с хорошей травой. В связи с этим после приватизации 1983 г. количество меринсовых овец стало сокращаться и замещаться местными породами».

Домохозяйства, которым выделили меринсов для скрещивания, вынуждены были сократить протяженность кочевок и обычно пасли овец в Хобоксарской долине, традиционно используемой для осеннего пастбища. Поскольку меринсы были более чувствительны к холоду, приходилось строить зимние кошары. По воспоминаниям старожилов, традиционно чабаны, пасшие овец местной породы, использовали для зимних пастбищ менее холодную, защищенную от ветра местность (лощины и долины), поэтому не было нужды в укрытиях или кошарах, но с появлением меринсов их пришлось строить.

Согласно собранным данным, диаметр кочевок у большинства животноводов на участке обследования составляет от 25 до 50 км, но были и более длинные кочевки скотоводов специализированных стад с определенными породами скота. Как объяс-

нил 42-летний администратор, «в прошлом (в коллективный период) все хозяйства местных сумов организовывали отор для “длинногого скота” (т.е. лошадей и верблюдов) примерно на 100 км к югу северной окраины Курбан-Тунгусской пустыни на зимние пастбища. С 1983 г. такие кочевки прекратились, так как ни одно частное домохозяйство не имеет столько крупных животных, чтобы это стоило затевать».

В Хоштолгое с 1949 г. происходит сокращение площади пастбищ вследствие развития земледелия, добычи угля, строительства поселков. Местное население столкнулось с рядом проблем, порожденных загрязнением окружающей среды, которые также способствовали сокращению пастбищных земель. Некоторые информанты указывали на то, что использование пастбищ под растениеводство или их сокращение из-за горных работ вызвало спад животноводства. Особенно серьезной проблемой местный администратор считает горные работы: «Много пастбищ было уничтожено благодаря разработке месторождений угля. В Хобоксаре размещены 24 угольные шахты и каждая, хотя и в разной степени, разрушила и загрязнила пастбищные угодья. Некоторые из шахт претендуют на все новые площади пастбищ. Кроме того, пыль и угольные отходы распространяются на большую площадь и загрязняют пастбища. Когда правительству Синьцзяня доложили об этом, оно поручило местной администрации провести расследование, которое имело целью закрепить определенный участок земли за каждой шахтой, так чтобы они не выходили за его пределы, также определить размер компенсации, которую должны платить шахты за причиненный пастбищам ущерб, и платить в будущем за использование земли, которая за ними закреплена. Есть и другие проблемы, например, там, где расположены шахты, много разных машин, больших и малых, которые, проезжая через пастбища, нарушают растительный и почвенный покров. Так было потеряно около 4500 га угодий. Введенный в действие закон о пастбищах (1989 г.) был принят правительством для защиты пастбищ, а другой закон правительства Синьцзяня касался использования дорог. Эта политика, видимо, несколько улучшит ситуацию. Для разработки Карамайского нефтяного месторождения на юге Хобоксара было также отведено более 1000 га пастбищ для нефтяных вышек и т.д., и пастбища там также непоправимо нарушены».

По сравнению с началом 1960-х гг. (когда поголовье скота достигало отметки в 37 000 голов) количество животных в Хош-

толгое в 1993 г. сократилось до 22 300, что составляет 37 500 условных голов в пересчете на овец. Однако в тот же период сократилась и площадь используемых пастбищ, поэтому нагрузка на них не изменилась в соответствующей пропорции. Местные специалисты из станции управления пастбищами Хобоксарского округа подсчитали, что в Хоштолгое имеется 576 954 му зимних, 261 439 му весенних и осенних и 168 409 му летних пастбищ. Они также вычислили, что на зимних пастбищах может содержаться 56 132 единицы скота в пересчете на овец, на осенних и весенних – 35 469 и на летних – 60 444 единиц. Теперешнее количество животных, видимо, соответствует правительственной норме (0,56 единиц на га). Здесь берутся во внимание все сезонные пастбища. Видимо, количество скота в 1960-е гг. значительно превосходило эти нормы. Местные чабаны не жаловались на значительную деградацию пастбищ, один из них предположил, что даже в настоящее время пастбища могут прокормить столько же животных, сколько и в 1960-е гг. В то же время, согласно местным специалистам, в Хобоксарском округе произошла повсеместная деградация пастбищ, особенно зимних и весенне-осенних, что они объясняют слишком большим количеством животных в стаде. Встает вопрос о том, в какой степени подход чиновников и экспертов по окружающей среде может отличаться от мнения простых чабанов.

Ксянг Хандагат, Алтайский округ, Синьцзянь, Кигтай. Хандагат – еще один горный регион, где распространена самая дифференцированная по протяженности организация кочевков среди рассмотренных других ключевых участков (рис. 35). В этом регионе имеется несколько видов организации кочевков, например, пастухи верблюжьих стад используют другие сезонные пастбища. Лошадей из разных личных хозяйств все еще собирают вместе и кочуют с ними зимой на более отдаленные пастбища (это похоже на монгольский тип организации отор). Однако в целом большинство животноводов кочуют на летние пастбища, которые располагаются наверху в горных долинах на высотах от 1700 до 2000 м. Осенью они спускаются к подножью гор до уровня около 1000 м, а затем совершают длинные кочевки к зимним стоянкам у р. Иртыш на высоте около 800 м. Весенние пастбища расположены немного выше, чем осенние (около 1100 м). Расстояния этих кочевков в направлении север-юг довольно большое – около 350 км в год, в каждую из сторон более чем на 175 км.

Организация кочевков в Монголии, по классификации А.Д. Симукова, не совсем повторяет дореволюционную, но более соответствует некоторым принципам модели Говь-Алтайской системы, описанной выше. Летние пастбища расположены также высоко в горах, осенние и весенние – на более низкой высоте. Основное различие состоит в том, что в Хандагате зимние пастбища расположены еще ниже, в долинах рек, а не на горных склонах, как в Говь-Алтайской местности. Коллективизация не изменила систему кочевий, но увеличила площадь используемых под растениеводство земель. 66-летняя женщина-чабан рассказала: «Я помню, что около 50 лет назад люди начали заниматься фермерством в нашем районе. Сначала они использовали землю по берегам рек, затем вокруг центра ксянга. Раньше все эти земли были или пастбищами или использовались как сенокосы (особенно по берегам рек). Теперь это поля. Нет никакого сомнения, что площадь пастбищ значительно сократилась».

По сравнению с другими обследованными участками, здесь используют умеренное количество сена, около 18 кг на условную голову скота в год. Деградация и сокращение пастбищ существует, но в основном имеет локальный характер и вызвано это, скорее, распространением растениеводства, чем чрезмерным использованием пастбищ. Вот что рассказал 49-летний администратор района: «Насколько я понимаю, деградация наших пастбищ – процесс медленный, и сразу его не заметишь. Но у нас есть такие пастбища, где животные совсем не могут пастись. Например, на территории нашего ксянга есть дорога для кочевков скота, которая используется не только нами, но и скотоводами из других округов. Ее протяженность 30 км, при ширине 5 м, и проходит она по одному из лучших наших пастбищ в прошлом. Сейчас в полосе дороги травы вообще нет. Другой пример: недавно некоторые пастбища стали использоваться фермерами для земледелия, и процесс этот продолжается. Третий пример – поля, которые вы видели вокруг центра ксянга. Семьдесят лет назад там были отличные пастбища. Ну и автомобильные дороги также разрушают наши пастбища».

Солчур, Овиюрский район, Тыва, Россия. В Солчуре летние пастбища расположены на относительно большой высоте (см. рис. 27). Иногда используются даже таежные районы, и летние стоянки могут находиться на высоте 1800 м. В других местах летние стоянки находятся на высоте 1600 м; зимние – 1300 м.

Хотя это относительно горный район, но высота не столь большая, как на участках изучения в Увсе или Хобоксаре, и система кочевков имеет другой характер. Она отличается от типов А.Д. Симукова, что не означает, однако, что кочевки скота имеют совершенно другой характер, нежели в дореволюционный период. Некоторые информанты сообщили, что они используют те же пастбища, что и их предки в доколлективный период. Из рассказа 54-летнего чабана: «Каждый пастух и раньше имел, и сейчас имеет сезонные пастбища, которые принадлежат ему. В большинстве случаев пастбища передаются по наследству. В прошлом предки пастухов пасли своих животных на тех же пастбищах. Совхоз только закрепляет эту землю за пастухом» (юридически вся земля является собственностью государства, но респондент выразился так).

Протяженность ежегодных кочевков достаточно высока, около 50–100 км, а ежегодный диаметр ареала миграции – 25–50 км. В большинстве случаев кочевки совершаются с использованием совхозного транспорта. Совхоз также снабжает кочевья водой в зимние месяцы, поскольку многие зимние стоянки не имеют поблизости источников воды. Сена скармливается сравнительно много – около 40 кг в год на единицу скота в пересчете на овец им обеспечивает совхоз. Эти цифры не являются точными, так как основываются на небольшом материале (18 домохозяйств, половина из них животноводческих), но все же приближенное представление о длительности кочевков и количестве потребляемого корма они дают, что позволяет их сравнивать с другими ключевыми участками.

В Солчуре почти не отмечается деградация пастбищ, и местные руководители объясняют это тем, что они держат меньше скота, чем может прокормиться на этих пастбищах. Согласно местным официальным нормам, пастбища площадью в 55 400 га могут содержать 22 000 голов овец, 980 голов крупного скота и 1500 голов лошадей, что эквивалентно 36 000 единиц скота в пересчете на овец. Норма в 0,65 переводных голов скота на 1 га в Солчуре немного выше, чем в Хоштолгое, где норма составляет 0,56 голов.

Сум Дашбалбар, Дорнодский аймак, Монголия. Система кочевков в суме Дашбалбар показана на рис. 30. Высота местности здесь меньше влияет на выбор пастбищ. Количество и расстояние кочевков небольшое, лишь немногим больше 25 км; несколько домохозяйств живут в одном и том же месте круглый год.

Здесь бытует правило, по которому животноводы с небольшим количеством скота могут отдать свой скот другому животноводу, чтобы тот взял их со своим стадом кочевать на отдаленные зимние пастбища. В большинстве случаев эта услуга оказывается безвозмездно, если это родственник или хорошие друзья, если же это менее близкий человек, то ему платится примерно 5 тугриков за овцу.

Сум объединяет шесть подрайонов (багов) и несколько видов сезонных пастбищ. Зачастую скотоводы проводят зиму и весну на низкой местности в долинах больших или маленьких рек, осенние же и летние пастбища находятся на сравнительно большей высоте. Эта организация кочевков близка организации кочевков в Дорнодском аймаке, описанной Базаргуром, Чинбатом и Ширев-Адъей [Bazargur, Chinbat, Shirev-Ad'yaa, 1989]. Согласно источнику, зиму и весну скотоводы проводят в речных долинах или на южных склонах гор или холмов на высоте около 1000 м, летние и осенние пастбища расположены у рек. Эти авторы также отмечают, что многие семьи проводят весь год в одном месте. В сумах Хулунбуир и Баян-Тумун чабаны проводят зиму и весну в степи на высоте 700–900 м, лето и зиму ниже – у рек и ручьев. Помимо указанных сезонных пастбищ, некоторые чабаны отгоняют скот на отгор за южную границу сума, где растительность больше напоминает гобийский тип и считается хорошей для зимнего пастбища. Респонденты отмечают, что сейчас к этому прибегают реже, чем раньше, и животноводам соседнего сума это менее нравится, чем раньше. Создается впечатление, что расстояние кочевков сократилось в течение последних нескольких десятилетий.

Одной из причин снижения протяженности кочевий во время коллективного периода было внедрение новых пород скота. Кроме уже упоминавшегося разведения тонкорунной породы овец, число которых в 1970-х гг. дошло до 20 000, в начале 1980-х гг. стали внедрять высокопроизводительную породу крупного рогатого скота – до 500 голов, для чего построили зимние кошары, коровники и т.д., и скот почти перестал кочевать. Новые породы животных требовали специального ухода, больших запасов сена и фуража. После приватизации тонкорунные овцы были разделены между домохозяйствами и приватизированы и, поскольку ухаживать за ними было не так легко, разведение этой породы быстро пошло на спад. Такая же судьба постигла и стадо специализированного крупного рогатого скота.

Сено заготавливалось специальной коллективной бригадой, которая скашивала 13 000 т сена в год, причем 70 % заготовки сена было механизировано. Затем это сено на грузовиках переправлялось животноводческим домохозяйствам. Но с началом приватизации частники были вынуждены заготавливать себе сено сами, в основном вручную или с использованием старых конных косилок, так как бензина и запасных частей зачастую не хватало. Немногочисленные сеноуборочные машины стали частной собственностью, и теперь семья, и близкие тех, кто владеют этими машинами, стараются помочь в использовании техники, чтобы затем получить часть сена.

По сравнению с другими ключевыми участками, в Дашбалбаре скармливают относительно мало сена, хотя и больше, чем в других обследованных частях Монголии, в среднем около 12 кг сена в год на единицу скота в пересчете на овец. В действительности эта цифра может быть и несколько больше, так как в ряде случаев данные по отдельным семьям отсутствовали, и это могло снизить среднюю цифру. Тем не менее очевидно, что с распадом коллективного хозяйства сена стало использоваться меньше, поскольку при уровне заготовок в 13 000 т сена на одну голову скота приходилось до 80 кг, хотя его большая часть предназначалась для новых пород и, возможно, некоторое количество часть вывозилось из сума.

Традиционным решением проблемы в случае весенних заморозков в этой местности было использование зимних пастбищ (отгор). Это означает сохранение прежней стратегии активных зимних кочевков и не менее активное использование сена. Из высказывания 47-летнего чабана: «Я использую для скота только сено и никакого другого фуража. В прошлом году я накопил около 20 т сена (200 копен), используя соседскую машину. Сено идет только слабым животным, остальные кочуют на отгор на гобийское пастбище (к югу)». Пастбища в районе находятся в хорошем состоянии, несмотря на частые летние засухи и большие степные пожары. Есть некоторые признаки деградации только на тех пастбищах, где чабаны держат скот круглый год.

В последнее время в связи с проведением экономических реформ и сокращением ветеринарных услуг наблюдается снижение поголовья скота. В 1993 г. в суме было около 161 000 единиц скота, тогда как в 1975 г. – около 225 000 единиц. Необходимо учесть, что территория Дашбалбара обширна и в основном занята пастбищами – 716 500 га (из общей площади

800 000 га). Плотность скота была низкой даже в 1975 г. – около 0,32 овцы на 1 га, а в 1993 г. – на 0,22 га. Это самый низкий показатель из всех ключевых участков.

Дашбалбар особенно интересен тем, что он имеет примерно тот же размер и местоположение, что и Бишрелт Вангиин хошу, располагавшийся здесь в 1918 г. Уровень численности населения значительно не изменился (3816 чел. – в 1918 г. и 3184 чел. – в 1993 г.), а плотность скота сейчас на 10 % выше, чем в дореволюционное время (145 556 единиц скота в пересчете на овец в 1918 г. и 161 367 единиц – в 1993 г.).

Несмотря на увеличение количества овец, крупного рогатого скота и особенно верблюдов, общее поголовье скота остается довольно низким. Подобно большей части восточной Монголии, здесь очень низкая плотность населения, и, соответственно, скота. Такая разница между густозаселенными центральными регионами и малонаселенной периферией не нова для Монголии, поскольку она существовала и до революции. Косвенные данные свидетельствуют, что среднее количество скота на одно домохозяйство сейчас больше, чем в дореволюционный период, хотя в то время многие жители баннеров держали животных.

Несколько увеличилась также площадь пахотных земель, хотя по сравнению с пастбищами она очень невелика. Недавние изменения в экономике привели также к сокращению производства в растениеводстве. По словам работника местной администрации, ситуация изменялась следующим образом: «До 1950 г. мы использовали землю вдоль реки Доч под полеводство, после 1950 г. начали использовать землю около реки Улз. Новые земли под растениеводство занимали гораздо большую площадь, и в коллективный период времени она увеличилась до 2000 га. В настоящее время из-за нехватки бензина, запасных частей и денег мы используем только 500 га, и это типично для всего региона».

Сум Харгант, аймак Хулумбуир, Внутренняя Монголия, Китай. Система кочевков в Харгант суме описана выше (см. рис. 32) и дополнена данными о среднегодовой протяженности кочевков (около 60 км), полученными от наших респондентов.

Территория сума включает в себя четыре подрайона (гашаа), в каждом из которых около 50 домохозяйств. Территория каждого подрайона разделена на сезонные пастбища, за исключением более отдаленных летних пастбищ (заслан), которые находятся в общем пользовании. Летние кочевки резко сократились после роспуска народных коммун.

Каждому животноводческому домохозяйству была выделена земля среди зимних, осенних, весенних пастбищ на территории гашаа, а также земля для сенокосов. Респонденты указали, что до 1984 г. (до роспуска коммун) площади под сенокосы не фиксировались. Обычно вокруг небольших соленых озер существовало несколько участков, где трава была достаточно высокой для сенокосения. До 1984 г. местные чабаны и власти сума решали, какие места использовать для сенокоса, и в засушливые годы, когда озера высыхали и трава была плохая, использовались другие участки. В практике закрепилось поочередное использование сенокосных угодий, чтобы истощенная земля могла отдохнуть и восстановиться. После 1984 г. под сенокосы были отведены огромные территории – около 586 км² (36 % всей территории сума). Теперь они используются каждый год, причем обрабатываются с привлечением не конной тягловой силы, как раньше, а тракторов. Местные чиновники обеспокоены тем, что посторонние люди наживаются на сене, которое они вывозят из сума на продажу. Некоторые из тех, у кого брали интервью, пророчили быструю деградацию сенокосных угодий. Как сказал 54-летний чабан: «С каждым годом травы на сенокосных угодьях становится меньше, так как ежегодно люди косят сено в одних и тех же местах. Чтобы улучшить состояние угодий, нужно периодически менять места сенокосения. Больше всего пастбищ деградировало вокруг источников воды и постоянных поселений».

В 1930-е гг. чабаны из сума Харгант зимовали с ноября до марта в низине (700 м) в центральной части нынешнего сума. Затем они на два месяца кочевали на 100 км на северо-восток, к берегам р. Мергел. Летние пастбища (с июня до августа) были расположены немного выше (800 м). Затем скотоводы перекочевывали на 60 км к западу на осенние пастбища, находящиеся севернее р. Хайлар (700 м). Эти пастбища использовались с сентября по ноябрь. Когда река замерзала, можно было кочевать на зимние пастбища, примерно на 40 км.

Интересным в этой прежней системе кочевков является то, что в общих чертах она похожа на модель Базаргура, Чинбата и Ширев-Адьи, основанную на смене высот, и на систему кочевков, описанную А.Д. Симуковым как «восточно-степной тип», с летними пастбищами у рек на севере и зимними пастбищами в южных регионах, подобных гобийским, с ежегодной амплитудой кочевков около 100 км.

Сегодня мало что сохранилось в суме Харгант из старой системы землепользования, при которой на лето стада кочевали на р. Мергел, а в пределах сума семьи поочередно кочевали на зимние, весенние и осенние пастбища. После образования народных коммун в 1958–1959 гг. кочевки животноводов (или членов новых производственных бригад) были несколько ограничены, и скотоводы не могли проводить осень на севере от р. Хайлар, но летом они кочевали к р. Мергел.

Положение существенно изменилось в начале 1980-х гг., когда был закрыт доступ к летним пастбищам у р. Мергел. К началу 1990-х гг. сельские реформы породили новую модель землепользования, согласно которой многие домохозяйства остаются круглый год на одном месте со своим скотом.

Именно в этом заметном сокращении мобильности животноводов многие респонденты видят причину деградации пастбищ в районе. По свидетельству 41-летнего чабана, «существует много причин ухудшения пастбищ. Первая причина – концентрация животных вокруг центра сума из-за того, что многие скотоводы больше не кочуют на сезонные пастбища и не практикуют отор. Они не кочуют далеко от центра сума из-за школ, в которых нужно учить детей, и из-за того, что нужно продавать молоко. Многие больше не кочуют на летние пастбища, потому что у них мало скота и “овчинка выделки не стоит”. Сейчас чабаны в основном используют машины в качестве транспорта для перемещений, и многие из них, даже богатые семейства, теряют вкус к кочевкам. При кочевках приходится перегонять животных через пастбища, которые принадлежат другим чабанам, которым это, естественно, не нравится. Урон пастбищам также наносят грызуны, которые поедают корни растений, пожары и все большее использование тракторов, особенно вокруг центра сума».

Глава администрации сума связывает ухудшение пастбищ с увеличением поголовья животных. Он сказал, что общее количество скота в суме – 56 тыс. единиц в пересчете на овец, в то время как расчетным количеством является 91,2 тыс. единиц, или около 0,56 единицы на 1 га, что очень близко к расчетной норме плотности скота в Хоштолгое (Синьцзян). Глава сума заявил, что, по его мнению, на их пастбищах можно было бы содержать до 100 тыс. голов, если бы в полной мере использовались сезонные пастбища. На самом деле фактическое поголовье скота в суме немного выше отчетной цифры и составляет

около 58,8 голов, или примерно 0,36 головы на 1 га, что относительно немного.

Богатые скотоводы кочуют больше, поскольку у них для этого есть и телеги, и мототранспорт. Бедные кочуют меньше, так как скота у них меньше и, следовательно, для этого нет большого стимула. Их немногочисленные стада могут прокормиться на пастбищах недалеко от дома. Иногда они кочуют на другие пастбища, но со своими юртами и недалеко от постоянного дома.

Результатом приватизации 1980-х гг. было еще большее снижение активности кочевого животноводства в районе. Как сказал пожилой чабан, «во время коллективизации система пастбищ была более оперативной в части использования пастбищ, состава и количества животных в стаде. Мы могли указать чабанам пастбища определенное количество животных в определенных местах, выбранных по природным условиям. Далее, существовал общий парк тракторов, который использовался в интересах всей коммуны. Теперь многие частники имеют собственный малолитражный трактор, который, однако, они используют всего несколько недель в году. И еще мы раньше хорошо использовали прекрасные летние пастбища (заслан) у р. Мергел, так как государство помогало организовать кочевки».

Однако нельзя сказать, что эта оперативность в животноводстве совершенно исчезла. Из интервью чабана: «Мы делим наши пастбища между тремя братьями, и нам их хватает. Если лето плохое и пастбищ не хватает, мы уходим в район озера Ангирит, где трава лучше. Мы пасем лошадей и крупный рогатый скот вокруг наших постоянных стоянок, а после того как выпадет снег, они пасутся на зимнем пастбище. Летом мы пасем молочных коров недалеко от центра сума и, таким образом, бережем наши пастбища вокруг нашей постоянной стоянки».

«Гигант», Читинская область, Россия. Из всех мест изучения в «Гиганте» меньше всего кочевков скота (см. рис. 25), и самое большое потребление фуража. Опрошенные хозяйства используют в среднем около 60 кг фуража и 30 кг сена на единицу скота в пересчете на овец. Большинство животноводческих хозяйств проводят весь год в одной и той же местности, только немногие отгоняют животных на отдаленные пастбища. Из всех участков в «Гиганте» самая высокая степень механизации работ по производству кормов, применяется огораживание и другие интенсивные способы ведения животноводства. Вмес-

те с тем степень деградации пастбищ в регионе одна из самых высоких. Глава местной администрации прокомментировал это так: «К сожалению, в последнее время площадь под пастбища в «Гиганте» сократилась и продолжает сокращаться. Очень много пастбищ были превращены в поля. Возникли также проблемы с эрозией почвы. Качество травы на пастбищах ухудшилось, что можно объяснить слишком большой нагрузкой на пастбища. Например, в 1940 г. трава была очень хорошего качества; овец тогда в колхозе было только 4000. В 1991 г. площадь пастбищ в «Гиганте» составляла 27 737 га и 21 339 га из них (76,9 %) были подвержены эрозии».

Точных данных о площади земель в «Гиганте», используемых как пастбища, нет, но примерная плотность животных составляет от 1 до 1,5 единиц в пересчете на овец на гектар, что почти в два раза больше, чем на других ключевых участках. Очень большая площадь земли используется для заготовки сена и производства кормов: около 7000 га в самом «Гиганте» и 2400 га в соседних районах Монголии, что составляет почти четверть всей земли, используемой этим хозяйством.

Животноводы рассматриваемого участка в доколлективный период кочевали много (что сейчас наблюдается в соседних монгольских районах). Некоторые скотоводы перемещались здесь на 200 км в год.

Аргада, Бурятия, Россия. Система кочевков в Аргаде состоит в основном в перемещениях между летними и зимними пастбищами (см. рис. 25). Подобно «Гиганту» это высокомеханизованная система выращивания животных почти без кочевков. Употребление сена относительно высокое, около 45 кг в год на единицу скота в пересчете на овец.

Местные руководители также сообщали о самой высокой (до 80 %) деградации пастбищ из всех мест изучения, но и плотность скота здесь также намного выше, чем где-либо, – на 11 228 га пастбищ содержалось около 30 700 голов скота в пересчете на овец (13 000 овец, 2700 крупного рогатого скота и 700 лошадей), т.е. на каждый гектар приходилось 2,7 овцы. Однако здесь могли быть использованы некоторые дополнительные площади пастбищ. В соседнем Баунтовском районе в летнее время использовалось всего 300 га горных пастбищ из имеющихся в районе 5000 га, которые относят к используемым для других целей или совсем не используемым. Местные власти объяснили эрозию почвы перевыпасом и распашкой земель, распрост-

ранением растениеводства. По сведениям из администрации, «с середины 1950-х гг. очень быстро увеличилось поголовье овец, и к 1980 г. в районе было уже 25 000 овец. Количество крупного рогатого скота и лошадей достигло соответственно 4500–5000 и 550–600 голов. Одновременно возросла площадь используемой под полеводство земли – до 8000 га. Большая нагрузка на землю вызвала ее эрозию – как пахотных угодий, так и пастбищ. В течение нескольких последних лет поголовье скота в совхозе снизилось. Однако проведенное ранее сокращение площади земель, предназначенных для выпаса животных, и одновременный рост поголовья скота увеличили нагрузку на пастбища, что, соответственно, негативно отразилось на состоянии земель. Кроме этого, новая распашка участков с песчаными почвами способствует развитию на них дефляции и водной эрозии».

В животноводстве мало использовали кочевки до коллективизации, в отличие от случая с «Гигантом». В течение последних нескольких десятилетий интенсивность передвижения скота не снизилась, но радикально изменилось землепользование. Как уже отмечалось нами [Gomboev et al., 1995], в доколхозный период с более рассредоточенной системой расселения не было такого скопления животных в ряде мест, как в настоящее время.

Чингел Булаг, Силингольский аймак, Внутренняя Монголия, Китай. Чингел Булаг разделен на четыре подрайона (гача), каждый со своими сезонными пастбищами. Внутри гача есть пастбища для каждого домохозяйства, которые обычно группируются, чтобы образовать большую площадь земли для всей группы (хот). Эти пастбища обычно разделены на три сезонных типа: летние и осенние, зимние, весенние пастбища (см. рис. 33).

Территории двух из четырех гача рассматриваемого сума располагаются параллельно к северу от центра сума и имеют сходное разделение пастбищ. Летние пастбища расположены на высоте около 1250 м рядом с центром сума. Зимние пастбища расположены на севере района, на высоте почти 1400 м; летние пастбища несколько ниже, на высоте около 1350 м. Однако не все животноводы кочуют туда. Многие домохозяйства круглый год проводят в одном месте, обычно на весенних пастбищах или поближе к центру сума. Это относится особенно к бедным домохозяйствам.

Третий гача имеет зимнее пастбище на южной окраине сума, ниже 1100 м. Летние пастбища расположены выше – на 1200 м. Однако многие животноводы круглый год проводят на землях,

лежащих на высоте между этими высотами. Летние пастбища четвертого гача находятся вокруг центра сума; зимние – непосредственно к югу от него – на высоте около 1200 м (ниже, чем летние). Весенние пастбища расположены между ними. Именно здесь сейчас люди проводят большее время года.

Более трети частных хозяйств имеют стационарные дома на одном из своих участков, как правило, – весеннем; богатые же домохозяйства – в нескольких местах. Некоторые хоты разделяют между собой скот и оставляют несколько членов своих семей на различных сезонных пастбищах, чтобы пасти там небольшие стада.

Как среди представителей администрации, так и среди чабанов существует мнение, что пастбища здесь частично деградировали. Как объяснил представитель администрации, «пастбища в нашем суме не такие, какими они были раньше. Даже в 1960-х гг. трава была выше и гуще, чем сейчас. Причина – засухи и слишком большое количество скота. Строительство дорог также способствовало этому. Особенно плохая трава на склонах гор, где дуют сильные ветра. Почвы на них бедные, лишены гумуса и каменистые, кроме того, здесь пасется слишком много животных».

Особенно остро проблема пастбищ стоит вокруг центра сума из-за большой концентрации животных. Многие домохозяйства переступают границы своих пастбищ, чтобы быть поближе к центру сума. Некоторое время власти старались распределять пастбища таким образом, чтобы нагрузка на них была равномерной, но не слишком преуспели в этом: чабаны или вообще игнорировали распределение пастбищ, или чрезмерно использовали имеющиеся.

Часть Силингола, расположенная у монгольской границы, теоретически подпадает под «степной тип», по А.Д. Симукову (в доколхозный период), а по типологии Базаргура, Чинбата и Ширев-Адья [1989], находится где-то между типами кочевков Дорноговь и Дундговь. Можно полагать, что до коллективизации интенсивность передвижения скота была средней, но все-таки выше, чем в настоящее время. Летний сезон домохозяйства обычно проводили около воды, а зиму – на южных склонах холмов или в других защищенных местах.

Многие респонденты подтвердили, что до коллективизации кочевали больше, а скота было меньше. Например, один чабан так описал ситуацию в 1950-х гг. до установления народ-

ных коммун: «Население тогда было действительно кочевым. Трава была хорошей и, если где-нибудь не хватало осадков, чабаны могли перегнать свое стадо на другое пастбище, так что засуха не была столь острой проблемой. Но когда в 1966 г. случилась большая засуха, люди, во-первых, не были к ней подготовлены, а во-вторых, к тому времени хозяева стали держать слишком много животных и, куда бы они не кочевали, везде было много животных».

В период коммун кочевки проходили на территории четырех производственных бригад, которые соответствуют нынешним гача. Опрошенные чабаны объясняют деградацию пастбищ отказом от кочевков и слишком большим количеством скота. Один из респондентов объяснил это так: «Основной причиной опустынивания является перевыпас, то есть слишком много животных долгое время пасутся на одном и том же месте; они съедают всю траву, а овцы и козы иногда даже корни трав. Когда корни съедаются или повреждаются, почва разрушается, и при сильном ветре начинается опустынивание».

В январе 1993 г. общее количество скота в суме составляло 108 000 единиц в пересчете на овец (31 364 овцы, 13 546 коз, 8322 голов крупного рогатого скота, 3728 лошадей и 134 верблюда), что примерно соответствует официальным нормам нагрузки на пастбища – 28 му пастбища на единицу скота, или 0,54 единицы на 1 га. Один из работников администрации сума сказал, что количество скота можно поднять до 120 000 единиц. Это означает, что местное население считает возможным увеличить количество скота при лучшем использовании пастбищ. Действительно, чабаны материально заинтересованы в увеличении поголовья скота, поэтому к их мнению нужно подходить критически.

Среднегодовое потребление сена в опрошенных животноводческих домохозяйствах относительно высокое – около 48 кг на единицу скота. Общее количество сена, произведенного в суме в 1993 г., – 5500 т, что составляет в среднем по району около 50 кг на голову.

Сумбер сум, Дорноговьский аймак, Монголия. Система кочевков на данном участке представлена на рис. 32. Она показывает ежегодные перемещения в каждой из трех бригад – подразделений госхоза. В каждом из этих случаев самыми важными являются зимние и летние пастбища. Первое подразделение имеет зимние пастбища на сравнительно высоких землях на высотах 1300–1500 м. Летние пастбища расположены ниже, на

высоте 1150–1250 м, в районе р. Херлен, на севере-сума. Вторая бригада использует зимние пастбища, расположенные относительно низко, на высоте 1150 м, с некоторой защитой в виде возвышенности к северу. На лето они двигаются немного выше, на отметку 1250 м. Третье подразделение проводит лето на склонах горы Сансар (1400–1600 м), а на зиму двигается ниже на юг (1200–1400 м). Весенние и осенние пастбища – переходные, расположенные между летними и зимними стоянками. В связи с трудностями транспортировки объем кочевок в последнее время несколько снизился.

Кочевки в основном ориентированы в направлении север-юг и соотносятся с моделью Дорноговь – разновидностью *центрального халхского типа* кочевок, описанного Базаргуром, Чинбатом и Ширев-Адъей [1989]. Авторы считают, что системы кочевок в Сумбере, Даланджаргалане и Айраге во многом похожи друг на друга. Зимние и весенние пастбища расположены выше 1000 м. Осенние пастбища приурочены к равнине с солеными болотами, летние пастбища – на равнинах около воды. Это близко к *восточному степному типу*, по А.Д. Симукову. До коллективизации летние пастбища находились в северной части этих районов у р. Херлен. Зимой по крайней мере часть населения двигалась к югу в низины с пустынно-степным типом растительности. Согласно А.Д. Симукову, диаметр кочевок составлял около 100 км. В коллективный период ежегодный диаметр снизился на 25 км, но сезонные пастбища выбирали по тому же принципу: для зимних стоянок – более расчлененный рельеф для защиты от холода и ветров, летние – у воды.

В дореволюционное время территория Сумбера была частью хошу Борджигин Цецен Вангиин, которая также включала землю двух других современных сумов. Административными подразделениями хошу были отоги. Как отмечал А.Д. Симуков, семьи кочевали на гораздо большие расстояния. Респонденты более старшего возраста в Сумбере и соседнем суме Даланджаргалан подтверждали, что до революции кочевки были гораздо чаще, а стоянки короче. Их интервью пожилого чабана: «До коллективизации люди жили на зимних стойбищах только три месяца – с ноября до февраля, затем кочевали на весенние пастбища. Раньше строили ограждения для животных из камня или хорзона (высушенный навоз), без крыш. Нельзя строить деревянные зимние сараи для скота, потому что они привыкают к теплу, и при сильном морозе могут погибнуть».

И чиновники, и сами чабаны считают, что деградация пастбищ здесь незначительна, хотя несколько более старых чабанов сказали, что в их юности трава была лучше.

В случае с Сумбером было бы легко отнести такие высказывания за счет ностальгии по прошлому, если бы не доказательство, представленное Эрдэнибаатором [Erdenebaatar, 1995], согласно которому даже в Монголии, где меньше проблем с деградацией пастбищ, снизилась урожайность некоторых естественных угодий. 47-летний респондент считает, что снижение мобильности стад и качества пастбищ произошло уже давно: «В 1970-х гг. все айлы кочевали на отор. Теперь айлы остаются на зимних пастбищах зимой и осенью, и животные съедают там всю растительность».

В 1993 г. в районе было только 165 000 единиц скота в пересчете на овец (350 верблюдов, 6386 лошадей, 8147 голов крупного рогатого скота, 70 730 овец и 14 344 коз) и плотность скота была низкой – только 0,36 единицы на 1 га. Почти вся полезная площадь – 98 % из 462 498 га – занята пастбищами; очень мало земли используется под земледелие (раньше было около 1600 га пахотной земли, но теперь она сокращается).

Таким образом, анализ организации аграрного землепользования в районах Внутренней Азии и его трансформации на примере ключевых участков показывает, что системы животноводческих кочевок в регионе обусловлены тесным переплетением природных, хозяйственных и культурных факторов функционирования и развития скотоводческого общества.

Следовательно, главная перспективная цель в развитии пастбищного животноводства и совершенствовании аграрного землепользования во Внутренней Азии в ближайшее время заключается в территориальном обеспечении скотоводческого хозяйства на разных уровнях пространственной организации геосистем, чтобы это способствовало сохранению ресурсо- и средовоспроизводящих способностей пастбищных угодий в тех размерах, которые необходимы для удовлетворения потребностей традиционного общества в регионе.

Глава 5

ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В РАЙОНАХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

5.1. РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ УРОВНЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ПАСТБИЩНОМ ЖИВОТНОВОДСТВЕ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Рационализация территориальных уровней организации аграрного землепользования в пастбищном животноводстве Внутренней Азии является основанием ее сбалансированного развития и служит одним из условий достижения устойчивого состояния природной среды региона.

Выше было показано, что подавляющая часть вовлеченных в хозяйственное использование земель во Внутренней Азии приходится на сельскохозяйственные угодья, среди которых преобладают пастбища, т.е. в регионе доминирует деятельность, связанная с сельским образом жизни, прежде всего с пастбищным животноводством.

В предыдущих главах было охарактеризовано современное состояние пастбищного животноводства во Внутренней Азии и его внутрорегиональные особенности, дан анализ структуры и процесса землепользования, т.е. объектной и предметной его составляющих.

Структура землепользования как объект является отражением процесса землепользования, который, в свою очередь, порождается различными экономическими, социальными и культурными факторами. Кроме того, землепользование складывается в конкретных природных условиях и зависит от устойчивости природной среды к воздействию внешних факторов. Поэтому землепользование отражает очень широкую гамму отношений как внутри общества, так и отношения общества с окружающей его средой.

Насколько это отвечает решению проблем сохранения природы и развития хозяйства и культуры народов, населяющих Внутреннюю Азию? В ответе на этот вопрос заключается определение направлений поиска возможностей для создания условий оптимизации развития аграрного землепользования в различных частях Внутренней Азии.

Мы полагаем, что всякой территории, вне зависимости от ее местоположения и размера, присущ ряд функций, которые проявляются как в ее пределах, так и на территориях более высокого ранга – от средообразующих до хозяйственных, социальных и культурных, включая религиозные (обо, храмы, монастыри и т.д.), которые используются обществом как прямо, так и опосредованно. Эти функции неравнозначны, они делятся на главенствующие и второстепенные, и каждая имеет ограничения как в экономическом, социальном или общественном отношении, так и в средообразующем и природоохранном. Эти ограничения естественные, т.е. объективно присущие конкретной территории. Общество стремится сохранить устойчивое состояние и развитие тех функций, которые являются наиболее важными с точки зрения оптимального жизнеобеспечения будущих поколений. При этом общество ранжирует их в соответствии со своими интересами. В свою очередь, функции любой территории обладают свойством динамичности, т.е. изменчивости во времени в зависимости от меняющейся природной среды и условий общественного развития.

Последствия использования конкретных территорий проявляются не только в их собственных границах, но и за пределами местности, различным образом воздействуя на другие районы. Однако основной проблемой считается выявление и ранжирование основного набора функций внутри конкретных территориальных образований. При этом неизбежно должны присутствовать черты соревновательности (или конфликтности), проявляющейся в предпочтении обществом развития тех или иных функций. Следует подчеркнуть, что подобная конкуренция возникает, во-первых, в результате разного использования земель (например, лесо- и сельскохозяйственного), во-вторых, в случае доминирования одной функции над другими (например, хозяйственной над средообразующей на лесных землях в Баргузинской котловине).

Диапазон возможных видов использования земель может быть достаточно широким. Задача заключается в установлении оптимального их соотношения для каждого типа угодий, которое могло бы способствовать сохранению природной и культурной среды каждой конкретной территории Внутренней Азии.

Исследование структуры и процесса землепользования в пастбищном животноводстве во Внутренней Азии, как в целом по всей территории региона и его крупным частям, так и по

ключевым участкам на уровне низовых административно-территориальных образований, позволяет сделать ряд выводов.

Система традиционного землепользования в кочевом обществе Внутренней Азии на протяжении прошлого столетия претерпела значительные и зачастую драматические изменения, обусловленные сменой политической и социально-экономической среды. Они носили разновременный характер в различных частях региона и имели неоднозначные последствия. Процесс изменений продолжается и в настоящее время с той же интенсивностью, как во время смены частной формы собственности на коллективную. Но сегодня это движение разворачивается в обратном направлении – к частной форме собственности. Такая двойная трансформация на протяжении столь короткого исторического периода не могла не повлиять на систему кочевого скотоводства, которая остается одной из основных отраслей хозяйства во Внутренней Азии.

Таким образом, основными причинами, вызывающими деградацию природной среды во Внутренней Азии и трансформацию образа жизни коренных народов, являются изменения в социально-экономической среде региона, повлекшие за собой перестройку системы расселения и выпаса во многих его частях. Для выявления истоков этих проблем мы попытались разграничить внешние и внутренние факторы неблагоприятия, вызвавшие деформацию традиционных социальных структур.

Анализ структуры и процесса землепользования в регионе показал, что кочевое скотоводство основывается на очень широком использовании земель. Данный вид эксплуатации угодий является самым землеемким видом человеческой деятельности, так как для производства единицы продукции здесь требуется больше площадей, чем при всех других видах использования территории, где земля играет роль производительной силы.

Изучение пространственно-временной эволюции традиционных систем аграрного землепользования в пастбищном животноводстве во Внутренней Азии выявило социально-экономические причины, дифференцированные в соответствии с основными этапами общественного развития региона.

Следовательно, устойчивое состояние географической среды Внутренней Азии в целом и ее отдельных территориальных единиц до уровня низовых районов, вовлеченных в пользова-

ние пастбищным животноводством, должно обеспечиваться, прежде всего, пространственным и временным (сезонным) балансом эксплуатации земель.

5.2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ С ПОЗИЦИЙ ОПТИМИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ ПАСТБИЩНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА

Общественно-экономическое развитие Внутренней Азии в течение прошлого столетия претерпело кардинальные изменения, которые, как отмечалось выше, часто имели в экономическом смысле противоположное направление (от частного – к общественному, и наоборот). Эти изменения в различных государственных образованиях на территории региона, не всегда совпадавшие в историческом разрезе, тем не менее имели сходную политико-экономическую природу. Во всех трех государствах, расположенных на территории Внутренней Азии, в контексте изменения отношений к собственности выделяются три этапа общественного развития:

1. Дореволюционный (до обобществления основных средств производства).
2. Социалистический (при общественной собственности на средства производства).
3. Транзитивный (смена общественной собственности на средства производства на многоукладную экономику).

Соответственно, менялась и политика центральных правительств в отношении развития животноводства, а местные учреждения служили ее проводниками. Сегодня принятие управленческих решений во многом зависит от регионов и отдельных территорий, поэтому особую значимость приобрели сельские учреждения. Известно, что движущей силой развития животноводства служит спрос на его продукцию, который находится теперь вне контроля местных учреждений и вне их власти. Тем не менее на основании выполненного исследования могут быть сделаны определенные выводы относительно проблем местного управления животноводством и их влияния на аграрное землепользование в целом, а через него и на качество окружающей природной среды.

В России за длительный социалистический период сложилось мнение, что коллективные хозяйства имеют большую эко-

номическую безопасность, и нам представляется, что они останутся востребованными в течение еще длительного времени, соединив коллективную организацию производства с частной собственностью на средства производства. Крупное коллективное хозяйство в качестве источника дохода имеет большие стада, поддерживаемые рядом других секторов. Такая организация производства удерживается при помощи связей, получивших развитие в советский период и обеспечивающих взаимозависимость различных секторов с высокой степенью механизации, технической вооруженности труда (электродоение, электрическая стрижка овец, теплые коровники и кошары зимой и т.д.). Социалистическая система труда адаптировалась к такой организации, и поэтому в случае разрушения сложившихся технологических процессов вся необходимая в животноводстве работа уже не может быть сделана вручную. Более того, невозможно за короткий период в массовом порядке заменить существующие породы скота на более выносливые. Это означает, что коллективные хозяйства вынуждены сохранять пашни для выращивания корма, иметь сенокосные луга для заготовки сена и держать животных в загоне большую часть года.

Состояние пастбищного животноводства в Тыве, а также государственных хозяйств в Китае показывают, что большие коллективные хозяйства могут осуществлять производство, при котором природная среда остается сохраненной. Отсутствие самостоятельности в организации их хозяйственной деятельности не порождает больших проблем. Многие опрошенные в Тыве респонденты признали, что они привыкли к зарплате и производственным нормам и хотели бы, чтобы этот порядок сохранился. Более того, в отличие от некоторых опрошенных бурят, они не жаловались, что приходится кочевать со стадом в течение года. Проблемой является то, что их образ жизни зависит от зарплаты и предоставляемых услуг, т.е. от способности хозяйства получать соответствующий доход от реализации своих продуктов. Со снижением реальной зарплаты в связи с ухудшением условий реализации продукции люди в моноживотноводческих коллективах стали жить хуже, не имея возможности купить необходимый набор продуктов и товаров. Одновременно сократились некоторые услуги хозяйства, например, по предоставлению грузовиков для кочевков. Работники оставлены без помощи и в решении проблем со своим личным скотом, тогда как уменьшение подвижности стад может нанести вред пастби-

щам. В Китае сокращение личного поголовья скота у работников государственных хозяйств компенсируется постоянно растущей зарплатой и другими выгодами, льготами, появившимися в результате внешнего инвестирования в эти организации. Но в Тыве, как видно, дело обстоит по-другому.

Некоторые коллективные хозяйства в российской части региона приходят в упадок и становятся лишь формальной «внешней оболочкой», в которой люди вынуждены вести самостоятельное хозяйство для обеспечения средствами существования. Такие хозяйства зачастую распадаются и превращаются в мелкие корпорации или ассоциации. При этом значительная площадь пахотной земли переводится в залежь, а численность коллективного скота сокращается. В результате этого многие люди покидают землю и переселяются в город, у оставшихся личные хозяйства приобретают все большее значение.

Существуют различные варианты развития сельскохозяйственного производства, а вместе с ним и аграрного землепользования [Потаев, 1994]. Один из них, в определенной степени реализуемый в Бурятии, – это формирование акционерных обществ на основе ассоциаций фермеров. При распаде коллектива все члены ассоциации могут получить акции, а при стабилизации цен на сельскохозяйственную продукцию – прибыль от доходов. Такая форма организации предотвращает развал сельского сообщества. Постепенно новые фермерские ассоциации могут образовывать небольшие хозяйства на некотором расстоянии друг от друга, так чтобы у каждого было пространство для собственного пастбищно-сенокосного комплекса. Это является в определенном смысле возрождением дореволюционной бурятской системы расселения, где домохозяйства были рассеяны, а не сконцентрированы в сравнительно крупных поселениях. Важным направлением такой работы должно стать возрождение системы утугов. Этот процесс еще не получил должного развития в Бурятии, хотя в Баргузинской долине частные животноводы уже начинают возрождать традиционную технологию утугов. Крупные колхозы отбросили эту систему и сконцентрировали скот около больших поселений, что отрицательно повлияло на состояние пастбищ (в период между 1959–1993 гг. число сельских поселений в Бурятии сократилось с 2436 до 615). В ряде наших работ показано [Gomboev et al., 1995], что наибольший вред окружающей среде наносится вблизи деревень, а по мере удаления от них отрицательное влияние уменьшается. Здесь нет

острой необходимости в увеличении кочевого содержания скота, как в Монголии или Тыве. Эта модель предполагает рассеянное поселение при оседлом развитии. Очевидно, что такая территориальная организация животноводства и землепользования наиболее рациональна в условиях Бурятии. Она является одной из основных возможностей радикального изменения положения в сельской местности и возрождения сельского хозяйства, развития фермерства в сочетании с кооперацией и предпринимательством [Михайлов, 2001а].

Таким образом, ближайшее будущее животноводства в российской части региона выглядит еще достаточно неопределенным. Важное направление его развития, на наш взгляд, заложено в комбинировании частных ферм и ассоциаций с небольшими коллективными хозяйствами, более соответствующими экстенсивному и специализированному типу организации производства. Но этот процесс может быть перспективным лишь в том случае, если районные и местные власти получат большие права для рационального распределения и использования земли.

Одним из путей решения проблемы рационализации кормовой базы и количества скота в Республике Бурятия должна стать система следующих мероприятий:

1. Приведение в соответствие количества скота и кормовой базы. Это положение, в свою очередь, должно обеспечиваться более конкретными мероприятиями.

2. Установление оптимальной структуры стада, экологически и экономически соответствующего как природным условиям, так и существующему спросу на продукцию животноводства. Сейчас в Бурятии наблюдается благоприятная тенденция сокращения (до определенных пределов) количества овец и увеличение доли крупного рогатого скота в структуре стада – вследствие сокращения спроса на продукцию овцеводства и несоответствия цен и затрат на ее производство.

3. Расчетная оптимальная структура стада должна быть приведена в соответствие со структурой сельскохозяйственных угодий. Это прежде всего означает сокращение посевов зерновых культур до размеров, обеспечивающих внутривладельческие нужды; увеличение доли посевов некоторых однолетних трав, которые дают наибольшую и стабильную урожайность в местных природных условиях; окультуривание пастбищ (посев многолетних трав, введение пастбищеоборота).

На локальном уровне в Баргузинской долине для восстановления почвенного плодородия необходимо проведение комплекса мероприятий [Баргузинская котловина, 1993]. Главные из них следующие.

1. Полностью вывести из оборота на 2–3 года сильноэродированные пашни, отвести их под культурное залужение с интенсивной агротехникой и произвести лесопосадки (полезащитные лесные полосы), что соответствовало бы почвенно-климатическим условиям и животноводческому направлению отраслей специализации сельского хозяйства. Одновременно приступить к поэтапному разворачиванию тех же мер и на среднеэродированной пашне.

2. Прекратить использование сильноэродированных пастбищ, провести на них комплекс агротехнических мероприятий по повышению плодородия.

3. Изменить структуру посевных площадей. Все еще велик удельный вес пшеницы в посевах зерновых, мало пашни занято зернофуражными культурами, однолетними и многолетними травами. В комплексе с другими мероприятиями это позволит поднять плодородие земель.

4. Пересмотреть структуру животноводства в сторону резкого сокращения поголовья овец при увеличении количества крупного рогатого скота и лошадей.

5. Восстановить и развивать оросительно-осушительную мелиорацию. В условиях систематических засух поливные земли могут иметь большое значение, особенно для производства овощей, картофеля и грубых кормов. Вследствие неудовлетворительного состояния и эксплуатации мелиоративных систем, невыполнения необходимого агротехнического комплекса мероприятий урожайность на орошаемых и осушенных землях остается низкой и лишь на 20–30 % отличается от богарных посевов.

В Китае во всех животноводческих районах прилагают некоторые усилия для улучшения пастбищ, например, огораживают деградированные площади. Но это составляет ничтожную часть по сравнению с необходимыми мерами [Hurelbaatar, 1995].

Например, в Синьцзяне предлагаются следующие методы совершенствования использования естественных кормовых угодий [Grasslands..., 1992]

1. Совершенствование планирования, при котором пастбища должны быть разделены согласно сезонному распределению

нию, и предпочтение должно быть отдано зимним и весенним пастбищам.

2. Развитие систем выпаса, включающее внедрение пастбищеоборота (ротации), рациональное разделение стад по породам, возрасту, полу и т.д., удлинение периода выпаса на летне-осенних пастбищах, совершенствование технологии заготовки сена.

3. Улучшение и восстановление естественных кормовых угодий с обеспечением водой и совершенствованием транспортной и иной инфраструктуры (постройка местных дорог и мостов, навесов для животных и т.д.), орошение и удобрение пастбищ, борьба с сорными растениями и закустаренностью пастбищ, защита кормовых угодий от грызунов, контроль над процессом засоления земель.

В Монголии и особенно в китайской части региона во время наших опросов некоторые животноводы выражали желание огородить свои собственные пастбища. В длительной перспективе эти улучшения привели бы к ограничению размеров стад, более быстрому обороту скота, повышению его продуктивности и качества. Но в настоящее время многие просто хотят иметь больше животных, что связано еще и с традиционными представлениями о достатке скотоводов. Такая практика возможна только в условиях существования традиционных скотоводческих сообществ, подобных сохранившимся во Внутренней Азии, и при сочетании с кочевым животноводством, но она не срабатывает на закрепленных пастбищах. При наличии современной организационной структуры вряд ли возможно увеличение мобильности животноводства, поскольку в административном отношении оседлость животноводов остается методом контроля и считается знаком прогресса. Правда, если даже стремление к оседлости будет усиливаться, домохозяйства могли бы создать ассоциации для ограниченного совместного кочевого животноводства (например, перегон на длинные расстояния лошадей или овец, выпасаемых поочередно, друг за другом на одних и тех же пастбищах). Однако опыта такой организации пока нет, и в целом «автономизация» сельского общества вряд ли будет способствовать ее появлению.

Если бы администрация вместо попыток контролировать каждое домохозяйство способствовала появлению ассоциаций из местных жителей, животноводы сами управляли бы использованием пастбищ более ответственно и гибко.

В целом во Внутренней Азии организация пастбищного животноводства должна основываться на сбалансированном соотношении управляющей и производственной деятельности государственных учреждений, корпораций, ассоциаций и домохозяйств. Подобный баланс должен привести к устойчивому аграрному землепользованию в регионе.

5.3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПАСТБИЩНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

В данном разделе представлены перспективы развития пастбищного животноводства в регионе, идущие вразрез со сложившимися стереотипами в отношении Внутренней Азии.

Изучение проблемы взаимодействия подвижности животноводства и аграрного землепользования показало, что ухудшение пастбищ связано с отсутствием мобильности в пастбищных системах. Как в дореволюционный, так и в коллективный периоды частая смена пастбищ поддерживалась крупными скотоводческими институтами, но в результате того, что многие семьи приватизировали скот, это движение пошло на спад. В ходе исследования выяснилось, что более мобильные участки находились в горных районах, а также в тех областях Тывы и Монголии, где государство или коллективное хозяйство продолжали формировать и поддерживать пастбищное движение. Вследствие малой мобильности и культивирования кормов с использованием тяжелой техники в районах Бурятии произошло значительное ухудшение пастбищ. В результате приватизации во многих районах Китая также наблюдается заметное снижение качества пастбищ. Эти заключения подтверждают мысль о том, что устойчивое пастбищное животноводство в степных районах Внутренней Азии не может быть достигнуто без поддержания кочевничества.

В Монголии долгие кочевки использовались как в дореволюционный, так и в социалистический периоды в качестве стратегии для увеличения животноводческого производства. Такая технология использовалась крупными скотоводческими институтами, в первую очередь, не для производства продукции для собственного потребления и последующего обмена на нужные товары, а для крупного товарного производства. Это положение бросает вызов сложившемуся взгляду о том, что сезонная миграция – это всего лишь «примитивный способ выживания»,

а также что единственным способом повышения животноводческого производства является снижение подвижности скотоводческих групп.

На протяжении XX в. в регионе происходило общее снижение мобильности домашнего скота. Как ожидали многие наблюдатели, уход от социалистических институтов не остановил этот процесс, а наоборот, усугубил тенденцию ограничения подвижности. Последствия этих перемен нельзя считать необратимыми, но сложно представить те мотивы, по которым простые скотоводы возобновили бы трудные и долгие сезонные кочевки. Возможно, что в Монголии частные скотоводы или организации, обладающие большим количеством скота, смогут создать подобные системы, используя наемный труд. В то же время в Китае представляется затруднительным широкое восстановление и распространение скотоводства, если не произойдет серьезных изменений в политике в части пастбищного животноводства. В российской части региона затруднительно восстановление и увеличение частоты кочевков, поскольку недостаток пастбищ препятствует продолжительным передвижениям на дальние расстояния. Общий анализ перспектив аграрного землепользования в регионе сводится к тому, что в обозримом будущем использование земель в пастбищном животноводстве во Внутренней Азии в территориальном отношении будет осуществляться в пределах границ сложившихся ареалов пастбищ.

Для всего региона определение оптимальных основ для институциональных образований невозможно, так как существуют большие внутрорегиональные различия на уровне социальных, культурных и экономических условий. Однако наше исследование позволяет сделать некоторые выводы об отношениях между формой института и определенными стратегиями в пастбищном животноводстве. В целом для достижения устойчивого развития основными направлениями реализации региональной политики должны быть следующие: структурная перестройка регионального хозяйства с учетом состояния природно-ресурсного потенциала; совершенствование производственной и социальной инфраструктуры, создающей благоприятную внешнюю среду для развития производства; проведение мероприятий по охране природной среды; защита социальных и экологических интересов населения. В результате подобных мероприятий региональная хозяйственная система будет характеризоваться не только относительной экономической обособлен-

ностью, но и целостностью воспроизводства [Котляков и др., 1999].

Крупномасштабные институты (монастырские и феодальные образования до революции, большие предприятия в социалистический период) сыграли важную роль в поддержании и обеспечении кочевого животноводства во Внутренней Азии. Они позволяли осуществлять значительные кочевки, а также предоставляли основные услуги и средства для поддержания коллективного образа жизни в животноводческом обществе, оказывали помощь в сборе и реализации продукции животноводства. Другим важным преимуществом крупных производственных предприятий была возможность иметь специализированных скотоводов и совмещать выпас скота на пастбищах с поддержанием высокого качества пастбы (как это показано в различных ситуациях на государственной ферме в Барколе «Красная звезда», а также в районе Сарджок, описанных в главе 3). По данным наших респондентов, на крупной государственной ферме пастбище и скот были в хорошем состоянии, тогда как в Сарджоке на фоне большого количества мелких частных скотоводческих хозяйств наблюдается ухудшение пастбищ. Даже принимая во внимание то, что мы не могли полностью учесть возможное влияние личных интересов администраторов (тех, кто мог использовать модель государственной фермы в собственных интересах), похожие мнения были высказаны скотоводами и жителями во многих районах.

Мы полагаем, что крупномасштабные организации – там, где они еще существуют – играют положительную роль в управлении скотоводческой экономикой в комбинации с другими формами организации животноводческого производства в регионе. Однако это не означает необходимости возвращения к коллективам социалистического типа. Они не являются единственно возможной формой крупномасштабных организаций. Определенные коллективные функции могут быть воссозданы в широкомасштабных домашних хозяйствах или малых ассоциациях, которые вправе организовать и иную деятельность. Кроме того, подобная стратегия не обязательно подразумевает коллективное производство, она равно может осуществляться и одним скотоводом, планирующим увеличить свое хозяйство.

Процесс приватизации не должен рассматриваться как простое устранение государственных институтов от управления животноводческим хозяйством. Он предполагает создание но-

вых форм социальной организации хозяйства – главным образом, в виде частных семейных предприятий. Домашнее хозяйство всегда играло важную роль во Внутренней Азии – и в социалистический период, и до него, и сегодня, – оставаясь основной производительной единицей почти во всем регионе, кроме России. Главной целью производства в домашнем хозяйстве всегда остается пропитание членов семьи. К тому же в условиях отсутствия финансового обеспечения становится все труднее изыскивать инвестиционные ресурсы в производство, также как и создавать новые рискованные предприятия, специально ориентирующиеся на рынок. Вот почему только в наиболее благоприятных условиях (например, вблизи рынков сбыта или городов) животноводческое частное хозяйство может функционировать как маленькая ферма.

Находясь в составе более крупной организации, домохозяйства могут рационально организовывать производство. Были предприняты попытки создать ассоциации домохозяйств, таких как монгольский хоршолул или объединенные крестьянские хозяйства в Бурятии и Тыве. Они сотрудничают на основе обмена техникой и технологиями, доступа к ресурсам и реализации продукции, совместного разведения скота и т.п. Такие небольшие ассоциации разбросаны по всему региону, и причины, по которым они появились и функционируют, очень разнообразны. Многие из этих хозяйств потерпели неудачу в жесткой экономической среде последних лет (высокая инфляция, низкие цены на животноводческую продукцию, отдаленность рынков, удорожание топлива и т.д.). Однако во многих местах животноводы не оставляют попыток их создания, например, в Бурятии, поскольку необходимость механизации сельского хозяйства побуждает людей объединяться и совместно владеть техникой, используя коллективную технологию.

В прошлом стратегия кочевков на дальние расстояния была особенно актуальна в горных, степных и иногда в Гобийских районах, где в силу разнообразия природных условий имеются хорошие сезонные пастбища для скота разных видов и возраста. Однако существовало много территорий, где этой стратегии придерживались редко, особенно в лесостепных местах на севере региона. Здесь, в частности на территории Бурятии, в дореволюционное время разведению овец и лошадей уделялось меньше внимания, нежели крупному рогатому скоту [Тулохонов, 1992]. В середине 1990-х гг. на фоне массового сокращения по-

головья овец в этих районах начался возврат к более широкому разведению крупного рогатого скота в сочетании с производством кормов. В настоящее время это направление развивается в частных хозяйствах, поддерживаемых коллективами, производными от колхозов и совхозов или являющимися непосредственными преемниками коллективных предприятий времен социализма. Последние предоставляют помощь механизмами и машинами, без чего малым хозяйствам было бы трудно выжить. Во время интервью скотоводы подчеркивали, что не желают полностью отделяться от больших коллективов в качестве частных фермеров, что внутри частично защищенного ядра бывшего предприятия они ценят свою новую самодостаточность, возможность работать на себя и принимать собственные решения.

Одним из наиболее интересных и важных социально-экономических вопросов в пастбищном животноводстве региона является вопрос о местном лидерстве после того, как было упразднено прямое государственное управление сельскохозяйственным производством, в том числе скотоводческим. Культура лидерства в регионе уходит корнями в историю, долгое время играя центральную роль в организации хозяйства. Например, система культивации кормов *манчу* в Монголии, описанная Эрдэнэбаатором [Erdenebaatar, 1996], имела своего лидера. Такое сельское хозяйство осуществлялось официально признанными фермерскими отделениями (*тариг*), состоящими из нескольких домохозяйств. Каждое из отделений управлялось одним главой (*англин даамай*). Система землепользования была не просто набором приемов взаимной помощи, выполнявшихся отдельными домохозяйствами. Это была четко скоординированная главами групп структура. Ее можно сравнить с системой бурятских утугов (культивирование лугового сена). Домохозяйства объединялись в совместной работе в поле и имели равные права, но глава или собрание старших ежегодно принимали решения по распределению земли и воды, обеспечению работы ирригационных каналов и т.д.

В настоящее время в Монголии руководство в состоянии предотвратить предсказуемые конфликты по поводу пастбищ на разных общественных уровнях, возникающие после приватизации. Местные лидеры владеют подробной информацией о том, в каком направлении движутся скотоводы, отвечают не только за решение конкретных конфликтов, но и за получение разрешений разного уровня (например, на доставку горючего, регис-

трацию постоянного места жительства, пастьбу за пределами территории администрации и др.). Наше обследование показало, что установление института лидерства в производственных группах является важным принципом организации общества Внутренней Азии и рассматривается респондентами как естественный путь развития производства и жизни общества. Например, в Монголии после проведения деколлективизации появились хоршоо (кооперативы), основанные на способности их лидеров организовать новую независимую экономическую единицу.

Другим стереотипом мышления, распространенным в среде изучающих пастбищное животноводство, является представление о том, что кочевое скотоводство – это сугубо экстенсивная производственная технология с низкой производительностью. Однако для условий Внутренней Азии это слишком простое заключение.

Хорошо организованные частые передвижения на дальние расстояния требуют высокого уровня их организации, большого вложения труда, создания определенных усилий и условий для достижения высокой производительности животноводческого хозяйства (работы по наблюдению и уходу за скотом, знания местных биоклиматических условий, наличия специального оборудования и транспорта и т.д.). Альтернативой этой стратегии является минимальное передвижение скота с низкой степенью трудовых затрат. В этом случае система дальних кочевок может рассматриваться как устойчивый метод интенсификации скотоводческого производства, так как расширение сезонных кочевок требует не только более обширных просторов земли, но и увеличения трудовых затрат. Местные скотоводы признают, что такой способ для земли более продуктивен, нежели использование коротких кочевок, и отмечают, что высокая продуктивность от каждого животного также могла быть достигнута при более передовой технологической базе с кормлением животных более качественными кормами с минеральными и другими добавками.

Интересно сравнить стратегию кочевого скотоводства с более поздней линией экономической интенсификации – внедрением оседлого образа жизни с агропромышленным развитием. На примере трудовых затрат при кормлении скота легко пронаблюдать два способа их увеличения. В высокоподвижных скотоводческих системах растительность становится доступной животным в результате их частого передвижения, а значит – вложе-

Рис. 40. Схема соотношения затрат труда, уровня механизации и степени подвижности в животноводстве.

ния труда скотоводов. В оседлой модели труд расходуется на выращивание кормов, затем их сбор и скармливание животным, находящимся в относительно стационарном состоянии. В обоих случаях требуется больше работы, предусмотрительности и организации, чем во время пастьбы животных в радиусе нескольких километров круглый год. Существует обычное представление о том, что кочевки на дальние расстояния представляют собой архаичский пережиток, и для современного хозяйства подходит только технология, при которой животные кормятся, оставаясь в стойле. Однако в обоих случаях количество необходимого труда может быть поддержано за счет повышения уровня механизации. Это отражено на упрощенной схеме [Humphrey, Sneath, 1999] (рис. 40), на которой точки A и C представляют собой разные способы приложения труда с увеличением его количества и качества. В точке B отображен минимальный уровень трудозатрат.

На этой схеме термин «труд» определяет сложность организации функционирования определенной системы, а не количество работников. Точка C представляет собой кочевую экстенсивную систему использования земли под пастбища с частым передвижением, требующую высокого уровня организации труда, наличия людей, подготовленных к управлению перемещением животных, семьи и домашнего скота достаточно часто и иногда на большие расстояния. Часть работы может быть об-

легчена за счет использования силы животных, но в большей степени – за счет механизированного транспорта, а также других видов при производстве продуктов, обеспечении водой, топливом, сеном, товарами потребления и внедрении техники и технологии (дизельные электрогенераторы, молочные сепараторы и т.д.).

Точка А отражает относительно высокий объем труда, необходимого для поддержания полностью статичной скотоводческой системы: вспашка земли, заготовка сена и кормов, сбор урожая и скормливание его скоту. К тому же в условиях Внутренней Азии очень часто необходимы ирригация и удобрение полей. При выполнении всех этих задач также можно добиться снижения объемов необходимого живого труда путем применения животных или механизации. При стационарном способе обычно производится больше продукции от каждого животного. И хотя продуктивность одного животного в статичной системе у новых производительных пород может быть выше, очевидно, что мобильная система более эффективна, если брать в расчет все затраты и производительность.

Малые производители (точка В на модели) без привлечения инвестиций не способны обеспечить труд и механизацию, необходимые для достижения любой формы интенсификации, им также недостает организационных ресурсов более крупных институтов для получения доступа к большим площадям земли. Без такой поддержки существует опасность «отступить» к нижней точке, которая вообще не требует большого труда и также относительно не мобильна. Важно отметить, что государственные и коллективные хозяйства были способны поддержать обе формы интенсификации путем механизации. Так, в 1988 г. в хозяйстве с высокомобильной системой пастбищного животноводства «Монгун-Тайга» (Тыва) все кочевки осуществлялись с помощью грузовиков, выделенных хозяйством, и скотоводы часто использовали мотоциклы, чтобы добраться до пастбищ и даже для некоторых способов пастбы. Это значит, что механизация (подвоз воды и товаров, транспорт для перегона скота, сенокосилки и т.д.) может быть использована для поддержания традиции высокой скотоводческой продуктивности во Внутренней Азии на основе кочевок. В существующих экономических обстоятельствах это требует от местных властей точных и своевременных решений по обеспечению топливом, средствами передвижения, ремонтной базой и т.д. В настоящее время во Внут-

ренней Монголии, по нашим данным, около трети скотоводов имеют мини-тракторы, используемые для личных нужд и небольших перевозок. Но высокие цены на топливо и отсутствие возможностей для ремонта, неравномерное распределение тракторов привело к тому, что именно скотоводы не в состоянии перемещаться на дальние пастбища, например в Харганте, где отдаленные земли не могут быть полностью использованы.

Скотоводы Внутренней Азии стремятся иметь жизненные стандарты, равные условиям жизни остального населения: получать доступ к товарам, услугам, культурным ценностям и информации из центров районов и более крупных городов. Но такая сельско-городская интеграция не должна происходить за счет приходящих в упадок пастбищ. К тому же установление оседлого образа жизни скотоводов может повлечь потерю культурных навыков и традиций.

Таким образом, в области социальных преобразований аграрного сектора в странах с традиционным скотоводческим хозяйством предлагается сочетать государственный, частный, смешанный, общинный и кооперативный секторы, строго соблюдая принцип добровольности при кооперировании. При этом актуальными остаются проблемы интенсификации сельскохозяйственного производства, а также вопросы кредитной политики в аграрном секторе [Дмитревский, 2000].

Установление оседлости на степных территориях региона до сих пор не сочетается с поддержанием действующего пастбищного скотоводческого сектора, хотя исторически во Внутренней Азии существовали социальные группы, обладающие как оседлыми, так и кочевыми секторами (например, буддистские монастыри с зависимыми скотоводами); также давно существуют поселения, в которых население живет оседло только один сезон в году. Еще позже появились и развились демографические и переселенческие изменения, посредством которых элементы городской культуры были занесены даже в самые отдаленные места. Современное расположение крупных городских центров в регионе показано на рис. 41. Наше исследование доказало, что сельско-городская интеграция и переход на оседлый образ жизни – это два отдельных процесса, протекающих во Внутренней Азии отдельно. Данные процессы укладываются в концепцию «центр – периферия» в той ее части, где мозаичность естественных и культурных ландшафтов создает определенные предпосылки к внутри- и межрайонным различиям в

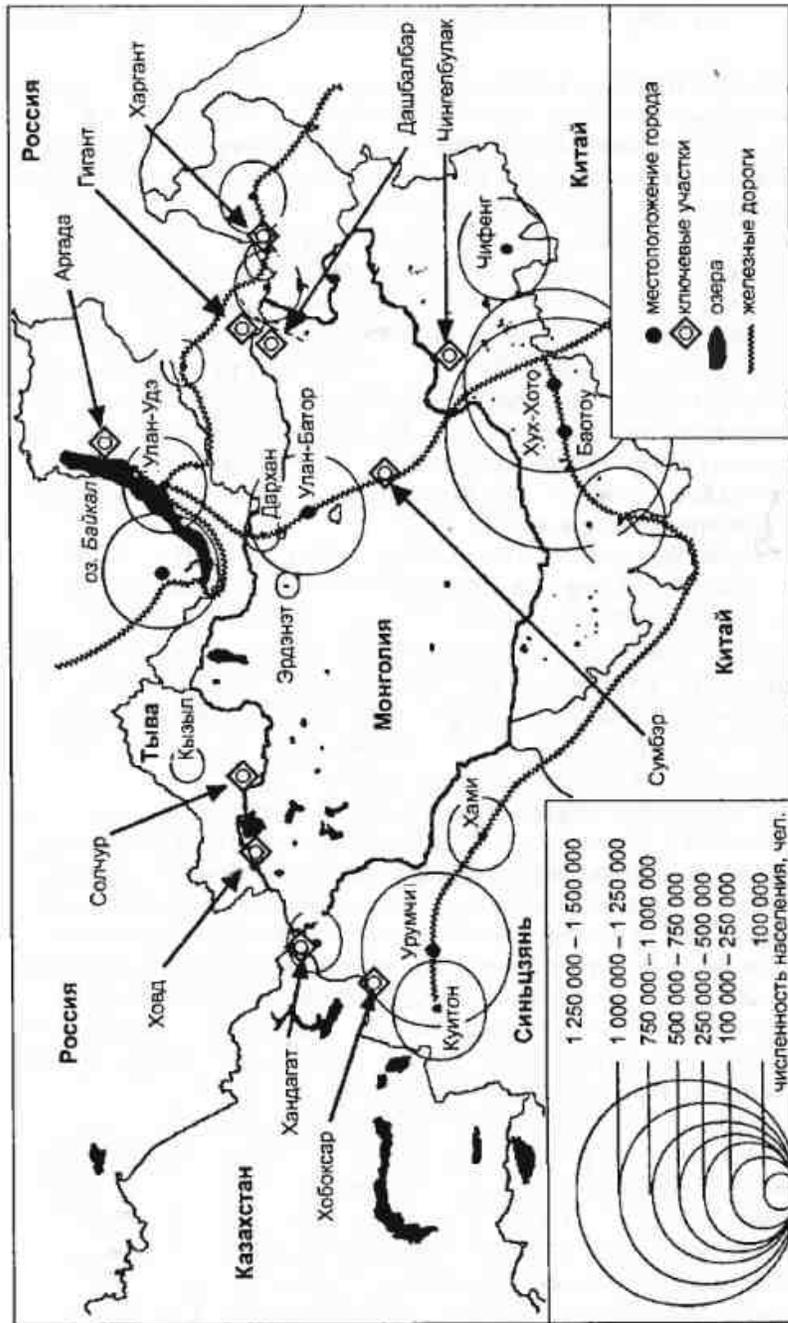

Рис. 41. Основные города Внутренней Азии и ключевые участки.

социально-экономической сфере [Пуляркин, Егоров, 2000; Липец, Пуляркин, 2001].

Есть много причин предполагать, что установление полностью оседлого образа жизни в скотоводческом обществе Внутренней Азии не должно определяться в качестве цели. Взаимопроникновение оседлого и кочевого образов жизни было одним из преимуществ коллективных структур в социалистический период, несмотря на многие недостатки. В Бурятии механизация проводилась в основном в направлении развития оседлого животноводства, что позволило сельскому населению вести относительно комфортабельный образ жизни; в Тыве и Монголии, хотя механизация никогда не была высокоразвитой, она поддерживала другую сторону – кочевую.

Специфика кочевого скотоводства (большие расстояния, трудности доставки машин и механизмов в отдаленные районы, а также привлечение инвестиций в производство) влечет необходимость создания и поддержания общественных институтов, организующих связь между животноводческим и обрабатывающим производством, между оседлым и кочевым секторами.

Все признаки говорят о растущей поляризации в социальной и экономической сферах во Внутренней Азии. Внутренняя Монголия и Синцзянь, по сравнению с быстроразвивающимся восточным и юго-восточным побережьем Китая, являются регионами сырьевого производства. Перспективы реализации известного проекта «Трех ущелий» значительно усилят возможности орошения северных территорий Китая, и развития здесь земледелия. Это, несомненно, увеличит приток китайского населения в эти районы, а значит, и экономическое влияние Китая в целом по региону. Монголия и даже более северные части Внутренней Азии, входящие в состав России, могут в значительной части войти в орбиту действия крупных китайских рынков. В условиях перехода государств региона, в том числе и России, к открытой рыночной экономике отчетливо проявились экономико-географические и геополитические контрасты районов Внутренней Азии, относящихся к разным странам. Например, плотность и численность населения, уровень освоенности территории, показатели экономического роста и емкость рынков, состояние социальной сферы в рассмотренных частях региона существенно ниже, чем на соседних территориях [Переход..., 2002].

В недавнем прошлом Внутренняя Азия была не только экономической, но и политической периферией по отношению к

доминирующим центрам России и Китая. Текущие реформы, направленные на трансформацию в рыночную экономику, также проводились в соответствии с взглядами на развитие общества в России и в Китае. Многие недостатки доминирующих обществ, такие как неэффективность управления, бюрократизация и недостаток мотивации в производстве, пустили корни во Внутренней Азии, поэтому усилия реформ здесь направлены на решение проблем, общих для китайского и советского обществ.

Тем не менее в социалистический период политическая автономия Монголии и до известной степени Тывы позволили в определенном объеме приспособиться к социалистическим моделям институтов во имя сохранения традиционных скотоводческих знаний и технологий пастъбы.

Возврат к старым методам пастбищного скотоводства, там, где они исчезли, может решить экономические проблемы современного животноводства. Наше исследование вскрыло необходимость гибкого мышления относительно частных условий в разных частях Внутренней Азии. С одной стороны, остается актуальным усиление тех элементов устойчивых практик коллективного периода, которые сохранились до сих пор и действуют в отдельных местностях, с другой – совмещение традиционных способов пастъбы и современной техники и технологии для развития производства в современной экономической ситуации. Проблемы могут быть общими, но решения должны быть частными.

На большей части Внутренней Азии сохраняется неопределенность в развитии традиционной местной культуры, тесно связанной с кочевым скотоводством в отношении пространства и свободы передвижения и с буддизмом, который ассоциировался с уважением всех форм жизни и культивацией личной и общественной духовности. Ослабление идеологического контроля позволило этим идеалам сформировать свои основы для социальной деятельности. Примечательно, что во всей Внутренней Азии самым распространенным ритуалом стала церемония обоо, направленная на достижение благоприятных отношений с окружающей средой. Это произошло как раз в то время, когда ухудшились общие экономические условия и массовая культура начала проникать во все части региона. Таким образом, пока некоторые люди, как в сельской Тыве, так и Бурятии, сознательно пытаются воскресить древние ритуалы в традиционной

и исконной форме, другие отрицают прошлое и скептически настроены в отношении их действенности.

В регионе постепенно усиливается актуальность решения вопросов охраны окружающей среды, в том числе и в результате активизации традиционных религий. В наших исследованиях мы обнаружили высокую чувствительность местного населения к состоянию природной среды по всему региону.

Коренные скотоводы Внутренней Азии демонстрируют свое отношение к окружающей среде (*байгал орчин*) как уважительное и священное. Среди всего скотоводческого населения наиболее чувствительными к природоохранным проблемам оказались люди, живущие в Тыве, Западной Монголии и населенных монголами районах Синцзяня, где элементы природы почитаются наравне с религиозными ценностями. Охрана природы является необходимой составляющей поведения и российских, и монгольских, и китайских скотоводов.

Некоторые исследования показывают [Tsui, 1995], что существуют проблемы, общие для всех изученных скотоводческих обществ во всех трех странах (озабоченность чистотой водных ресурсов, воспроизводством трав и деревьев и др.) и более дифференцированные по местности. Так, многие вопросы защиты окружающей среды могут вызвать живой отклик у населения, в то время как другие, например, охота, остаются более спорными. Верования во Внутренней Азии несут практическое влияние. Ранее мы отмечали [Gomboev et al., 1995], что единственной нетронутой территорией в Баргузинской долине является холм, где люди поклоняются местному духу и не пасут скот. Например, в Тыве скотоводческие общности связывают сильные религиозные верования с соблюдением широкого ряда ритуалов (запрет на подрезание деревьев, регулирование охоты и т.д.). Это служит свидетельством взаимодействия местных культурных традиций с воззрениями на охрану природной среды. Мы обнаружили, что территории, где местная культура находится под угрозой исчезновения (например, упадок в использовании родного языка или исчезновение традиционного скотоводства), являются также районами с наиболее серьезными экологическими проблемами.

Все указанные выше особенности аграрного землепользования и развития традиционного скотоводства в районах Внутренней Азии объединяются одним стержнем – равнозначностью природных, хозяйственных и социальных составляющих изучаемых объектов и процессов.

Таким образом, основы совершенствования землепользования в регионе заключаются в целенаправленном хозяйственном использовании земель, установлении его характера и интенсивности на основе существующих взаимосвязей между производительностью (основанием необходимости), географическими условиями и ресурсами (основаниями возможности) и социально-культурной средой (основанием развития).

Ближайшие перспективы развития пастбищного животноводства во Внутренней Азии должны исходить из «концепции географического оптимизма», включающей, среди других, парадигму обеспечения необходимой устойчивости и модернизации «народов традиционного природопользования» [Ишмура-тов, 2001]. Любой этнос, в том числе и в степях Внутренней Азии, возникает как продукт оптимального поведения в определенном ландшафте, и само его существование свидетельствует об умении пользоваться возможностями среды [Там же]. Поэтому оптимизация аграрного землепользования в регионе должна осуществляться в формах и нормах объективно присущих данному виду природопользования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чистое скотоводство, основанное только на использовании пастбищ, при участии людей, занятых данной формой хозяйства (или номадов) обычно характеризуют как общественную формацию, имеющую существенно низкий уровень развития технологии, одностороннюю экономику, которая заставляет их зависеть от оседлых соседей [Khazanov, 1984]. Исторически скотоводы часто опирались на помощь соседних земледельцев и городов с целью получить необходимые товары. Так, например, в XIX в. восточные монголы поддерживали тесные связи с Китаем. Однако, как отмечает Вайнштейн [Vainshtein, 1980], в тот же самый период западные монголы и тувинцы имели развитое и разнообразное хозяйство, бывшее по большей части самодостаточным. В доказательство исследователь приводит факты существования местной добычи руд, металлургии, кузнечного дела, растениеводства, ирригационных систем, ремесленной технологии с использованием дерева, шерсти и кожи, а также комплекса хозяйства, связанного с охотой, рыболовством и разведением оленей. В свою очередь, наше исследование показало, что в центральных степях Внутренней Азии скотоводство само по себе может быть самостоятельным производством с самодостаточной технологией. Использование высокого уровня техники и механизации, привнесенной в традиционное скотоводческое хозяйство извне, отнюдь не противоречило исконной степной культуре. Таким образом, в противовес традиционным представлениям о кочевном животноводстве как о хозяйстве с низким уровнем технологии и организации, нам представляется, что они могут быть приемлемы только лишь для отдельных территорий Внутренней Азии и относятся к меньшинству ее населения, занимающемуся именно пастбищным скотоводством («пастушеством»). Но и эта группа населения, помимо пастушества, участвует также в торговле, приобретая нескотоводческие продук-

ты и тем самым обеспечивая функционирование производств более широкого профиля. Во Внутренней Азии имеется большое количество хозяйств такого типа.

Многие скотоводы имеют удивительную способность приспосабливаться к обстоятельствам и жить в них. Внутренняя Азия продолжает меняться: история ее районов показывает, что все территории региона развиваются в едином направлении модернизации. Так, развитие российской, монгольской и китайской частей региона ориентировано на различные социальные формы в будущем. В российских и, в некоторой степени, монгольских районах происходит возврат к использованию родных языков и приобщение к религиям, остаются актуальными экономические проблемы развития механизации в Китае, продолжается языковая и культурная ассимиляция, сохраняется политический контроль авторитарного государства. Даже тенденции к увеличению торговли и глобализации потребления принимают разные формы. Однако народы Внутренней Азии объединены сознанием своей исторической взаимосвязанности. Кроме того, скотоводческая жизнь в значительной мере связана с широкими степными просторами, которые являются общими для всех скотоводов.

Изучив проблемы в пастбищном животноводстве и землепользовании региона, а также опыт их разрешения, мы полагаем, что рассмотренные территории, включая периферийные районы больших государств, составляют отдельную сферу хозяйствования, могут использовать общий опыт для достижения сбалансированного развития.

В настоящее время мировому сообществу предстоит столкнуться с «вызовом», по терминологии А. Тойнби [1991], который чаще всего диктуется углублением конфликтов между обществом и природой [Липец, Пуляркин, 2001]. По мнению последних, на современном этапе целесообразно вести речь об интегральном историческом процессе, который включает экологический, экономический и социокультурный компоненты. Необходимо искать компромиссные варианты путей общественного развития, которые должны привести к сбалансированному прогрессу с учетом реальных условий и ограничений. Данная задача актуальна для всех территориально-иерархических уровней – глобального, регионального и локального. Поскольку развитие и модернизация общества имеют ярко выраженный государственный (региональный) характер, то становится очевид-

ной необходимость проведения страноведческих исследований для информационного обеспечения комплексного эколого-социально-экономического анализа территорий разного уровня. В этих условиях география – это единственная наука, способная синтезировать естественно-исторический, экономический и социальный подходы в рамках целостного учения об организации пространства, где протекает жизнь человека во всех его проявлениях [Котляков, 2001]. Решению перечисленных задач и было посвящено настоящее исследование традиционного скотоводческого общества в районах Внутренней Азии.

Основными его результатами стали следующие.

1. Определены теоретические и методологические основы географического изучения территориальной организации пастбищного животноводства во Внутренней Азии и их методическое обоснование. Показано, что территориально-структурная дифференциация природопользования вообще и аграрного землепользования в частности организована в виде сочетания различных видов элементов, функционирующих на определенной территории и объединенных географическим пространством и структурами управления. Во Внутренней Азии это проявляется в адаптации скотоводческого хозяйства к природной среде, основанной на использовании рассредоточенных по территории и во времени пастбищных ресурсов. Многоступенчатый уровень территориальной организации аграрного землепользования в регионе предопределяет использование различных методов исследования, раскрывающих условия его функционирования.

2. Показано влияние природных условий районов Внутренней Азии на формирование структуры землепользования. Для пастбищного животноводства (где способом координации потребностей скота и естественных сезонных условий являются кочевки) изменчивость естественных условий окружающей среды в пространстве и во времени, биологические потребности животных и их содержание являются теми природными факторами, которые влияют на организацию и, соответственно, на структуру аграрного землепользования региона.

3. Выявлены социально-экономические причины эволюции традиционных систем аграрного землепользования в пастбищном животноводстве Внутренней Азии. Эти изменения, не всегда совпадавшие в историческом разрезе в различных государственных образованиях на территории региона, имеют сходную

политико-экономическую природу, заключающуюся в изменении отношений к собственности.

4. Обосновано выделение основных этапов трансформации аграрного землепользования животноводческих систем во Внутренней Азии. Проведено их описание. Эти этапы соответствуют трем периодам общественного развития региона: первый – до обобществления основных средств производства (дореволюционный); второй – при общественной собственности на средства производства (социалистический); третий – при смене общественной собственности на средства производства на многоукладную экономику (транзитивный).

5. Оценены пространственные уровни территориальной организации аграрного землепользования nomадного животноводства во Внутренней Азии. Эти уровни соответствуют иерархии административно-территориальных образований региона с присущими им природно-экологическими условиями и включают: Внутреннюю Азию в целом; субъекты государственных образований на территории региона – Республику Бурятию, Республику Тыву, Читинскую область в Российской Федерации, Монголию, автономный район Внутренняя Монголия, Синьцзянь-Уйгурский автономный район в Китайской Народной Республике; административные образования, соответствующие уровню сельских районов; административные образования, соответствующие уровню сельских администраций; индивидуальные хозяйства.

6. Обоснованы основные направления в создании условий сбалансированного развития nomадного животноводства во Внутренней Азии, определена его роль в достижении устойчивого состояния географической среды региона. Определено, что оптимизация пространственных уровней аграрного землепользования в пастбищном животноводстве Внутренней Азии обеспечивается единством его экологического, хозяйственного и социокультурного компонентов. Она является важнейшей предпосылкой развития скотоводческого хозяйства и одним из условий поддержания устойчивого состояния географической среды региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983.
- Антипова А.В.* География России. Эколого-географический анализ территории. – М., 2001.
- Базаргур Д.* БНМАУ-ин малчдин нуудэл. – Улаанбаатар, 1989.
- Баранский Н.Н.* Экономическая география. Экономическая картография. – М., 1956.
- Баранский Н.Н.* Избранные труды. Становление советской экономической географии. – М., 1980.
- Баргузинская котловина.* – Улан-Удэ, 1993.
- Батуева И.Б.* Буряты на рубеже XIX–XX веков: историко-этнографический очерк. – Улан-Удэ, 1992.
- Бахрах М.* Показатели экономического использования территории // *Вопр. экономики.* – 1971. – № 6.
- Берсенева И.А.* Климат // *Горная лесостепь Восточного Хангая.* – М.: Наука, 1983. – С. 32–39.
- Берлянт А.М.* Образ пространства: карта и информация. – М., 1986.
- Блауберг И.В., Юдин З.Г.* Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973.
- Блохин Л.Ф.* Сахель: уроки одной экологической катастрофы. – М., 1992.
- Бурова Н.П.* Исследователь Центральной Азии и Восточной Сибири Григорий Николаевич Потанин // *География Азиатской России на рубеже веков: Материалы XI научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока (Иркутск, 28–30 ноября 2001 г.).* – Иркутск, 2001.
- Буянтуев Б.Р.* Баргузинская долина. – Улан-Удэ, 1959.
- Василевский И.Л., Полян П.М.* Территориальные структуры народного хозяйства и их параметризация // *Изв. АН СССР. Сер. геогр.* – 1978. – № 2.
- Горшкова А.А., Монгуш Л.Т.* Степные пастбища Центральной Тувы. – Кызыл, 1992.
- Гомбоев Б.О., Бардаханова Т.Б., Кириенко Г.С. и др.* Эколого-экономическое обоснование территориальной организации природопользования в регионе. – Улан-Удэ, 1992.

- Гомбоев Б.О.* Территориальные системы землепользования Бурятии (экономико-географический аспект). – Улан-Удэ, 1992.
- Гомбоев Б.О., Тулохонов А.К., Хэмфри К. и др.* Хозяйство, культура и окружающая среда в районах Внутренней Азии. – Новосибирск, 2001.
- Грум-Гржимайло Г.Е.* Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Изв. ВГО. – 1933. – Т. 65, вып. 5.
- Гумилев Л.Н.* Хунны в Китае. – М.: Наука, 1974.
- Гукин П.Д., Востокова Е.А., Матюшкин Е.Н.* Охрана экосистем Внутренней Азии. – М.: Наука, 1998.
- Гукин П.Д., Дедков В.П.* Общие черты климата // Комплексная характеристика пустынных экосистем Заалтайской Гоби: Сб. науч. тр. – Пушино, 1983. – С. 11–13.
- Данные* Бурятского филиала института Востсибгипрозем. – Улан-Удэ, 1998.
- Девяткин Е.В.* Кайнозой Внутренней Азии: Стратиграфия, геохронология, корреляция. – М.: Наука, 1981.
- Джамбаджамац Б.* Холо адж ахуйн ур амсгалин нутс. – Улаанбаатар, 1984.
- Динесман Л.Г.* История экосистем // Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В. История степных экосистем Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1989. – С. 192–205.
- Дмитревский Ю.Д.* Некоторые вопросы экологической культуры народов Африки // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2000. – № 5.
- Дорофеев Н.И.* История развития водных экосистем Монголии по данным диатомового анализа озерных отложений: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – М., 1994.
- Евстифеев Ю.Г.* Почвы крайне аридных территорий МНР // Проблемы освоения пустынь. – 1980. – № 2. – С. 20–30.
- Ефремов Ю.К.* Природные ресурсы // Экономическая энциклопедия. – М., 1965.
- Жимбиев Б.Ц.* Особенности архитектурно-планировочной организации сельских населенных мест Восточной Сибири (на примере Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей): Автореф. канд. дис. – М., 1989.
- Жимбиев Б.Ц.* Экология и генезис архитектуры Центральной Азии // Человек у Байкала и среда его обитания. – Улан-Удэ, 1991.
- Замятин Д.Н.* Геополитика цивилизаций: у «водоразделов» современной геополитической мысли // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2001. – № 3.
- Иванов К.И.* Территориальные системы общественного производства. – М., 1975.
- Ишмуратов Б.М.* Итоги и перспективы освоения территории Азиатской России // География Азиатской России на рубеже веков:

- Материалы XI научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока (Иркутск, 28–30 ноября 2001 г.). – Иркутск, 2001.
- Ишмуратов Б.М.* Фундаментальные вопросы исследования природного потенциала и его использования // Природно-ресурсный потенциал Азиатской России и сопредельных стран: Материалы Международной конференции (Иркутск, 11–13 сентября 2002 г.). – Иркутск, 2002а.
- Ишмуратов Б.М.* У истоков географического монголоведения (к 100-летию со дня рждения А.Д. Симюкова) // Геогр. и прир. ресурсы. – 2002б. – № 4. – С. 118–123.
- Казанцева Т.И., Даважамц Ц.* Продуктивность фитоценозов степей и пустынь основных природных зон МНР. – М.: Наука, 1986.
- Карамышева З.В., Банзрагч Д.* О некоторых ботанико-географических закономерностях Хангая в связи с его районированием // Растительный и животный мир Монголии. – Л.: Наука, 1977. – С. 7–26.
- Карамышева З.В., Волкова Е.А., Рачковская Е.И., Сумерина И.Ю.* Карта растительности Монгольской Народной Республики // Геоботаническое картографирование. – Л.: Наука, 1987. – С. 5–26.
- Корытный Л.М.* Природные ресурсы: новые теоретические представления на рубеже веков // Природно-ресурсный потенциал Азиатской России и сопредельных стран: Материалы Международной конференции (Иркутск, 11–13 сентября 2002 г.). – Иркутск, 2002.
- Котляков В.М.* Избранные сочинения: В 6 кн. Кн. 3: География в меняющемся мире. – М.: Наука, 2001.
- Котляков В.М., Трофимов А.М., Селиверстов Ю.П., Рубцов В.А.* Понятие структуры территориальных систем и некоторые подходы к ее моделированию // Изв. РАН. Сер. геогр. – 1999. – № 5.
- Куракова Л.И.* Современные ландшафты и хозяйственная деятельность. – М.: Просвещение, 1983.
- Лавренко Е.М.* О растительности степей и пустынь Монгольской Народной Республики // Проблемы освоения пустынь. – 1978. – № 1. – С. 3–18.
- Лавренко Е.М., Карамышева З.В., Никулина Р.И.* Степи Евразии. – Л.: Наука, 1991.
- Липец Ю.Г., Пуляркин В.А.* Нелинейные процессы мирового развития // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2001. – № 4.
- Лютый А.А.* Язык карты: сущность, система, функции. – М., 2002.
- Материалы* Куломзинской комиссии. Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. – Санкт-Петербург, 1898.
- Маркс К.* Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 65–185.

- Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 188–321, 576–784.
- Машибиц Я.Г. Комплексное страноведение. – Смоленск, 1998.
- Миланова Е.В., Рябчиков А.М. Географические аспекты охраны природы. – М.: Мысль, 1979.
- Миц А.А. Экономическая оценка естественных ресурсов (научно-методологические проблемы учета географических различий в эффективности использования). – М., 1973.
- Михайлов Ю.П. Ресурсные географические карты // Геогр. и прир. ресурсы. – 1984. – № 4. – С. 3–8.
- Михайлов Ю.П. Сельское хозяйство и природная среда // Геогр. и прир. ресурсы. – 2001а. – № 2. – С. 111–115.
- Михайлов Ю.П. Возрождение геополитики и ее новые грани // География Азиатской России на рубеже веков: Материалы XI научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока (Иркутск, 28–30 ноября 2001 г.). – Иркутск, 2001б.
- Михайлов Ю.П. Территориальные ресурсы как географическое понятие // Природно-ресурсный потенциал Азиатской России и сопредельных стран: Материалы Международной конференции (Иркутск, 11–13 сентября 2002 г.). – Иркутск, 2002.
- Моисеев Н.Н. Люди и кибернетика. – М.: Молодая гвардия, 1984.
- Мурзаев Э.М. Монгольская Народная Республика. – М.: Географгиз, 1952.
- Мурзаев Э.М. Природа Синьцзяня и формирование пустынь Центральной Азии. – М.: Наука, 1966.
- Намжилова Л.Г., Тулоханов А.К. Эволюция аграрного природопользования в Забайкалье. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.
- Национальный атлас Монгольской Народной Республики. – Улан-Батор; Москва: ГУГК СССР; ГСК МНР, 1990.
- Ногина Н.А. Своеобразие почв и процессов почвообразования в Центральноазиатской фации // Почвоведение. – 1989. – № 2. – С. 5–14.
- Ногина Н.А., Доржготов Д. Своеобразие почв и почвенного покрова МНР // Биологические ресурсы МНР, их использование и охрана. – Улан-Батор, 1980. – С. 11–13.
- Обручев В.А. Орография Центральной Азии и ее юго-восточной окраины // Избранные труды по географии Азии. – М.: Географгиз, 1951.
- Осинов А.К. Регион и его экономическая структура // Вестн. Удмуртского ун-та. – 1996. – № 3.
- Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни: Зарубежный опыт и проблемы России. – М., 2002.
- Потаев В.С. Фермерство, на мой взгляд, – единственно верный путь реформ на селе. – Бурятия. – 1994. – 15 дек. – С. 4.
- Предбайкалье и Забайкалье: Природные условия и естественные ресурсы. – М.: Наука, 1965.

- Преображенский В.С., Фадеева Н.В., Кельнер Ю.Г. и др. Опыт ландшафтно-типологического районирования МНР по космическим материалам // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1984. – № 4. – С. 5–14.
- Пуляркин В.А., Егоров И.Д. Развивающиеся страны: природопользование и хозяйственный рост. – Якутск: Бичик, 2000.
- Равский Э.И. Осадконакопление и климат Внутренней Азии в антропогене. – М.: Наука, 1972.
- Рачковская Е.И. Крайнеаридные типы пустынь в Заалтайской Гоби // Проблемы экологии, геоботаники, ботанической географии и флористики. – Л.: Наука, 1977.
- Рачковская Е.И. Растительность гобийских пустынь Монголии. – СПб.: Наука, 1977.
- Рихтер Г.Д., Преображенский В.С., Нефедьева Е.А. Комплексное природное районирование СССР // Современные проблемы природного районирования. – М., 1975.
- Рубцов В.А. Общие подходы к моделированию структур географического образования. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993.
- Румянцев Г.Н. Баргузинские летописи. – Улан-Удэ, 1965.
- Садовский В.Н. Основы общей теории систем. – М.: Наука, 1974.
- Салищев К.А. Картография, ее предмет и некоторые задачи // Вопросы географии. – 1984.
- Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973.
- Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. – М.: Просвещение, 1980.
- Симуков А.Д. Хотоны // Современная Монголия. – 1933. – № 3.
- Симуков А.Д. Монгольские кочевки // Современная Монголия. – 1934. – № 4(7).
- Симуков А.Д. Материалы по кочевому пути населения МНР // Современная Монголия. – 1935. – № 6 (13).
- Симуков А.Д. Материалы по кочевому пути населения МНР // Современная Монголия. – 1936. – № 2 (15).
- Синицин В.М. Палеогеография Азии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Системные исследования в науках о Земле. Новое в жизни, науке, технике // Науки о земле. – 1980. – № 11.
- Современная география мирового хозяйства. – М.: Просвещение, 1977.
- Сочава В.Б. Географические аспекты сибирской тайги. – Новосибирск: Наука, 1980.
- Статистический сборник Государственного комитета по статистике Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 1993.
- Тайшин В.А. Развитие кочевничества как один из путей экономически целесообразного и экологически приемлемого сельскохозяйственного производства // Экономический рост: пробле-

- мы и пути решения: Сб. докл. и ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.
- Тайшин В.А., Лхасаранов Б.Б., Джеймс Р. и др.* Атлас номадных животных. – Новосибирск, 1999.
- Тойнби А.Д.* Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991.
- Трофимов А.М., Хузеев Р.Г.* Структура геосистем и представление о функциональном прогнозе // Изв. ВГО. – 1988. – Т. 117.
- Тютюнник Ю.Г.* Ландшафт как структура // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1990. – № 2.
- Тулохонов А.К.* Историко-географические аспекты связи сельского хозяйства Байкальского региона с природной средой // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1990. – № 2.
- Харитонов Ю.Д.* Кормовая ценность степных пастбищ Юго-Западного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1980. – 126 с.
- Хузеев Р.Г.* Противоречивость географических структур // Новые подходы к структурно-динамическим исследованиям геосистем. – Казань, 1989.
- Цимбурский В.Л.* Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. – М., 2000.
- Юнатов А.А.* Кормовые растения пастбищ и сенокосов Монгольской Народной Республики. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 351 с. (Тр. Монг. комиссии; Вып. 56.)
- Asad T.* Equality in nomadic social system? Notes towards the dissolution of an anthropological category // Pastoral Production and Society. – Cambridge: University Press, 1979.
- Batbuyan B.* Proposal for the adoption of ecologically appropriate regions for herding in Inner Asia // Report for the MacArthur ECCIA Project. – Cambridge, 1995.
- Bawden C.R.* The modern History of Mongolia. – L., 1968.
- Bazargur D., Chinbat S., Shiirev-Ad'yaа S.* Bugd Nairamdah Mongol Ard Ulsyn Malchdyn Nuudel. – Ulaanbaatar: State Publishing House, 1989.
- Behnke, R.H., Scoones, I.* Rethinking range ecology: Implications for rangeland management in Africa // Range Ecology at Disequilibrium. – London: ODI, 1993.
- Bowles P. Dong X.-Y.* Current successes and future challenges in China's economic reforms // New Left Review. – 1994. – N 208.
- Clarke, J.I.* Population Geography. – Oxford: Pergamon Press, 1972.
- Croll E.* From Heaven to Earth: images and experiences of development in China. L.: Routledge, 1994.
- Dresch J.* Desertification et Tiers-monde // Pense. – Paris, 1980. – N 212.
- Editing Committee for Vegetation of China (ECVC) [Zhongguo zhibei bianji weiyuanhui]. Zhongguo zhibei [Vegetation of China]. – Beijing: Science Press, 1980.*

- Erdenijab E.* On the future of the pastoral economy in Inner Mongolia: man, society and nature // Report for the MacArthur ECCIA Project. – Cambridge, 1995.
- Eredenebaatar B.* The socio-economic aspects of the pastoral movement patterns of Mongolian herders // Culture and Environment in Inner Asia. – Cambridge: White Horse Press, 1995.
- Ellis J., Coughenour B., Swift D.* Climate variability, ecosystem stability, and the implications for range and livestock development // Range Ecology at Disequilibrium. – L.: ODI, 1993.
- Frankie R., Chasin B.* Peasants, peanuts, profits and pastoralists // Ecologist. Wadebridge, 1981. – Vol. 11, N 4.
- Grasslands and Grassland Sciences in Northern China.* – Washington, D.C.: National Academy Press, 1992.
- Goldstein M.C., Beall C.M.* Traditional conservation on Tibet's northern plateau // National Geographic Research. – 1989. – Vol. 62. – 139-156.
- Gomboev B., Seculich I., Pykhalova T. et al.* The present condition and use of pasture in the Barguzin valley // Report for the MacArthur ECCIA Project. – Cambridge, 1995.
- Hardin, G.* The Tragedy of the Commons // Science. – 1968. – Vol. 16.
- Hell C., Quere P.* La system d'elevage de la banniere Ujumgin de l'Ouest: Mongolie – Interieure, Chine // Etudes Mongoles et Siberiennes. – 1993. – N 24. – P. 237-290.
- Humphrey C.* Pastoral Nomadism in Mongolia: the role of herders' cooperatives in the national economy // Development and Change. – 1978. – Vol. 9. – P. 133-160.
- Humphrey C.* Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm. – Cambridge: University Press, 1983.
- Humphrey C., Zhimbiev B.* Settlement, sedentarisation and urbanisation in Inner Asia // Report for the MacArthur ECCIA Project. – Cambridge, 1995.
- Humphrey C.* Social institutions in rural Inner Asia // Report for the MacArthur ECCIA Project. – Cambridge, 1995.
- Humphrey C., Sneath D.* Report on the use of remotely-sensed data in the analysis of contemporary pastoralism in Inner Asia. Report for the Joint Research Centre, Institute for Remote Sensing Applications. – Ispra, 1995.
- Humphrey C., Sneath D.* The End of Nomadism? Society, State and the Environment in Inner Asia. – Cambridge: White Horse Press, 1999.
- Hurelbaatar A.* The Transformation of the Pastoral Economy of Huuchin Barga // Report for the MacArthur ECCIA Project. – Cambridge, 1995.
- Jacobs A.H.* Masai pastoralism in historical perspective // Pastoralism in Tropical Africa: Studies pres. and discuss. at the 13th Intern. Afr. seminar, Niamey, Dec. 1972 /: Monod Th. (ed.). – L., 1975. – P. 406-425.

- Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. Cambridge: – Cambridge University Press, 1984.
- Li B.* Basic topology and eco-geographical principles of the zonal vegetation in Inner Mongolia. *Neimenggu daxue xuebao // Inner Mongolia University Journal (Natural Science Edition)*. – 1962. – N 2.
- Li B. et al.* The vegetation of the Xilin River Basin and its utilization // *Caoyuan shengtai xitong yanjiu [Research on Grassland Ecosystem]*. – 1988. – N 3. – P. 84–183.
- Li O., Ma R., Simpson J.R.* Changes in the nomadic pattern and its impact on the Inner Mongolian grassland ecosystem // *Nomadic Peoples*. – 1993. – Vol. 33. – P. 66–72.
- Liu Z.* Vegetation survey of Inner Mongolia steppe region // *Neimenggu daxue xuebao [Inner Mongolia University Journal (Natural Science Edition)]*. – 1960. – N 2.
- Liu Z. et al.* Regional characteristics and utilization directions of natural resources in Inner Mongolia // *Zhiwu shengtaixue keyan chengguo buibian [Collection of Scientific Research Achievements in Plant Ecology]*. – Hohhot: Inner Mongolia University Press, 1987. – P. 838–870.
- Longworth J., Williamson G.* China's Pastoral Region: Sheep and Wool, Minority Nationalities, Rangeland Degradation and Sustainable development. – Oxford, 1993.
- Loucks O., Wu J.* The Northeast' in Grasslands and Grassland Sciences in Northern China: National Research Council Report. – Washington D.C.: National Academy Press, 1992.
- Ma R.* Migrant and ethnic integration in the process of the socio-economic change in Inner Mongolia, China: a village study // *Nomadic Peoples*. – 1993. – Vol. 33. – P. 173–191.
- Ma R., Li O.* The impact of the system reform on pasture use and environment in Inner Mongolia: a case study. Paper presented at the Wingspeed Conference Center. – Wisconsin, 1993. – November 4–7.
- Natsagdorj S.H.* The Economic Basis of Feudalism in Mongolia // *Modern Asian Studies*. – 1967. – Vol. 1, N 3.
- Odner K.* Encapsulation in capitalist economy and traditional norms: contributing factors to ecological imbalance among the Kenyan Masai // *Norsk. geogr. tidsskr.* – Oslo, 1978. – Arg. 32, N 4.
- Sall A.* Quel aménagement pastoral pour le Sahel? // *Tiers monde*. – Paris, 1978. – Vol. 19, N 73. – P. 161–169.
- Sandford S.* Management of Pastoral Development in the Third World. – L.: ODI; Chichester: John Wiley & Sons, 1983.
- Sanjdorj M.* Manchu Chinese Colonial Rule in Northern Mongolia. – L., 1980.
- Schwartz H.J.* Understanding the ecology of a nomadic system of livestock production // *Impact of science on society*. – Paris, 1980. – Vol. 30, N 4. – P. 279–288.

- Shombodon D.* The division of labour and the work situation of herdsmen in Mongolia // *Report for the MacArthur ECCIA Project*. – Cambridge, 1995.
- Sneath D.* Post-revolutionary Social and Economic Change among the Pastoral Mongolian Population of Inner Mongolia: Ph.D. – Thesis: University of Cambridge, 1991.
- Sneath D.* Social relations, networks and social organisation in post-socialist rural Mongolia // *Nomadic Peoples*. – 1993. – Vol. 33. – P. 193–207.
- Sneath D.* Rural social organisation and residence in contemporary Inner Asia // *Report for the MacArthur ECCIA Project*. – Cambridge, 1995a.
- Sneath D.* Spatial mobility and Inner Asia pastoralism // *Report for the MacArthur ECCIA Project*. – Cambridge, 1995b.
- Telenged B.* Livestock breeding in Mongolia past and present: the advantages and disadvantages of traditional and modern animal breeding practices // *Report for the MacArthur ECCIA Project*. – Cambridge, 1995.
- Tsui Y.-H.* Comparative study of the attitudes of the peoples of pastoral areas in Inner Asia towards their environments // *Report for the MacArthur ECCIA Project*. – Cambridge, 1995.
- Tsui, Y.-H.* Changing social organisations and their relations to the environment in the pastoral areas of North Xinjiang // *Report for the MacArthur ECCIA Project*. – Cambridge, 1995.
- Vainshtein S.* Nomads of South Siberia. – Cambridge University Press, 1980.
- Wang X., Bai N.* The Poverty of Plenty. – Basingstoke: Macmillan, 1991.
- Wang Y. et al.* Characteristics of vegetational zonation in Inner Mongolia Autonomous Region // *Acta Botanica Sinica*. – 1979. – N 3.
- Xinjiang Integrated Survey Team (XIST) and Institute of Botany (IOB), CAS [Zhongguo kexueyuan Xinjiang zonghe kaochadui yu zhiwu yanjiusuo]. Xinjiang zhibei ji qi liyong. [Vegetation of Xinjiang and its Utilization]. – Beijing: Science Press, 1978.*
- Yan Y.* The impact of rural reform on economic and social stratification in a Chinese village // *Australian Journal of Chinese Affairs*. – 1992. – Vol. 27. – P. 1–23.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3	3.4. Кочевое животноводство и землепользование	100
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ И МЕТОДЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ	8	Глава 4. ОРГАНИЗАЦИЯ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В РАЙ- ОНАХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ (на примере ключевых участков)	123
1.1. Территориально-структурная дифференциация аграрного землепользования (основные понятия и определения)	—	4.1. Российская Федерация	—
1.2. Территориальная организация пастбищного животноводства в аридных ландшафтах	14	4.1.1. Республика Бурятия	—
1.3. Методы исследования аграрного землепользования на тер- ритории Внутренней Азии	20	4.1.2. Читинская область	139
1.3.1. Метод комплексного обследования ключевых участ- ков на основе специально разработанных вопросни- ков	21	4.1.3. Республика Тыва	141
1.3.2. Картографический метод	23	4.2. Монголия	144
1.3.3. Исторический метод	24	4.2.1. Сум Ховд, аймак Увс	145
Глава 2. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В РАЙОНАХ ВНУТ- РЕННЕЙ АЗИИ	28	4.2.2. Сум Дашбалбар, аймак Дорнод	147
2.1. Внутрирегиональные различия природных условий во Внут- ренней Азии	—	4.2.3. Сум Сумбэр, аймак Дорноговь	150
2.2. Типы природных условий и кочевки	36	4.3. Китайская Народная Республика	152
2.3. Земельный фонд Внутренней Азии и его использование ..	41	4.3.1. Автономный район Внутренняя Монголия	—
Глава 3. ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В РАЙОНАХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ	48	4.3.2. Синьцзянь-Уйгурский автономный район	159
3.1. Организационная структура животноводства во Внутрен- ней Азии и ее трансформация в переходный период	—	4.4. Организация кочевков в ключевых участках исследования .	167
3.1.1. Организация животноводства в районах России (Рес- публика Бурятия, Республика Тыва, Читинская об- ласть)	60	Глава 5. ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ АГРАРНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬ- ЗОВАНИЯ В РАЙОНАХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ	188
3.1.2. Организация животноводства в районах Китая (Синь- цзянь-Уйгурский автономный район) и автономный район Внутренняя Монголия	63	5.1. Рационализация территориальных уровней организации аг- рарного землепользования в пастбищном животноводстве Внутренней Азии	—
3.1.3. Организация животноводства в районах Монголии ..	78	5.2. Основные направления совершенствования аграрного зем- лепользования во Внутренней Азии с позиций оптимизации развития пастбищного животноводства	191
3.2. Организационные формы управления животноводством и качество окружающей природной среды	82	5.3. Перспективы развития пастбищного животноводства во Внут- ренней Азии	197
3.3. Селитба и организация животноводства и аграрного зем- лепользования во Внутренней Азии	88	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	211
		СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	215

CONTENTS

INTRODUCTION	3		
Chapter 1. THEORETICAL BASED OF THE ORGANIZATION OF PASTURAL LAND-USE AND METHODS OF ITS STUDING	8		
1.1. Territorial-structural differentiation of pastural land-use (basic concepts and definitions)	—		
1.2. Territorial organization of pasturable cattle-breeding in arid landscapes	14		
1.3. Methods of research of of pastural land-use on the territory of Inner Asia	20		
1.3.1. Method of complex inspection of key sites on a basis of specially developed questionnaires	21		
1.3.2. Cartographical method	23		
1.3.3. Historical method	24		
Chapter 2. TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF THE ENVIRONMENT AND LAND RESOURCES IN THE REGIONS OF INNER ASIA	28		
2.1. Interregional distinctions of the environment in Inner Asia	—		
2.2. Types of environment and roaming from place	36		
2.3. Land fund of Inner Asia and its use	41		
Chapter 3. INTERREGIONAL FEATURES OF PASTURAL LAND-USE IN AREAS OF INNER ASIA	48		
3.1. Organization structure of cattle-breeding in Inner Asia	—		
3.1.1. Organization of cattle-breeding in the regions of Russia (Republic of Buryatia, Republic of Tyva, Chitinskaya oblast)	60		
3.1.2. Organization of cattle-breeding in the regions of China (Sintyan-Uigur Autonomic region) and Autonomic region of Inner Mongolia, ...	63		
3.1.3. Organization of cattle-breeding in the regions of Mongolia	78		
3.2. Organization forms of cattle-breeding management and quality of environment	82		
3.3. Populated territories and organization of cattle-breeding and pastural land-use in Inner Asia	88		
3.4. Nomadic cattle-breeding and land-use	100		
		Chapter 4. PASTURAL LAND-USE IN THE REGION OF INNER ASIA AND ITS TRANSFORMATION (on example of key sites)	123
		4.1. Russian Federation	—
		4.1.1. Republic of Buryatia	—
		4.1.2. Chitinskaya oblast	139
		4.1.3. Republic of Tyva	141
		4.2. Mongolia	144
		4.2.1. Sum Khovd, aimak Uvs	145
		4.2.2. Sum Dashbaldar, aimak Dornod	147
		4.2.3. Sum Sumber, aimak Dornogov	150
		4.3. People's Republic of China	152
		4.1.1. Autonomic region of Inner Mongolia	—
		4.3.2. Sintyan-Uigur Autonomic region	159
		4.4. Organization of roaming from place to place in thr key sites of investigation	167
		Chapter 5. PROBLEMS OF OPTIMIZATIONS OF PASTURAL LAND-USE IN THE REGION OG INNER ASIA AND WAYS OF THEIR SOLUTION	188
		5.1. Rationalization of territorial laval of pastural land-use organization in pasturable cattle-breeding of Inner Asia	—
		5.2. Basic direction of pastural land-use perfection in Inner Asia from positions of optimizations of pasturable cattle-breeding development	191
		5.3. Immediate perspectives of cattle-breeding development in Inner Asia	197
		CONCLUSIONS	211
		REFERENCES	215

Научное издание

Гомбоев Баир Октябрьевич

**АГРАРНОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ
ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ**

Ученый Баир Октябрьевич
Гомбоев

Редакторы *Е.М. Мерная, Ф.Х. Сагалаева*

Художник *В.И. Шумаков*

Оператор электронной верстки *Е.Н. Зимица*

Подписано в печать 13.09.06. Формат 60×90 1/16. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 300 экз. Заказ № 280.

Издательство Сибирского отделения РАН
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2